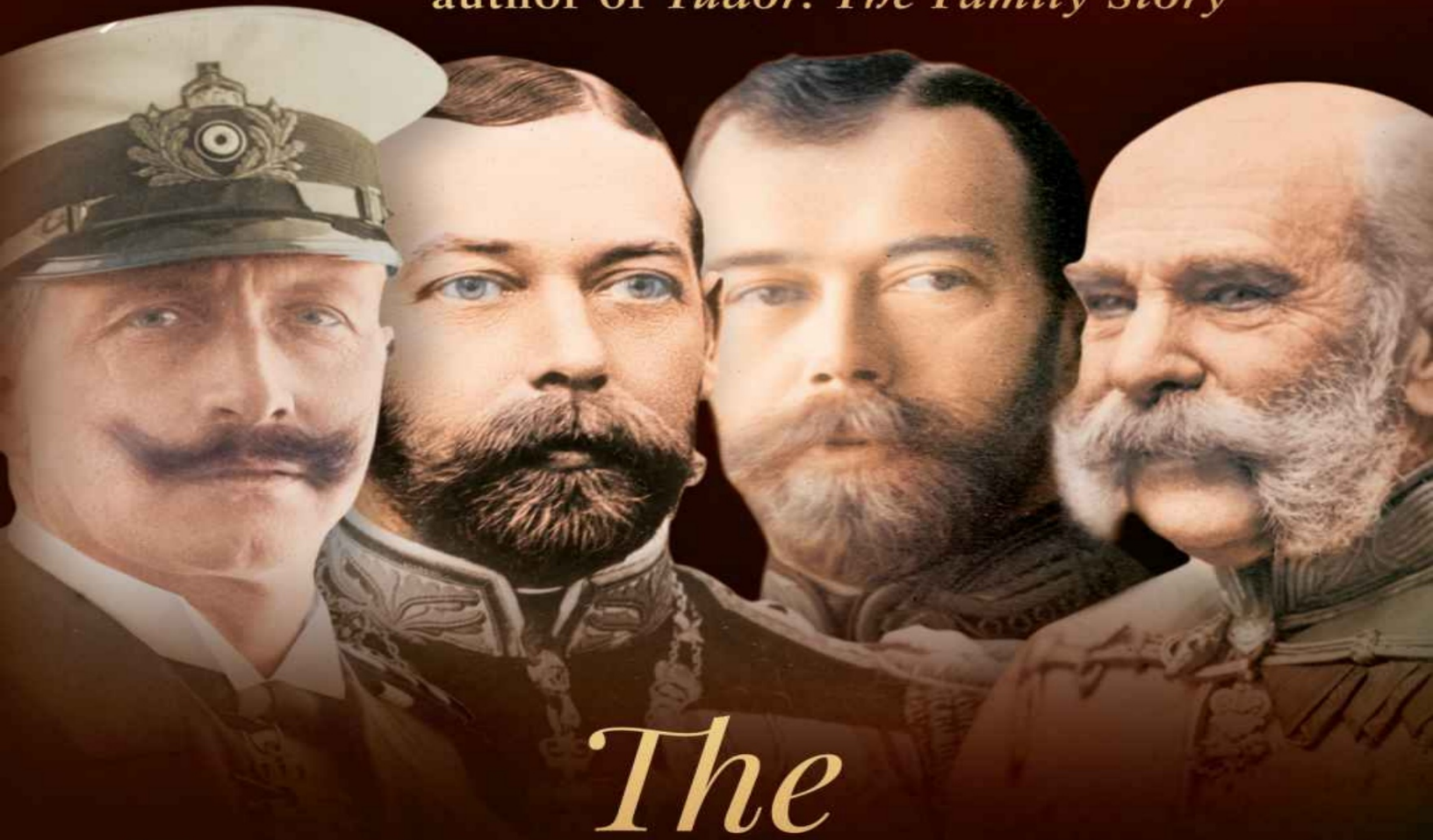

‘A family story of the royal rivalries that tore Europe apart, full of fire and tragedy’ **LEANDA DE LISLE**,
author of *Tudor: The Family Story*

The EMPERORS

HOW EUROPE'S RULERS
WERE DESTROYED BY THE
FIRST WORLD WAR

GARETH RUSSELL

The EMPERORS

The
EMPERORS

HOW EUROPE'S RULERS
WERE DESTROYED
BY THE FIRST WORLD WAR

GARETH RUSSELL

AMBERLEY

OceanofPDE.com

Чарльзу и Кэтрин,
По случаю их свадьбы

Все изображения из раздела пластинок предоставлены Библиотекой Конгресса США.

Впервые опубликовано в 2014 г.

Издательство Эмберли
Хилл, Страуд
Глостершир, GL5 4EP

www.amberley-books.com

Авторское право © Гарет Рассел, 2014 г.

Право Гарета Рассела быть идентифицированным как Автор этой работы было
заявлено в соответствии с Законом об авторских правах, образцах и патентах 1988
года.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть перепечатана, воспроизведена
или использована в любой форме или любыми электронными, механическими или другими
средствами, известными в настоящее время или изобретенными в будущем, включая
фотокопирование и запись, или в любой системе хранения или поиска информации,
без письменного разрешения. от Издателей.

Каталогизация Британской библиотеки в данных публикаций.
Запись в каталоге этой книги имеется в Британской библиотеке.

ISBN 9781445634333 (ПЕЧАТЬ)

ISBN 9781445634395 (электронная книга)

Набор и создание Amberley Publishing.

Отпечатано в Великобритании.

OceanofPDF.com

Содержание

Благодарности Пролог:

«О, Джордж, новости очень плохие?» 1 - Русская, _____

Германская и Австро-Венгерская монархии в 1913 году: «Старый Свет на закате»

2 — Сараево, 28 июня 1914 г.: «Ужасное потрясение для дорогого старого императора».

3 - Первые годы войны в Австро-Венгрии и Германии: «Идите в церкви, преклоняйте колени и молитесь о помощи нашим солдатам» _____

4 - Военное руководство Николая II и восстание Распутина: «Зрелище одновременно _____ великолепное и ужасное» _____

5 - Тотальная война и маргинализация кайзера: «Его Величество не понимает серьезности ситуации» _____

6 - Смерть Франца-Иосифа и воцарение Карла: «Да благословит Бог _____ Ваше Величество' _____

7 - Убийство Григория Распутина: «Я не могу и не поверю, что его убили» _____

8 - Февральская революция и падение Российской монархии: «Да поможет Господь Бог _____ России» _____

9 - Триумф военного правления в имперской Германии: _____ Военная диктатура уже почти не скрывалась». _____

10 - Дело Сикста и попытки прекратить войну: «Мне кажется, мы с радостью заключили бы с вами мир» _____

11 - Убийство Романовых: «Наши души в мире» _____

12 - Конец войны и падение монархий: «Это было ноздря в ноздю до самого конца» _____

Раздел изображения

Эпилог: «Она слишком мала для Татьяны» _____

Примечания

Библиография _____

Благодарности

Большая часть этой книги была написана в Белфасте, региональной столице части острова, расположенного на западной окраине континента, который был потрясен штормами глобальной трагедии Первой мировой войны, но она была завершена в Нью-Йорке. Хейвен, Коннектикут. Я хотел бы выразить благодарность библиотеке Линен-Холла в Белфасте, Бодлианской библиотеке в Оксфорде и библиотеке Беркли-колледжа в Йельском университете за создание атмосферы, столь благоприятной для работы, и за их замечательные ресурсы, которые сделали написание этой книги одновременно сложной и сложной задачей. удовольствие.

Я очень ценю помощь и поддержку со стороны многих людей, в том числе Николы Гейл, моего редактора в Amberley, моих родителей Яна и Хизер, а также Лорен Браун, Антонию Эде, Клэр Хэндли, Кэтрин Макстон-Паркер, доктора Ханны Маккормик, Роуз Морган, Эрик Спайс и Том Вудворд, с которыми впервые обсуждалась идея этой книги. Эта книга стала возможной благодаря многим превосходным научным работам, которые были предприняты за столетие после начала войны, особенно в последние годы, а также публикации ключевых первичных текстов в печатных станках Оксфордских университетов. Кембридж, Йель, Гарвард и Стэнфорд. Все историки стоят на плечах гигантов, и эта книга не исключение; Чтобы поблагодарить всех ученых, которые посвятили свою жизнь тому, чтобы сделать эти предметы такими замечательными для изучения, потребовалось бы много страниц, мужчин и женщин, таких как профессор Джон К.

Г. Рель, который потратил десятилетия на то, чтобы раскопать и опубликовать так много жизненно важных документов, касающихся вильгельмовской Германии. Тем не менее, еще один заслуживает особого упоминания: Гордон Брук-Шеперд, служивший подполковником во время оккупации Вены союзниками после 1945 года, подружился с несколькими членами семьи Габсбургов, которые активно выступали против нацистской аннексии 1938 года. Знакомство с наследным принцем Отто привело его в компанию вдовствующей императрицы Зиты, вдовы императора времен Первой мировой войны Карла. В течение нескольких десятилетий Брук-Шепард уговаривала императрицу изложить свои воспоминания на бумаге, а также выслушать несколько интервью о событиях в Вене и Будапеште во время Первой мировой войны. Благодаря этому у нас есть доступ к личным мыслям и воспоминаниям одного из

главные королевские фигуры войны - воспоминания, которые в противном случае могли бы быть потеряны. Хотя версии событий Зиты не были безошибочными, все историки, изучающие правление ее мужа, должны быть в долгу перед усердием и тактом Гордона Брук-Шепарда при их записи.

До Октябрьской революции в России использовался юлианский календарь, который на тринадцать дней отставал от григорианского календаря, принятого на Западе. Поэтому революцию, свергнувшую монархию в 1917 году, иногда называют Февральской революцией, реже — Мартовской революцией. Для ясности в книге, в которой делается попытка установить российскую монархию в ее международном контексте, я дал все русские даты в новом стиле.

Монархия во многом представляет собой великий синтез личного и политического, и я пытался, насколько это возможно, сбалансировать обе нити, насколько это возможно. Орфография и названия остаются на усмотрение читателя или автора в книге, написанной на английском языке о субъектах, которые говорили на немецком и русском языках в качестве своих первых языков. Я выбрал более германских Франца-Иосифа, Карла и Вильгельма, а не Франца-Иосифа, Карла и Вильгельма для австрийских и немецких императоров. Оба традиционных титула, используемые для императоров в Германии и России, кайзер и царь, происходят от римского цезаря, но все три монархии также использовали французский или английский перевод слова «император». В основном я называл Вильгельма II его наиболее знакомым титулом кайзера, австрийских монархов — императорами, а Николая II — царем. Я придерживался обращения к жене Вильгельма как к императрице, а не к несколько более необычному звучанию кайзерин, и, как и большинство их придворных, я колебался между обращением к Александре как к царице и императрице. Большинство этих придворных использовали титул своего суверена с большой буквы, когда обращались к ним конкретно, и я следовал их примеру, где это было возможно. Я выбрал Габсбургов вместо Габсбургов и Романовых вместо Романовых. Там, где оставалось место для сомнений, я попытался использовать титулы, более знакомые англоязычной публике, поэтому сын Николая II именуется Цесаревичем, а не Цесаревичем, а его дочери - великими княжнами, а не царевнами, в соответствии с сколько их воспитателей и вассалов обратилось к ним.

Русским традиционно дают второе имя по имени отца. Николай II был Николаем Александровичем, то есть Николаем, сыном Александра. Третьей дочерью Николая была Мария Николаевна – Мария,

дочь Николая. Княгиням, перешедшим в русскую православную веру, как императрица Александра, было принято давать отчество отчество Феодоровна, если имя их отца не переводилось на русский язык.

Гарет Рассел

Нью-Хейвен, Коннектикут

Страстная неделя, 2014 г.

OceanofPDF.com

Вам, нынешнему поколению, может показаться, что страница истории, о которой вы слышали довольно туманно, относится к эпохе, предшествовавшей вашему рождению. Вторая мировая война и вызванные ею потрясения отодвинули на задний план события войны 1914–1918 гг. Поэтому я считаю, что, может быть, будет нелишним, чтобы вы, молодые люди, знали кое-что о трагедиях в жизни нас, стариков, и о том, что мы пережили в те роковые годы.

Принцесса Мария Луиза Шлезвиг-Гольштейнская (1872–1956)

OceanofPDF.com

Пролог

«О, Джордж, новости очень плохие?»

Я хорошо помню, когда мне было семнадцать, я думал, что никогда больше не смогу быть счастливым. Я имею в виду, что все были недовольны. Потому что знал так много людей. Видите ли, каждый день кого-то убивали. Это был настоящий Холокост. Это было ужасно. Я хорошо помню это чувство.

Леди Элизабет Боуз-Лайон (1900–2002), позже королева
Супруга короля Георга VI и мать королевы Елизаветы II

Каждое воскресенье во время Первой мировой войны принцесса Мария-Луиза Шлезвиг-Гольштейнская присоединялась к своим родителям и сестре за обедом в Виндзорском замке со своим двоюродным братом, королем Георгом V. К лету 1918 года Мария-Луиза была красивой дамой лет сорока с небольшим. со своими симпатиями твердо на британской стороне конфликта. Во время чая с вдовствующей императрицей Франции Евгенией в изгнании, которой несколько лет назад было предоставлено убежище в Англии, Мария-Луиза сказала, что если хотя бы половина рассказов о деятельности кайзера правдива, то он заслуживает низложения, на что Эжени ответила: «Дитя мое». «Никто, переживший революцию, не пожелает, чтобы даже злейший враг испытал на себе все ужасы,

которые она влечет за собой». Страстность мнений Марии-Луизы была тем более примечательной, что упомянутый император был ее двоюродным братом. В этом отношении положение Марии Луизы было сравнимо с десятками европейских принцев и принцесс в годы войны. Ее стиль как принцессы Шлезвиг-Гольштейна был германским, ее отец, принц Кристиан, был немцем, а ее мать Елена была принцессой Соединенного Королевства и дочерью королевы Виктории. Ее крестным отцом был покойный император Австрии Франц-Иосиф, чья империя теперь сражалась на одной стороне с Германией, а ее бывший муж, принц Ариберт фон Ангальт, был немцем.

Тем не менее, Мария-Луиза также могла причисляться к своим двоюродным братьям королю Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии Георгу V и российской царице Александре, которая в настоящее время жила под домашним арестом со своей семьей после революции 1917 года.

Преданная британской королевской семье, Мария-Луиза подавила все довоенные эмоциональные связи с Германией и Австрией. Она испытывала большое сочувствие к своему двоюродному брату Джорджу из-за того бремени, которое он нес, поскольку война прогрессировала, а число погибших исчислялось миллионами. Воскресные обеды в Виндзоре в военное время часто были молчаливыми или угрюмыми, поскольку король, отягощенный новостями о последних данных о потерях, казался, по словам Марии Луизы, «очень усталым и обеспокоенным». Однажды днем, когда другие члены семьи собрались, чтобы встать и поприветствовать короля и королеву, как того требовал протокол, вошел государь, выглядевший «таким серьезным и огорченным», что мать Марии-Луизы, Елена, закричала: «О, Джордж, новости очень плохие? » Стоя рядом с ней, Мария-Луиза позже заявила, что готовится к еще худшим новостям из окопов на Западном фронте, где недавнее немецкое наступление привело к ужасным потерям и практически не принесло тактической выгоды.

Король ответил: «Да, но это не то, что ты думаешь. Ники, Аликс и пятеро их детей были убиты большевиками в Екатеринбурге. Я распорядился, чтобы ужасные новости не сообщались в прессе, пока я не успею сообщить об этом Виктории. Бремя долга легло на Марию Луизу, которая должна была на следующий день отправиться на остров Уайт, чтобы провести некоторое время со своей кузиной Викторией, маркизой Милфорд-Хейвен, сестрой покойной царицы. Король написал письмо, информирующее маркизу об «ужасной трагедии», и Мария-Луиза согласилась доставить его, вспоминая позже: «Мне часто приходилось сталкиваться с трудными ситуациями, которые требовали как такта, так и мужества, но никогда ничего более ужасного, чем сообщить кому-нибудь, что их любимая сестра, зять и их пятеро детей были убиты».

—

На острове Уайт маркиза взяла письмо и прочитала его наедине. Впоследствии Мария-Луиза вспомнила, что о его содержании почти ничего не говорилось. Никто не знал, что сказать о «теме слишком острой и слишком священной», и вместо этого два кузена провели несколько дней в компании друг друга, занимаясь садоводством, чтением и шитьем рубашек, шарфов, шапок и перчаток для солдат. «Я поняла, что единственное, что может в какой-то мере уменьшить ее агонию и горе, — это использовать каждое мгновение дня для определенного тяжелого труда», — писала Мария-Луиза в своих мемуарах, и только по возвращении в Лондон она «получила от нее поистине замечательное письмо, в котором она благодарила меня за мое молчание, которое помогло ей взять себя в руки и свои эмоции, чего она не могла сделать».

если бы мы подробно обсудили детали трагедии и то, что она страдала».

Во многих королевских домах Европы по поводу исчезновения и смерти Романовых воцарилось молчание. Во многом это был момент Рубикона войны, символизировавший, как, возможно, и было задумано, смерть старого мира; какая бы сторона ни выиграла войну, предшествовавший ей золотой век монархий исчез, ставший невозвратным в результате событий четырех коротких и ужасных лет.

OceanofPDF.com

Русская, немецкая и австро-венгерская Монархии в 1913 году

«Старый мир на закате»

В 1815 году силы великих держав Европы обрушились на Париж, когда их союз положил конец карьере Наполеона Бонапарта, корсиканского простолюдина, ставшего императором посреди умирающего хаоса Французской революции. Бонапарт был изгнан, а Людовик XVIII восстановлен на троне своих предков. В следующем столетии Европа стала неоспоримым хозяином земного шара. Его империи расширялись, рост его экономики и населения был беспрецедентным в истории, а его уверенность в себе казалась безграничной, поскольку изобретение железных дорог, телеграфной системы и стремительное развитие медицины, промышленности и технологий произвело революцию в образе жизни людей.

В центре «века Европы» находились монархии, величайшая из которых разрушила Наполеона в 1815 году, а затем провела конгресс победителей в Вене, главной целью которого было упрочение политического статус-кво. На протяжении почти века наследие конгресса оставалось нетронутым. Такие конфликты, как Крымская война или войны Пруссии, приведшие к объединению Германии в новую империю в 1871 году, либо ограничивались небольшими или отдаленными частями континента, либо были настолько короткими, что подпитывали растущий консенсус в отношении того, что затяжная война между великими силами было уже невозможно. Продолжительность и жестокость Гражданской войны в США между 1861 и 1865 годами часто игнорировали как не что иное, как болезни роста далекой республики, которой еще не исполнилось столетия, и лишь немногие европейцы обратили внимание на тревожные разработки в военной технике, которые помогли Америке вести войну. такой кровавый.

К 1900 году ведущие страны Европы были настолько богаты, настолько могущественны и обладали такими внушительными армиями, что возникло популярное мнение, согласно которому абсолютная чудовищность глобального влияния континента сама по себе является гарантом мира. Империи уравнивали друг друга, действуя как сдерживающие факторы друг друга, и их все более сложные союзы, которые к первому десятилетию двадцатого века сгруппировали основные нации в два различных лагеря, были частью Концерта Европы, изматывающей

дипломатический танец, который сохранил долгий мир. Оглядываясь на, казалось бы, безмятежные дни довоенного мира, Уинстон Черчилль, монархист до мозга костей, сказал: «Нации и империи, увенчанные князьями и властелинами, величественно возвышались со всех сторон, упиваясь сокровищами, накопленными за долгие годы». мир. Все они были подогнаны и закреплены, казалось, надежно, на огромной консоли. Две могучие европейские системы смотрели друг на друга, сверкая и лязгая своими доспехами, но со спокойным взглядом... Старый мир на закате был прекрасен».

Императорская Россия

В 1913 году российская имперская почтовая служба столкнулась с весьма необычной проблемой в области служебных отношений. К 300-летию воцарения династии недавно был выпущен набор марок с изображением всех правителей России с момента избрания первого царя Романовых в 1613 году. Однако возникла задержка в доставке почты, когда многочисленные почтовые служащие отказались ставить штамп на любой марке с изображением одного из Романовых. Иностранные журналисты охарактеризовали его как «лояльных и в высшей степени респектабельных недобросовестных», настойчивое заявление клерков о том, что они не сделают ничего, чтобы запятнать имперское лицо, даже напечатанное на внешне безобидной почтовой марке, привело к тому, что памятные портреты были изъяты. Четыре года спустя монархия была сметена революцией, а еще через год последний царь Романов, его жена и их пятеро детей были убиты и похоронены в безымянном склепе.

могила.

Объяснить, почему эйфория трехсотлетия так быстро уступила место кровавой развратности красного террора, задача не из легких. В течение многих лет считалось, и это мнение до сих пор преподают во многих школах, что царская Россия была обществом настолько загадочным и несправедливым, настолько отсталым и безнадежно испорченным по своей природе, что ее гибель в 1917 году была неизбежной: вопрос не в том, почему а просто как. В ответ на то, что они считали осквернением русского национального духа при советской власти, русские националисты нарисовали совсем другую картину, в которой империя Романовых была разрушена не чем иным, как невезением и политическим заговором.

Истории, подобные рассказам нобелевского лауреата Александра Солженицына из серии романов «Красное колесо», продвигали идею о том, что имперская Россия была обществом гораздо более благоприятным, чем зловещим, и, безусловно, бесконечно более

сострадательнее, чем пришедший ему на смену советский режим. В этой версии событий 1913 год был не столько бабьим летом, сколько знаком прогресса, который остался бы неконтролируемым, если бы не вмешалась Первая мировая война.

Как и во многих других случаях, истина сложнее даже того, чтобы сказать, что она лежит посередине двух противоположных взглядов. Мало что в истории можно считать неизбежным, и крах российской монархии в 1917 году уж точно не является одним из них. До самой последней минуты его можно было спасти. Гораздо более серьезная угроза своему выживанию возникла в 1905 г., когда миф о русской военной непобедимости был разрушен совершенно неожиданным и столь же унижительным поражением в войне с Японией³. Катастрофа на Дальнем Востоке столкнулась с растущим волнением рабочего класса в плачевные условия на фабриках и последствия рецессии 1902 года, вызвавшие массовые беспорядки. Когда одна большая демонстрация, возглавляемая священником и яростно протестующая против своего монархического рвения, двинулась к Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге с петицией к царю об улучшении условий жизни столичной бедноты, охранники запаниковали и открыли огонь, убив сотни людей. То, что Николай II в то время находился за много миль, а дворец был почти заброшен, мало что изменило в последовавшем возмущении. Дядя царя Сергей, один из столпов ультраправых в России, был убит гвоздевой бомбой, когда его карета выезжала из ворот Кремля в Москве; его вдова, услышав взрыв, выскочила на пропитанный кровью снег и, не найдя следов своего мужа, должна была помочь найти части его тела, пока убийца был задержан полицией.

По всей России преследовались слуги имперской бюрократии. Сотни убийств и волна забастовок поставили правительство на колени. Царь признал, что мир придется купить. Самодержавие его предков, столь лелеемое его покойным и колоссальным отцом, должно было уйти. Датская мать Николая, вдовствующая императрица Мария, дала мудрый совет там, где так мало других дали или могли бы, и попросила своего сына выслушать предложения, выдвинутые министром финансов его отца Сергеем Витте. Она просила, она уговаривала, она умоляла; когда она почувствовала, что этого требует ситуация, она бросилась к ногам сына, умоляя его найти причину. Она убеждала его прислушаться к Витте, который, по ее собственным словам, «несомненно, человек гениальный, энергичный и проницательный».

Министр финансов Александра III, Витте уже творил чудеса, обеспечив неслыханные объемы иностранных инвестиций в Россию и быструю последующую индустриализацию⁵. душой русской нации, каким он был у левых, обвинявших его в бедах, пережитых городским пролетариатом.

Витте уже показал себя способным принимать жесткие краткосрочные решения для достижения долгосрочных целей. Он знал, что ускорение промышленной революции в России принесет с собой большие волнения, но в равной степени он знал или верил, что только пережив это, Россия может гарантировать процветание и стабильность своим будущим поколениям. В 1905 году он выступал за то, чтобы династия принимала столь же трудные решения. Самодержавие должно быть заменено какой-то конституционной монархией. Такая уступка расколола бы противников короны и тем самым разделила бы протестующих между собой. Столкнувшись с беспрецедентными волнениями, царь согласился и подписал Октябрьский манифест, который предоставил подданным империи право на свободу совести, собраний, слова и религии и, что особенно важно, предусматривал создание выборного законодательного органа, известного как Дума. Николай вздрогнул, но подписал. «Со всей России об этом плакали, — писал он в письме к матери, — умоляли, а вокруг меня многие — очень многие — придерживались тех же взглядов... Другого выхода не было, как перекреститься и дать то, что все просили. Мое единственное утешение в том, что такова воля Божия, и это серьезное решение выведет мою дорогую Россию из невыносимого хаоса, в котором она находилась почти год».

Но хотя «Октябрьский манифест» и достиг намеченного результата — раскола либералов и радикалов, — один бывший марксист, ставший либералом, тридцатипятилетний Петр Струве был настолько потрясен насилием 1905 года, что захватил многие либеральное мышление, когда он воскликнул: «Слава Богу за царя, который спас нас от народа!» Это, к шоку и ярости царя, не привело к немедленному прекращению ни беспорядков, ни бомбардировок революционеров. Большевики координировали вооруженное восстание фабричных рабочих в Москве, а Лев Троцкий стал видным лидером Совета рабочих депутатов в Санкт-Петербурге, целью которого было создание политической альтернативы монархии. Когда власть полиции рухнула, вооруженные силы охватили мятежи.

и паникующие губернаторы в провинциях писали о крестьянах, разоряющих и грабящих дворянские поместья, Николай писал своей матери: «Все больше и больше раздаются голоса, протестующие против того, что правительству пора твердо взять дело в свои руки, что является очень хорошим признаком». на самом деле... Старые обезглавленные либералы, всегда так критично относившиеся к жестким мерам со стороны властей, теперь громко требуют решительных действий». На подавление революционеров имперское правительство нанесло ответный удар в начале 1906. Пока шла подготовка к созданию курфюрста и Думы, министром внутренних дел был назначен ультрамонархист Петр Дурново. Блестящий политический тактик со стальными нервами, Дурново помогал координировать реакцию правительства на беспорядки и, по словам одного из его коллег, делал это «систематически, даже безжалостно»⁸. Массовые аресты, подавление забастовок, Использование армии и восстановление государственного контроля над железнодорожными и телеграфными сетями привели к тому, что революционное движение потеряло координацию, уверенность, импульс и, наконец, поддержку. К тому времени, когда царь официально открыл первую Думу на блестящей церемонии в Зимнем дворце в апреле, предполагаемая революция рухнула. —

Однако рождение его детища не спасло веру Николая в Витте как премьер-министра. Что касается императора, то его обманом заставил подписать Октябрьский манифест человек, который, очевидно, был не более чем самовозвеличивающимся профессиональным политиком. «Я никогда не видел такого человека-хамелеона», — писал он. — Это, естественно, причина того, что в него больше никто не верит. Он у всех абсолютно дискредитирован... Прекрасно работает министр внутренних дел Дурново. Я очень доволен им»⁹. Мнение Николая о Витте не было единичным; даже многие из его бывших сторонников считали, что Витте сильно недооценил угрозу, исходящую от революционеров в 1905 году. Его уход и возможная замена Петром Столыпиным, одним из немногих провинциальных губернаторов, сохранивших самообладание во время насилия, широко не оплакивались. Если Витте был Неккером русской монархии, то Столыпин был ее более удачливым Бретейлем.

Высокий, образованный и динамичный, с темной бородой и темными глазами, Столыпин должен был войти в историю как последний великий государственный деятель имперской

Россия. Он был крепким мужчиной лет сорока, дворянином и блестящим оратором. Его политика по предотвращению повторения событий 1905 года была проста: экономические реформы в сочетании с политическими сокращениями. Если это заставляет его премьерство звучать как прославленная форма кнута и пряника, то это потому, что такая оценка не так уж далека от истины.

Были проведены широкомасштабные земельные реформы для облегчения финансового бремени крестьянства; кулакам, более богатому классу крестьян, государство помогало покупать собственные фермы, а не просто арендовать их; был также принят закон о медицинском страховании городских рабочих и продолжена политика Витте по привлечению иностранных инвестиций в Россию. Экономика процветала, поскольку в первый и пока последний раз в своей истории Россия смогла эффективно использовать свои огромные природные ресурсы.

Ресурсы.

Николая, все еще беспокоившего факт существования Думы, казалось, что Столыпин в общем и целом был гораздо счастливее, чем он был с Витте. На протяжении большей части периода между 1907 и 1914 годами царь колебался между своим естественным консерватизмом и неуверенными попытками наладить работу новой полуконституционной монархии, и в этом он подходил для такого премьера, как Петр Столыпин, который был прагматиком, но в то же время искренним монархистом.

Николай поддержал решение выпотрошить Октябрьский манифест большинства его наиболее радикальных положений, хотя и согласился с тем, что полностью отменить его будет невозможно. Он согласился на переопределение электората в 1907 году, обеспечив, чтобы теперь он был взвешен в пользу владельцев собственности, и выступил против любых попыток раздела аристократических сословий между крестьянством, отметив на полях правительственного доклада по этому вопросу: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»¹⁰. По мере расцвета экономики и восстановления политической стабильности Столыпин также добился большого одобрения своей политики обращения с революционными активистами не более чем как с прославленными преступниками и убийцами. Вскоре после Октябрьского манифеста в дом Столыпина попала революционная бомба, в результате которой здание было разрушено, двадцать семь человек погибли, а двое его детей, пятнадцатилетняя Наталья и ее трехлетний брат, получили тяжелые ранения. В письме к одному из своих коллег Столыпин рассказывал, как он карабкался по руинам своего дома в поисках выживших: «Когда я выносил из-под обломков дочь, ее ноги свисали, как чулки. У моего сына сломано одно колено и повреждена голова. Он весь скорчился»¹¹. Поэтому Столыпин больше других понимал отвращение, которое многие русские испытывали к

революционеры после 1905 года. В период с 1906 по 1909 год сотни революционеров были арестованы, преданы суду и казнены. Улики против большинства из них были неопровержимыми, но количество казней привело к тому, что невпечатленный член Думы назвал петлю палача «столыпинским галстуком». Столыпин был так возмущен, что вызвал господина на дуэль; были принесены извинения, дуэли удалось избежать, а прозвище расцвело благодаря огласке.

Были серьезные проблемы, которые Столыпин пытался решить, но которые в конечном счете были не под силу ни одному человеку, главными из которых были реформы в деревне. Напряженность там не ослабевала, и взаимное недоверие определяло отношения между большей частью дворянства и крестьянства. Алкоголизм — чтобы заглушить боль поистине ужасного существования — и ненависть к социальной иерархии свирепствовали на заводах России, но положение миллионов, все еще живших в аграрных общинах, было более сложным, чем то, что предполагал популярный образ голодающего крестьянства. перемалывали черствые аристократы и казачьи нагайки. На рубеже веков русское крестьянство как коллектив давало более половины доходов империи, платя примерно пятую часть ее налогов, рацион среднего русского крестьянина в первые два десятилетия царствования Николая II был примерно таким же которыми пользовалось население капиталистической Западной Германии в середине 1950-х гг., в то время как самостоятельные крестьянские хозяйства, получившие все большее распространение в столыпинскую эпоху, производили гораздо больше продуктов питания, чем хозяйства, расположенные в крупных аристократических поместьях. Напряженность возникла не только из-за недовольства крестьян богатством и привилегиями, ревниво охраняемыми аристократией, но и из-за того, что все больше и больше русских дворян, видя, что их основные источники дохода теряют производительность, пытались управлять своими поместьями по западному капиталистическому принципу, вводя радикальные реформы в том, как они сажали и собирали урожай, и в процессе усугубляющие сельский консерватизм и способствовавшие широко распространенному мнению о дворянстве как отсутствующих де-факто иностранцах, практически не обращающих внимания на истинных сыновей русской земли.

Тем не менее, несмотря на насмешки по поводу галстуков и некоторые проблемы, оставшиеся нерешенными, политическая карьера Петра Столыпина была более успешной, чем в противном случае.¹² Консерваторы были рады видеть, что членство в недавно легализованных профсоюзах сократилось с 300 000 в 1907 году до немногим более 40 000 в 1913 году. Миллионы крестьян стали владельцами собственности, несмотря на затянувшееся аристократическое сопротивление, вызванное негодованием по поводу насилия, наблюдаемого в

В 1905 году аристократия стала еще более безразличной к заботам сельского крестьянства. Пять лет подряд прекрасного лета и сравнительно мягкой зимы привели к небывалым урожаям; реформы образования и повышение заработной платы учителей улучшили перспективы для следующего поколения России продолжить капиталистическую мечту, возвращенную столыпинским правительством, и были разработаны планы по полной ликвидации неграмотности среди молодежи империи к 1922 году. Российские железнодорожные сети и сталелитейные рудники побили рекорды. с тем, как быстро они расширились. Добыча угля удвоилась. Производительность промышленности в целом за пять лет увеличилась на 125 процентов. Государственные доходы резко выросли, и к 1914 году империя опередила Соединенные Штаты как крупнейший мировой экспортер зерна.

Но смерть, которой он избежал в 1906 году, настигла Столыпина в 1911 году, когда он посетил представление оперы «Сказка о царе Салтане» в Киеве. Царь был в зале в сопровождении двух своих старших дочерей, пятнадцатилетней великой княгини Ольги и четырнадцатилетней великой княгини Татьяны, когда молодой революционер по имени Мордка Богров подошел к премьер-министру во время второго антракта и выстрелил в него. дважды в грудь. Царь, только что вышедший из царской ложи, вернулся, чтобы исследовать странный шум: «Женщины визжали, и прямо передо мной в партере стоял Столыпин. Он медленно повернул ко мне лицо и левой рукой перекрестился в воздухе.

Только тогда я заметил, что он был очень бледен, а его правая рука и мундир были в крови... Люди пытались линчевать убийцу. К сожалению, полиция вырвала его из толпы и отвела в изолированную комнату для первого допроса». Великая княгиня Татьяна была в истерике, когда императорскую свиту выгнали из театра на случай, если премьер-министра просто убили. вступительный акт. Вдовствующая императрица описала себя как «огорченную и возмущенную» по поводу «ужасного и скандального» убийства Столыпина .

— Мать Татьяны не совсем разделяла горе дочери или свекрови. Она никогда не простила Столыпину критику своего любимого духовного наперсника Распутина и писала новому премьер-министру графу Владимиру Коковцову: «Жизнь постоянно принимает новые формы... Господь поможет вам. Я уверен, что Столыпин умер, чтобы освободить место для вас, и все это на благо России»¹⁵. Тактичность никогда не относилась к числу добродетелей Ее Императорского Величества.

Два года спустя, когда династия возглавила общенациональные торжества по случаю трехсотлетия правления Романовых в России, наследие Столыпина означало, что у многих монархистов империи возникло большое доверие. Роскошные торжества 1913 года, когда царь и его семья совершили своего рода династическое паломничество в Кострому, где в 1613 году шестнадцатилетний Михаил Романов явился как царь, выбранный, чтобы положить конец многолетней травме, известной как Смутное время вызвало сцены всеобщего ликования. Но даже несмотря на то, что Москва и Санкт-Петербург освещались фантастическими световыми представлениями, а портреты всех Романовых от Михаила до Николая вывешивались в общественных зданиях по всей империи, оставались вопросы, которые необходимо было решать. Революционеры могли быть рассеяны ссылками, сломлены, разделены и все более и более унывали о возможности революции при их жизни, но Дума и двор часто расходились друг с другом. Высшее придворное дворянство упорно держалось мнения, что, независимо от его взглядов на остальные высшие классы, сельское крестьянство неотъемлемо предано царю и что все требования дальнейших политических реформ исходят только от городской буржуазии, головы которой были оказалось много глупой западной либеральной чепухи. Дума небезосновательно обвиняла суд в игнорировании образованного общественного мнения при каждом удобном случае. Союз взаимных интересов, связывавший их вместе в 1905 году, ослаб к 1913 году, и царская тусовка не помогла делу, обрушив на головы политиков дюжину мелких унижений во время трехсотлетия. Делегатам обычно давали худшие места на любых общественных мероприятиях, они должны были сами организовывать свои поездки и, в отличие от придворных, также должны были оплачивать свой проезд. Публичные торжества по поводу трехсотлетия отнюдь не вызывали радости по поводу успеха партнерства между Думой и престолом, а лишь укрепили иллюзию ультраконсерваторов о том, что последние семь лет были всплеском — отклонением от великого повествования русской истории. История, которая для них, несомненно, была рассказом о царе, связанном нерушимыми узами любви и привязанности к своему народу. Царица лучше всех выразила эту лакуну, когда сказала одной из своих фрейлин: «Теперь ты сама видишь, какие трусы эти государственные министры... нам стоит только показать себя, и сразу же их [народные] сердца принадлежат нам». '16

Как и ее муж, Александра Федоровна на самом деле не была глупой и чуть менее слепой, чем предполагали многие ее критики. Однако,

было иронично, что она из всех людей должна была сформулировать, что ключом к популярности императорской семьи была их известность. Личность и личная жизнь царя и его семьи будут подробно обсуждаться позже, а пока достаточно сказать, что к 1913 году они почти исчезли из поля зрения общественности. Этому было несколько причин. Первой была сама императрица. Рождение пятерых детей в относительно быстрой последовательности подорвало ее и без того хрупкое здоровье, и она страдала от учащенного сердцебиения и ишиаса, из-за чего она была прикована к своей кровати или шезлонгу на несколько дней. Она также была очень застенчивой и чувствовала себя некомфортно в большом скоплении людей. Столичная аристократия решила интерпретировать ее поведение как бессмысленную грубость и соответственно ненавидела ее. Мериэль Бьюкенен, дочь британского посла в Санкт-Петербурге, стала свидетельницей панической атаки императрицы, когда однажды вечером царь и его жена посетили представление в театре. Через несколько минут Александра начала навязчиво трястись и обмахиваться веером, «бриллианты, покрывавшие лиф ее платья, [начали] подниматься и опускаться, вспыхивая и дрожа тысячами беспокойных искр света. Вскоре казалось, что это волнение или тревога полностью овладели ею, и, шепнув императору несколько слов, она встала и удалилась в заднюю часть ложи, чтобы в этот вечер ее больше не видели. Небольшая волна негодования прокатилась по театру»¹⁷.

Последний великий императорский бал, традиционный зенит социального взаимодействия между монархией и высшим дворянством, состоялся в 1903 году. После этого Александра отказалась от дальнейших приемов, и огромные балльные залы Зимнего дворца почти не использовались. Почти при каждой удобной возможности казалось, что она изо всех сил старается вызвать недовольство аристократии. Большинство ее любимых фрейлин, таких женщин, как Лили Ден и Анна Вырубова, были представителями буржуазии. Когда в 1911 году ее старшей дочери Ольге исполнилось шестнадцать, Александра организовала для девочки традиционный бал-выход, чтобы отметить ее официальное вступление в мир высшего общества. Но даже здесь был укол. Бал великой княгини проходил в Ливадии, летнем доме императорской семьи в 1500 милях от Санкт-Петербурга, а не в одном из многочисленных дворцов Романовых в столице, как это было принято.

К 1913 году и Ольга, и ее младшая сестра Татьяна должны были стать постоянными фигурами столичного светского календаря, но подавляющему большинству представителей высшего класса имперские дети оставались чужими. Герцогиня Саксен-Кобургская, приехавшая в Россию на семейную свадьбу в 1914 году, была возмущена

неспособностью Александры представить своих дочерей жизни среди их сверстников. Когда Ольга и Татьяна действительно появлялись на приемах, герцогиня замечала: «Поскольку девушки никого не знают в свете, они просто прыгают, как провинциальные девицы, им никто не представляется, и их никогда не заставляют разговаривать ни с одной из дам, молодых или старых. ...Вот представьте себе великих княжон, которые, может быть, скоро выйдут замуж и, может быть, уедут из страны, не будучи должным образом введены в петербургское общество! ...весь старый и добрый этикет был оставлен».¹⁸ Вдовствующей императрице пришлось устроить дебютный бал Татьяны в Санкт-Петербурге, который она также использовала как возможность исправить ошибку, приняв Ольгу в Крыму. – бал в Аничковом дворце был дан в честь обеих девушек.

Александре удалось задержать вечеринку на полтора часа, прежде чем уйти пораньше под очередную волну шепота и презрения; Николай просидел до половины пятого утра, не в силах оторвать своих буйных дочерей от веселья. Императрица Александра, страдающая от плохого здоровья, искалеченная застенчивостью и избегаемая аристократией, членов которой она считала легкомысленными, снисходительными к себе, аморальными и безвкусными бездельниками, была главной причиной отчуждения императорской четы от имперской элиты.

Второй причиной изоляции Романовых в последнее десятилетие их правления была гемофилия единственного сына Николая и Александры, Алексея. Родившийся в 1904 году, во время катастрофических столкновений России с Японией, Алексей был назван в честь любимого предка Николая, царя семнадцатого века Алексея Нежного. Разновидность салического закона, запрещавшая наследование престола женщиной, действовала в России с 1797 года, и рождение четырех дочерей в 1895, 1897, 1899 и 1901 годах было отмечено постепенно снижающимся уровнем энтузиазма. Таким образом, рождение Алексея в августе 1904 года было причиной радости с оттенком облегчения, и когда Пьер Жильяр, французский наставник великих княжон, впервые встретил царицу с ее маленьким сыном, он описал Александру как «исполненную безумной радости мать, которая наконец-то увидела, что ее самое заветное желание сбылось. Она гордилась и радовалась красоте своего ребенка. Цесаревич, несомненно, был одним из самых красивых младенцев, какие только можно себе представить, с прекрасными белокурыми кудрями, большими серо-голубыми глазами под бахромой длинных завитых ресниц и свежим розовым цветом здорового ребенка. Когда он улыбался, на его пухлых щеках виднелись две ямочки». Через шесть недель после рождения у наследника началось кровотечение из пупка. Дядя Александры Леопольд и ее маленький

Брат Фридрих оба погибли от гемофилии, редкого заболевания, при котором кровь не свертывается и не свертывается должным образом. 20 Первое кровотечение у ребенка остановилось, и Александра временно расслабилась, с надеждой на надежду убеждая себя, что это было что-то, не связанное с страшной наследственной болезнью. Затем, когда их сын начал ползать, она и Николас были вынуждены признать правду. Алексей был весь в сердитых синяках от малейшего падения; ребенок закричал от боли, поскольку кровь под синяком не сворачивалась, а вместо этого превращалась в мучительные опухоли.

Соблюдая этикет, который предусматривал, что плохое здоровье членов императорской семьи никогда не должно разглашаться до тех пор, пока они не будут в крайнем случае и не будут поглощены чувством вины за то, что она, как женщина-носительница, «подарила» своему сыну опасную для жизни болезнь, Александра настояла на том, чтобы Стена секретности окружала императорский двор, образуя преграду, которая все больше препятствовала не только выходу информации, но и попаданию здравых советов. ошиблись с Алексеем, как и Петр Столыпин, и в результате они нашли почти истерическую зависимость Александры от странствующего святого человека Распутина еще более озадачивающей и расстраивающей.

По мере того, как здоровье Александры еще больше ухудшалось из-за напряжения заботиться об Алексее и следить за каждым его движением, она еще больше отдалась религии и изо всех сил старалась игнорировать домыслы публики. Все знали, что с наследником что-то не так, они видели это своими глазами, когда во время одной из трехсотлетних процессий он так заболел, что его пришлось нести одному из матросов-опекунов. Годом ранее Алексей упал в Спале, охотничьем домике императорской семьи в Польше, повредив себе пах, когда садился в небольшую весельную лодку. Нанесенного ущерба было достаточно, чтобы оправдать проведение последнего обряда, поскольку бюллетень о смерти цесаревича был подготовлен великим камергером двора. В одиннадцатом часу Александра телеграфировала Распутину, который заверил ее, что ребенок не умрет, а на следующий день отек стал уменьшаться, хотя прошли месяцы, прежде чем Алексей смог восстановить прежнюю физическую форму, отсюда и необходимость родить ребенка. несли в течение части трехсотлетия. Чудо в Спале убедило императрицу в близости Распутина к Богу, и даже сомневающиеся в узком кругу близких родственников, такие как младшая сестра Николая, великая княгиня Ольга Александровна, с трудом могли объяснить, как мальчик выздоровел. Но немногие посторонние знали об этом, и по мере распространения слухов

и зависимость Александры от Распутина росла, углублялась пропасть между Романовыми и их подданными.

Третья и последняя причина исчезновения Романовых из поля зрения была более приземленной: безопасность. После волны убийств в 1905 и 1906 годах опасения, что предприимчивый антимонархист совершит успешное нападение на царя или другого члена его ближайшей семьи, побудили Романовых усилить защиту. Когда Николай и Александра навестили своих родственников в Британии на регате «Неделя Кауза» в 1911 году, будущий король Эдуард VIII был «поражен изощренной полицейской охраной, окружавшей каждое его движение»²¹. императорская семья временно расслабилась, и это показало, как заметила Александра, каких чудес еще может достичь их публичное присутствие. Наблюдая за всплеском патриотической гордости в 1913 году, русский корреспондент «Таймс» писал: «Ничто не могло превзойти привязанность и преданность персоне Императора, проявляемые населением, где бы ни появлялся Его Величество.

Нет сомнения [в] этой сильной привязанности масс»²². —

Однако в других частях империи, которая к 1900 году занимала одну шестую земной поверхности, трехсотлетие не играло такой роли. Романовы правили населением разных национальностей, вероисповеданий и языков, но последние полвека или около того имперского правления сопровождалось устойчивым и бесчувственным стремлением навязать ценности Матери-России всей империи. Чиновникам и даже учителям было запрещено использовать любой другой язык, кроме русского, города были переименованы, а попытки возродить архитектуру былых времен средневековой Московии получили государственную поддержку, вызвав предсказуемые и понятные чувства возмущения среди поляков, латышей, финнов, литовцев и Эстонцы, которые также были подданными царя, хотя и против своей воли, и которые находили политику, впоследствии названную «русификацией», оскорбительной и стимулирующей. Мать Николая пыталась отговорить его от этой политики, особенно в Финляндии, но ее слова остались без внимания, поскольку Николай решил продолжить программу, начатую его отцом, чье правительство полностью основывалось на трехсторонней мантре Православия, Самодержавие и Национальность. Русское националистическое рвение имело еще менее привлекательное проявление, когда оно взаимодействовало с веками религиозного фанатизма, вызывая одни из самых ужасающих вспышек антисемитского насилия.

Погромы значительных еврейских общин империи, подобные тем, которые произошли во время хаоса 1905 и 1906 годов, когда тысячи людей были убиты или ранены, обычно были результатом местных беспорядков, а не преднамеренного государственного планирования, хотя гражданские власти в Киеве и Москве относились к еврейскому населению города, приказав их массовое изгнание в 1886 и 1891 годах соответственно. Имперское правительство абсолютно ничего не делало для противодействия антисемитизму, а отец Николая II даже защищал его, указывая на то, что христиане имеют право испытывать ненависть к той группе, которая исторически несет ответственность за мученическую смерть Мессии.

Картина, которая складывается в России в 1913 году, представляет собой картину огромной империи, второй по величине в истории человечества, переживающей длительный период быстрого экономического роста и возглавляемой монархией, которая недавно доказала свою способность выдерживать самые суровые штормы. Между консервативно-националистическим судом и парламентом все еще существовала политическая напряженность, которая чувствовала, что необходимо сделать больше, чтобы гарантировать мирное и процветающее будущее, но более серьезные проблемы заключались в недовольстве многих меньшинств империи бестактным национализмом центральной власти. правительство, напряженность между помещиками и крестьянами в деревне и революционное движение в рецессии, но еще не полностью погасло. Ни одна из этих проблем не обязательно была неразрешимой, и если царская империя не могла существовать намного дольше в том виде, в каком она существовала в 1913 году, то ничто не указывает на то, что крах самой монархии был каким-либо образом неизбежен или даже вероятен до прихода России. в конфликт с двумя империями на своих западных границах.

Wilhelmine Germany 23 мая

1912 года кайзер Вильгельм II присутствовал на спуске на воду «Императора» на верфи в Бремерхафене на севере Германии. Создание судна вызвало значительный ажиотаж в СМИ; во время своего первого рейса год спустя «Император» был самым большим движущимся объектом в истории человечества, роскошным лайнером водоизмещением 52 000 тонн, вмещающим 4 500 пассажиров четырех разных классов. То, что церемония спуска на воду состоялась всего через пять недель после катастрофы «Титаника», казалось, не слишком беспокоило кого-либо из присутствующих и не ослабило энтузиазм немецкой прессы по поводу нового чудо-корабля. Огромные размеры «Императора» оторвали бы

признание самого большого в мире судна с британского лайнера «Олимпик»; когда просочились новости о том, что грядущий британский корабль Cunard's Aquitania будет длиннее «Императора», владельцы «Императора» в ответ прикрепили на носу огромного коронованного орла. Орел, его коготь увенчивал земной шар со словами Mein Feld ist die Welt («Мое поле — это мир»), был чудовищем и обузой. Он добавил необходимую длину, чтобы превзойти «Аквитанию», но его невозможно было поддерживать, и в конце концов, после того, как он был разрушен атлантическими штормами, его пришлось убрать.

Тем не менее к 1913 году гордость орла захватила умы многих немцев, особенно в армии и при дворе. Создание Второго рейха в 1871 году было достигнуто в первую очередь благодаря военным успехам, а победы Пруссии в коротких войнах против Дании, Австрии и Франции послужили толчком к объединению. Последующее первенство северного государства Пруссии в империи не пользовалось всеобщей популярностью, и второе по величине из немецких сообществ, южное королевство Бавария, особенно возмущалось этим. Бавария была бастионом южного католицизма для гордого протестантизма Пруссии; он считал себя центром искусства и высмеивал то, что многие считали хамским милитаризмом родины кайзера.

Вильгельм II, унаследовавший трон от своего отца в 1888 году, был не самым тактичным человеком. Своими героически-нелепыми усами и склонностью к театральным военным мундирам Вильгельм казался многим современникам смешным, когда не злословил. (Во время одного визита австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд забеспокоился, что выглядит глупо в одном из своих мундиров, прежде чем сказать себе, что, как бы плохо он ни выглядел, он обязательно выиграет от сравнения, потому что Вильгельм «всегда одевался в худшее».)²³ Даже многие из его братьев по королевской семье относились к «кузену Вилли» в лучшем случае двойственно. Его двоюродная сестра, российская императрица Александра, ненавидела его, и это было одно из немногих мнений, которые она разделяла со своей свекровью, вдовствующей императрицей Марией, которая описывала кайзера как «вульгарного и отвратительного»²⁴. Даже его любимая бабушка Королева Виктория, которую Вильгельм выхаживал на смертном одре, была обеспокоена политической нестабильностью своего внука. После того, как Александра вышла замуж за Николая II в 1894 году, Виктория часто писала письма молодому царю, которого она очень любила, предостерегая его от прислушивания к любым советам Вильгельма, особен

невозмутимая вежливость часто принималась за доверчивое спокойствие, особенно Вильгельм, который писал ему многочисленные письма, излагая свои многочисленные мнения обо всем, что не так в мире, благодарил Викторию за ее предупреждение.

В годы после поражения Германии в войне критика родственников Вильгельма казалась мягкой по сравнению с описанием его как извращенного антисемитского военного преступника, который с головой вверх Европу в катастрофу и чей авторитарный режим и страсть к колониализму проложили путь для нацизма пятнадцать лет спустя. ²⁵ Тем не менее, Вильгельм, хотя, безусловно, обладал более чем справедливой долей недостатков, ни в коем случае не был военным преступником, и монархия Второго рейха не имела ничего общего с ужасающими чудовищами Третьего рейха. Главной проблемой Вильгельма II была не склонность к злобе, а скорее его хроническая и напыщенная непоследовательность. Временами он казался ослепленным Великобританией, родиной своей матери, восхваляя ее промышленность, иногда подражая твидовому чувству ее аристократии к деревенской моде и поднимая тосты на семейных праздниках в память о давно умерших британских героях войны, таких как Горацио, лорд Нельсон или Ричард, Эрл Хоу; затем он включал шестипенсовик, произнося горькие доносы и проявляя лихорадочное чувство соперничества. Во внешней политике он колебался в том, следует ли сохранить союз Германии с Австро-Венгрией, под Он неоднократно подрывал своих министров иностранных дел, делая предложения России, пытаясь убедить Николая II в том, что союз между их монархиями морально выше союза с республикой. Николай, обеспокоенный тем, что Германия может побудить Австро-Венгрию вести себя более агрессивно по отношению к славянским королевствам в Сербии и Черногории, и предупрежденный о качестве советов Вильгельма, продолжал предпочитать существующий союз с Францией любому обсуждаемому пакту с Германией.

Попытки отделить Россию от ее союза с республиканской Францией приобрели особенно лицемерный оттенок, когда сам Вильгельм заигрывал с идеей положить конец многолетней вражде между Германией и ее соседом. Он утверждал, не всегда убедительно, что у него «нет ненависти к стране, которая широко известна как наследственный враг моей империи»²⁶. — Германская империя. Этот план, как и многие планы Вильгельма, имел неприятные последствия, когда французская пресса выразила

возмущение тем фактом, что вдовствующая императрица поселилась рядом с местом, где в 1870 году Германия одержала одну из самых громких побед над Францией. При всей своей любви к имперской экспансии Вильгельм, по-видимому, в какой-то момент подумывал отказаться от немецкой колонизации Африки, если это приведет к улучшению отношений с Великобританией. Его Величество рекомендует другую новую программу, но я не воспринимаю ее слишком трагично; Я видел слишком много новых программ, которые приходят и уходят»²⁸. Комментарий принца содержится в письме фавориту Вильгельма, графу Филиппу

цу Эйленбургу. Между ними Эйленбург и Гогенлоэ возглавляли одну из самых могущественных фракций при кайзеровском дворе.

Эйленбург был блестящим придворным, который подарил дружбу и привязанность, которых так не хватало в жизни Вильгельма, а также знал, как обуздать некоторые из наиболее эмоциональных импульсов кайзера. Его письма балансируют между очарованием и силой, уравнивая приятную эфемерность светских сплетен с более серьезными вопросами национальной и международной политики. Он умело отказывался слишком часто видеться с Вильгельмом, избегал занимать должность во дворце и вместо этого ограничивал многие из их взаимодействий светскими мероприятиями, таким образом поддерживая атмосферу дружбы, незапятнанную рутиной повседневного управления. Он провел Вильгельма через несколько столкновений со своими министрами и организовал назначение некоторых чрезвычайно влиятельных послов и администраторов. Он защищал право монархии утверждать свое влияние в правительстве, но понимал, что это нужно использовать с умом. Гомосексуализм графа цу Эйленбурга и близость его отношений с кайзером вызвали постоянные спекуляции о собственной сексуальности Вильгельма, и предположение о том, что эти двое мужчин на самом деле были любовниками, а не просто близкими друзьями, постулировалось много раз, начиная с Марселя Пруста. путь вниз к настоящему.²⁹ Один из сыновей Вильгельма, Август Вильгельм, почти наверняка был тем, кого мы теперь признали бы геем, но сексуальность его отца не так легко понять.

Было очевидным твердое предпочтение кайзером своего пола во всех других сферах своей жизни. Он чуть не стал причиной дипломатического инцидента, когда публично ударил царя Болгарии и великого князя Мекленбургского Стрелица по заднице, а также организовал несколько круизов на императорской яхте «Гогенцоллерн» только для мужчин, что, безусловно, добавило

подливает масла в огонь спекуляций, но найти доказательства каких-либо однополых связей, выходящих за рамки гомоэротических подшучиваний и тесной эмоциональной зависимости, практически невозможно. По общему признанию, первый канцлер Вильгельма, Отто фон Бисмарк, застенчиво предположил, что природа отношений кайзера с Эйленбургом заключалась в том, чтобы «не доверять бумаге», но, в отличие от этого, у нас есть достаточно доказательств различных гетеросексуальных связей, в том числе одной в возрасте двадцати лет. с первоклассной девушкой по вызову с довольно славным безыскусным рабочим именем «Мисс Любовь». По вопросу о Вильгельме и Филиппе цу Эйленбург самый последний биограф Вильгельма Кристофер Кларк убедительно указывает, что, хотя ничто не доказуемо, нет «необходимости постулировать такую связь, чтобы объяснить характер связи или ее политическое значение»³⁰. Эйленбург душил Вильгельма II любовью, которой, как ему

казалось, не хватало в детстве. Во время его рождения лечащие врачи ошибочно предположили, что ребенок был мертворожденным, и вырвали его из чрева матери, пытаясь спасти жизнь наследной принцессе. При этом нервы в верхней части левой руки Вильгельма были необратимо повреждены, и он, возможно, получил минимальное перинатальное повреждение головного мозга, что может помочь объяснить его случайные проблемы с равновесием и вспышки легкого маниакального плохого настроения.

Однако диагноз легкого повреждения головного мозга при рождении не является единственным возможным объяснением этого, потому что обе проблемы также могли быть вызваны тем, что произошло впоследствии. Мучительные медицинские процедуры, которые с точки зрения современного человека слабо напоминают пытку, использовались, чтобы попытаться исправить то, что нельзя было исправить; несмотря на беспокойство наследной принцессы по поводу их тактики, были приглашены медицинские эксперты из Берлина, чтобы попробовать различные методы лечения, включая небольшую операцию, привязывание рук малыша к боку, когда он учился ходить, электрошоковую терапию, машину для вытягивания рук, размещение его руку в тушу только что забитого зайца, чтобы его обмякшая конечность могла впитать жизненную силу теплой крови мертвого животного, и привязал его к приспособлению из кожи и металла, которое покрывало большую часть его туловища. Наследная принцесса Виктория писала своей матери в Англию, что «видеть, как с ребенком обращаются как с уродливым – это действительно очень тяжело... Врачи иногда такие странные, они не хотят быть бесчувственными, я — уверена, но они кажутся такими»³¹. Возможно, неудивительно, что Вильгельм должен был оставаться застенчивым из-за своей травмы на протяжении большей части своей жизни, а во взрослом возрасте темный юмор взял верх, когда он метался от резких перепадов настроения, как бу

способ справиться с эмоциональными или политическими ограничениями, чем кричать, гневаться и кричать.

По мере того, как он рос, его отношения с родителями-либералами и англофилами страдали, поскольку он принял политику своего воинственного и консервативного деда Вильгельма I. Это привело к довольно несчастной семейной жизни, и к тому времени, когда Вильгельм стал императором в 1888 году после 99 лет его отца. В день правления, прерванный раком гортани, его отношения с матерью были наполнены подозрениями и взаимными обидами. Его отец умер, по-видимому, глубоко разочаровавшись в своем старшем сыне, чувство, которое ни он, ни Виктория ничего не скрывали и которое она, в своем горе и упреках, вполне возможно, преувеличила. В этом контексте было легко увидеть, как дружелюбие и непоколебимая привязанность таких людей, как Филипп цу Эйленбург, оказали такое влияние на кайзера. В течение пятнадцати лет он был одной из самых влиятельных фигур в монархии Вильгельма.

Однако в течение 1906 и 1907 годов шесть высокопоставленных военнослужащих немецкой армии покончили жизнь самоубийством, когда их шантажировали разоблачением их гомосексуализма. То, что у некоторых из них могли быть романтические отношения с Эйленбургом, или что он, по крайней мере, знал, почему они предприняли этот ужасный последний шаг самоубийства, нельзя сбрасывать со счетов; в любом случае сеть вокруг него сжималась, так как едва завуалированные спекуляции становились необузданными.

В апреле журналист по имени Максимилиан Харден, пишущий для либеральной газеты Die Zukunft, опубликовал статью, намекающую на роман между Филиппом цу Эйленбургом, «лидером зловещей и женоподобной камарильи», и графом Куно фон Мольтке, членом видного семья военного, который также был одним из адъютантов кайзера и военачальником Берлина.

Намерения Хардена были прежде всего политическими — он надеялся дискредитировать человека, который, как известно, поддерживал полуабсолютистскую монархию, но дело быстро стало общедоступным в СМИ.

гомосексуальность был криминализован в Германии законом, принятым в 1871 году, и недавняя волна самоубийств в высших эшелонах армии показала, какой ущерб это может нанести репутации. В атмосфере паники и репрессий цу Эйленбург и фон Мольтке совершили ужасную ошибку, когда фон Мольтке решил подать в суд за клевету, а Эйленбург занял позицию - юридический вопрос о том, клеветал ли на них Харден, превратился в вопрос об их предполагаемом гомосексуализме. . Последовавшие за этим судебные процессы были немецким эквивалентом британского процесса над Оскаром Уайльдом.

представляются политически дискредитирующие доказательства того, как некоторые люди из окружения кайзера обращались к нему как к Liebchen («милый» или «сладкий букет») наедине. По словам очевидцев, члены большой императорской семьи были замечены потягивающими шампанское на интимных мужских вечеринках с Куно фон Мольтке. У полиции, по-видимому, был список из сотен имен немецких гомосексуалистов, сделавших успешную карьеру — список исчез, хотя защита лихорадочно охотилась за ним; возможность его открытия была дамокловым мечом, висевшим над головой «многих самых блестящих имен придворных кругов». Графиня фон Мольтке, готовясь к разводу, показала, что ее муж спал с ней только дважды во время их брака, хотя позже она, казалось, сожалела о содеянном и отказалась давать показания на последующем слушании.

Репутация людей, которые не сделали ничего более зловещего, чем консультирование кайзера по вину, шампанскому, бренди и табаку, была подорвана в залах суда, когда свидетели называли их имена, которым задавали вопросы о круге общения фон Мольтке и цу Эйленбург, было больше самоубийств. а некоторые из тех, кого называли гомосексуалистами, как, например, Иоганн фон Линар, потомок одного из древнейших аристократических родов Пруссии, были приговорены к годам каторжных работ за нарушение параграфа 175 Уголовного кодекса, запрещавшего гомосексуализм в Германской империи³²

Для тех, кто критиковал правительство Вильгельма II, скандал был золотой жилой. Появились карикатуры, изображающие полуобнаженные фигуры цу Эйленбурга и фон Мольтке, заменяющие две фигуры, которые традиционно стояли по обе стороны герба семьи Гогенцоллернов, лаская друг друга в нарочито женоподобных стилях. Подтекст был ясен — два гомосексуалиста по обе стороны от кайзера. Националистическая пресса, в целом поддерживавшая политическую программу Эйленбурга, тоже не была тихой; Когда доктор Магнус Хиршфельд, ведущий мировой эксперт по сексуальному поведению человека и, в частности, гомосексуализму, человек, позже прозванный «Эйнштейном секса», был вызван для дачи показаний группой защиты Хардена, он произвел сенсацию, заявив, что, по его профессиональному мнению, , даже если на самом деле он никогда не следовал этим желаниям заняться сексом с другим мужчиной, было совершенно ясно, что Куно фон Мольтке был гомосексуалистом, предваряя свои показания утверждением, что гомосексуализм является естественным, здоровым и неизбежным проявлением человеческой сексуальности. Тот факт, что доктор Хиршфельд был евреем, побудил правую прессу кричать, что Эйленбург был уничтожен тайным еврейским заговором, и обвинять док

гомосексуальность в стратегии, которая развратила бы нравы молодежи империи. Основным результатом судебного разбирательства, помимо огромного всплеска продаж газет, было то, что Эйленбург не смог доказать, что Харден клеветничал, предположив, что он и фон Мольтке не были гетеросексуалами, и в результате сам Эйленбург едва не предстал перед судом. лжесвидетельство. Его здоровье рухнуло, его влияние при дворе испарилось, а его репутация так и не восстановилась полностью. По необходимости Вильгельму пришлось всю оставшуюся жизнь держать его на расстоянии вытянутой руки.

После кончины Эйленбурга значительно возросло влияние жены Вильгельма, Августы Виктории Шлезвиг-Гольштейнской. Прославленная за свою приверженность благотворительности и искренний патриотизм, Августа Виктория добавила мужественной ауре, которую династия так стремилась создать, родив шестерых сыновей, а также их младшую сестру, прекрасную принцессу Викторину Луизу, яблоко ее глаз отца. Однако успех Августы Виктории в качестве матери семьи и леди Баунтифул не имел себе равных, когда дело дошло до ее роли доверенного лица своего мужа. Историк Джон Рель считал, что письма императрицы «ее мужу во время замужества являются одним из самых удручающих источников, которые обязан читать историк семьи Гогенцоллернов»³³. В отличие от Эйленбурга, который пытался, по его собственным словам, «Чтобы бороться против английских антипатий [кайзера], Августа Виктория твердо сочувствовала наиболее ура-патриотически настроенным элементам немецкой армии, и они рассчитывали на ее поддержку . духа христианского человеколюбия в империи своего мужа она также была мелкой, фанатичной и упрямой. Когда младшая сестра Вильгельма София обратилась в православие вскоре после замужества с наследным принцем Греции Константином, Августа Виктория прямо сказала ей, что она будет гореть в аду за отказ от протестантской религии. София сказала ей, что это не ее дело, и тогдашняя беременная Августа Виктория довела себя до такой истерики, что ее сын Иоахим родился преждевременно, в чем она и Вильгельм обвинили Софию. Императрица довела свою религию до такой степени, что отказалась нанимать католиков, и по мере приближения военного кризиса близость Августы Виктории к немецким правым должна была приобрести новое политическое значение.

Общественное уважение к кайзеру еще больше ослабло после дела Эйленбурга, когда он дал катастрофически бестактное интервью

Британская The Daily Telegraph в 1908 году, в которой Вильгельму удалось оскорбить британцев, назвав их «сумасшедшими, сумасшедшими, как полевые зайцы». То же самое относится и к части его собственного народа, заявив, что он был вдохновителем внешней политики Германии, которая поддерживала дружеские отношения с Великобританией, несмотря на недовольство этого большинства немцев. Он также утверждал, что ранее давал британской армии советы по военной стратегии. Неясно, что заставило его говорить вещи, которые то были провокационными, то лживыми, и это вызвало в правительстве опасения, что кайзер в лучшем случае имел поверхностное представление о реальности. Когда интервью было опубликовано, рейхстаг отнесся к этому скептически, а делегат от социал-демократов говорил о «законном гневе и глубоком стыде среди немецкого народа» по поводу нескромных и смущающих замечаний их императора³⁵. Последовавшие парламентские дебаты превратились в критику полномочия монархии. Пресса была еще резче в своих заявлениях, и даже канцлер Вильгельма принц Бернхард фон Бюлов дистанцировался от императора, когда выступил с заявлением, в котором утверждал, что не видел текста интервью до того, как оно было опубликовано. Подразумевается, что никто, обладающий хоть каким-то политическим чутьем, не мог подумать, что печатание такой ерунды — хорошая идея.

Часть существенной проблемы, с которой столкнулась германская монархия, была не столько случайной, а именно, возможности нынешнего императора, сколько институциональной; изучив жизнь кайзера, язвительный Джордж Бернارد Шоу пришел к выводу, что Вильгельм хорошо справился с «частью, которая была не только чрезвычайно трудной, но в значительной степени воображаемой и — совершенно невозможной»³⁶. На протяжении большей части XIX века Пруссия колебалась между либерализмом и консерватизмом, и напряженность не уменьшилась с объединением. К этому добавлялась несовершенная природа самого объединения. Кайзер был не императором Германии, а императором Германии, юридическая тонкость, призванная проиллюстрировать тот факт, что король Пруссии, как император, был только первым среди равных, а короли, великие князья и князья Германии до объединения сохранили свои титулы. , богатство и, в разной степени, их местное влияние. На практике это не всегда срабатывало, и негодование, особенно со стороны баварского двора, по поводу имперских притязаний Дома Гогенцоллернов никогда не было глубоко скрытым. Конституция, разработанная для того, чтобы заставить новый Рейх работать, создала полуконституционную монархию с электоратом и двухпалатным законодательным органом, но старые споры о достоинствах авторитаризма по сравнению с более широкой демократией участия все еще были с

преднамеренная двусмысленность конституции в отношении степени власти монархии по отношению к Рейхстагу. Согласно конституции имперской Германии, император мог, если чувствовал к этому необходимость, распустить рейхстаг, и только он имел право вручную выбирать кабинет и канцлера, германского эквивалента премьер-министра. Таким образом, правительство в имперской Германии было отделено от законодательной власти. Кайзер был также высшим авторитетом, когда дело касалось иностранных дел, единственной ареной, на которой не существовало формальных ограничений его власти, возможно, поэтому Вильгельм II, который ненавидел любые ограничения, казалось, сосредоточил так много своего внимания. на нем, а также по вопросам, касающимся вооруженных сил, необходимое положение дел, учитывая снисходительное отвращение высшего командования к избранным политикам. Влияние вооруженных сил было значительным, потому что их роль никогда не была четко определена, и они были эффективными лидерами немецких националистических настроений, движения, с которым монархия Гогенцоллернов с большим успехом связала себя в предыдущем поколении.

Однако именно власть назначения министров часто демонстрировала расширяющуюся пропасть между националистическими силами, которые рассматривали монархию и армию как свои политические пробные камни, и рабочим классом страны, численность которого росла благодаря расширению немецкую экономику и которые все чаще и чаще голосовали за социалистические партии, такие как социал-демократы (СДПГ), получившие 35 мест в рейхстаге на первых федеральных выборах во время правления Вильгельма и 110 мест в 1912 году, последних выборах перед войной. Хотя они так и не получили абсолютного большинства, рост их поддержки, а также беспокойство среднего и высшего классов по поводу того, что это означало, высветили социальную, экономическую и политическую напряженность в Германии Вильгельма. Сам Вильгельм взойшел на трон, потрясенный тем, что он считал бесчеловечными условиями, в которых оказались многие его подданные из рабочего класса, и он столкнулся с канцлером фон Бисмарком из-за его симпатии к забастовке шахтеров 1889 года, но поддержка Вильгельмом социального обеспечения была патерналистской, а не социалистической. Кабинет по-прежнему был укомплектован в основном аристократическими джентльменами, которые отнюдь не были некомпетентными, но часто разделяли некоторые вариации мировоззрения своего императора. Кабинет министров, армия, монархия и парламент, таким образом, часто преследовали слегка или радикально разные цели в рамках конституционного устройства, которое непреднамеренно позволяло по крайней мере одному противопоставляться дру В результате большую часть времени, когда Вильгельм II был императором, немецкая

Политическая сцена представляла собой региональное соперничество, растущий разрыв между элитами, неопределенность, вызванную политической позицией армии, намеренно оставленной неясной в конституции, составленной в 1871 г., и политические реформы, которые либо блокировались, либо никогда полностью не проводились, либо, в противоположную крайность, пронеслась мимо рейхстага без должного анализа.

Вильгельм пытался решить последнюю проблему, продвигая собственные небольшие инициативы. Он поддержал широкомасштабные реформы системы среднего образования Пруссии, поощряя предложения о принятии менее жесткой и антинаучной учебной программы. Он также предлагал ценную имперскую поддержку успешным попыткам христианского общества продвигать немецкую медицинскую практику и открывать современные государственные больницы, дома престарелых и академии обучения врачей и медсестер.

Он спонсировал создание групп, предназначенных для содействия научным исследованиям, техническому прогрессу и искусству, и сделал щедрые пожертвования для Прусской академии наук, учредив, как это обычно делают филантропы, премию и фонд от своего имени. Он произносил величественные речи, иногда повторяя стремление к миру между народами, которое он выразил в своей первой речи перед рейхстагом после смерти отца, но всегда старался восхвалять армию и свой любимый флот и отдавать дань уважения манифесту Германии. судьба как великая держава.

Национализм, которым Вильгельм II то зачаровывался, то тревожился, все больше обращался вовне. Военный национализм породил Рейх в 1871 году, поэтому логически следовало, что та же самая сила продвинет величие Германии дальше на арену превращения в глобальную империалистическую державу. Эта интерпретация судьбы Германии, блестяще запечатленная немного устрашающим орлом на носу «Императора» в 1913 году, была тем, что все больше приводило к разногласиям с соседями, особенно с Соединенным Королевством. Территории Германии в Африке были небольшими по размеру и еще меньше по своему стратегическому значению; к тому времени, когда имперская Германия попыталась завоевать себе глобальную империю, другие европейские державы уже давно опередили ее в этом. К 1890-м годам уже почти ничего не осталось. Несмотря на это, огромные суммы денег и энергии были вложены в военную и военно-морскую экспансию Германии, последняя особенно раздражала Британию, которая считала, что только Британия должна править волнами. Столь же равнодушная реакция пришла из Парижа и Санкт-Петербурга. В 1892 году царь Александр III отказался от почти полувекового царского позора в пользу французского языка.

республиканизму (до этого даже «Марсельезу» с ее бойкой лирикой о линчевании аристократов на территории России было запрещено играть), чтобы подписать взаимозащитный союз с Францией. Николай II продолжал рассматривать союз своего отца с Францией как краеугольный камень внешней политики России, несмотря на все попытки Вильгельма убедить его в обратном, и в 1907 году к Антанте присоединилась Великобритания, и все трое пообещали защищать друг друга в случае нападения агрессивных сил, , безымянная, но едва ли неизвестная сила.

Вернувшись в Германию, дворец и кипучая уверенность армии в будущем страны казались оправданными устойчивым и впечатляющим экономическим ростом. На рубеже веков Германия была одним из самых процветающих государств мира. С большим количеством плодородных сельскохозяйственных земель, огромными природными запасами угля и железной руды и ростом населения, которому способствовала все более совершенная система здравоохранения, к середине правления Вильгельма II имперская Германия стояла в авангарде новых отраслей, таких как электротехника, производство стали и химическое производство. Ее железные дороги и парк океанских лайнеров, среди которых «Император» был просто самым последним и самым большим в длинной линии, были одними из лучших в мире. Система государственного образования в Германии была лучше, чем в Великобритании, Франции или Америке, в то время как условия труда для ее городского рабочего класса и развитие сложного государства всеобщего благосостояния означали, что средняя продолжительность жизни немецкого фабричного рабочего была примерно на пять лет больше, чем у их британцев. эквивалентно и почти на два десятилетия дольше, чем у россиянина.

В 1913 году, когда «Император» отправился в свое первое плавание с огромным портретом кайзера, глядящего вниз на пассажиров первого класса на парадной лестнице, европейские королевские особы собирались в Берлине, чтобы присутствовать на роскошной свадьбе единственной дочери кайзера, принцессы Виктории. Луиза с герцогом Брауншвейгским, свадьба в стиле Ромео и Джульетты, поскольку две семьи до сих пор ненавидели друг друга в течение многих лет, а старший брат Виктории пригрозил не присутствовать. Было место для уверенности, как и везде в монархической Европе. Это был год Серебряного юбилея кайзера, и он мог законно претендовать на власть над процветающей империей, которая во многих отношениях была предметом зависти всего мира. Тем не менее, воинственность внешней политики имперской Германии, энтузиазм ее высших генералов в отношении войны, неуверенность, которую чувствовал и вызывал кайзер, а также опасения, что Германия может заставить Австро-Венгрию

в принятии поспешного решения, когда дело касалось Балкан, все это помогло создать международный климат, который был одновременно недоверчивым и постоянно бдительным по отношению к Гогенцоллернам и их империи.

Двойственная монархия

Великий чешский историк Франтишек Палацкий однажды сказал, что если бы империи Габсбургов не существовало, ее нужно было бы изобрести. Его сердце бассейна Дуная было великим перекрестком между востоком и западом в Европе, и часто именно на территории Габсбургов происходили решающие сражения в европейской истории. На протяжении веков именно лидерство, обеспечиваемое монархией, не позволяло многочисленным конкурирующим этническим группам и культурам региона враждовать друг с другом, и именно пресловутая роль необходимости как матери изобретений определила необычайное путешествие династии Габсбургов и их долголетие.

Семья впервые достигла величия в тринадцатом веке, предоставив им родословную, по сравнению с которой Романовы на востоке и Гогенцоллерны на севере выглядели прямо-таки выскочками. Габсбурги часто предпочитали заниматься любовью там, где другие воевали. Королевские браки и династические родословные привели к тому, что семья осталась наследовать королевства, когда не осталось никого, кто мог бы принять мантию - так Венгрия и Испания попали в их орбиту. К пятнадцатому веку один из их императоров принял аббревиатуру из гласных AEIOU, чтобы обозначить, как он и его родственники видели свое будущее — Austria Est Imperare Orbi Universo («Судьба Австрии — править миром»). К следующему столетию эта максима казалась верной наполовину: женитьба габсбургского принца на наследнице испанского престола означала, что их сын, Карл V, правил империей, которая включала большую часть Центральной Европы, Нидерланды, Испанию, Неаполь, Сицилия, Сардиния и огромные участки Америки. Один честолюбивый принц из династии придумал свой собственный семейный девиз Orbis Non Sufficit («Мира недостаточно»), декларацию настолько напыщенную, что в 1963 году автор Ян Флеминг поразился тому, что поместил ее под гербом семьи. своего вымышленного британского шпиона Джеймса Бонда³⁷.

Христианская Европа была все более одержима страхом перед исламским вторжением, возглавляемым растущим могуществом Османской империи, базирующейся в основном на территории нынешней Турции. Этот страх не был таким параноидальным, как казалось. В 1453 году османы свергли последние остатки

Византийская империя, христианская империя на Востоке, они расширяли свои границы на юге Европы. Все чаще Габсбурги стали рассматриваться как первая линия обороны. В 1571 году они и их союзники нанесли поражение османскому флоту в битве при Лепанто, и эта победа была настолько громкой, что ее приписали заступничеству Пресвятой Девы Марии, что побудило Ватикан учредить праздник Богоматери Побед 7 октября. ³⁸ Именно после очередной победы Габсбургов, поражения османских армий при осаде Вены в 1683 году, турецкая угроза западному христианскому миру была сочтена исчезнувшей.

Точно так же, как Европа надеялась на Габсбургов, чтобы противостоять угрозе, исходящей от османов, она также надеялась на них, чтобы помешать амбициям Франции, роль, которую они с радостью взяли на себя, все чаще в союзе с британцами. В течение восемнадцатого века подъем протестантского королевства Пруссии в северной Германии и православной царской империи привел к тому, что многие католики Центральной и Восточной Европы обратились за защитой к Габсбургам. Были неудачи даже тогда, когда в Вене и Зальцбурге возводились огромные и красивые барочные дворцы и соборы как дань уважения неподражаемой самоуверенности империи. Испанская ветвь клана Габсбургов вымерла в 1700 году после поколений инбридинга. Это никогда не было такой большой проблемой с их менее замкнутыми австрийскими кузенами, и почти полностью испанской стороне семьи мы обязаны популярным стереотипом о королевских особах как о привычных инбредах. Этот момент был и преувеличен, и неправильно понят. Стоит отметить, что в период Средневековья и раннего Нового времени то, что мы сейчас признали бы инбридингом или инцестом, не было редкостью. В эпоху, когда очень немногие покидали деревню, город или уезд, где они выросли, инбридинг на протяжении нескольких поколений был неизбежен, независимо от социального класса. Члены королевской семьи не могли вступать в брак вне священных границ своего класса, как и большинство их подданных не могли вступать в брак вне пределов своей местности. Однако даже в этом контексте испанские Габсбурги с их фанатичной озабоченностью католицизмом и неприкосновенностью королевской крови зашли слишком далеко. Филипп II и Филипп IV женились на своих племянницах³⁹. После смерти Карлоса II в 1700 году Война за испанское наследство закончилась поражением более сердечной стороны семьи в Австрии, которой пришлось вынести унижение французского принца, поставленного на престол. на испанском престоле. В 1740-х годах, ко всеобщему изумлению австрийцев, выскочки-протестанты из Пруссии использовали вступле

повод захватить процветающее графство Силезию, нанеся крупное поражение «счастливой Австрии». Затем, в 1793 году, император Франц II оказался не в состоянии остановить казнь своей тридцатисемилетней тети Марии-Антуанетты в разгар Французской революции.

Революция, унесшая жизнь Марии-Антуанетты, распространилась за пределы страны, как она и предсказывала за годы до своей смерти. Он взрастил новое кредо национализма, идею о том, что страна и ее национальная идентичность имеют первостепенное значение, и в процессе разрушил старое представление о божественном праве королей, на котором основывалась монархия Габсбургов. Их вера в то, что монархия наднациональна, стоит выше идей патриотизма или региональной идентичности и, следовательно, выше любого чувства локальности, больше не соответствовала *modus operandi* европейской политики. В 1806 году армии Наполеона свергли Священную Римскую империю, тысячелетнюю политическую конструкцию, охватывающую большую часть современной Германии и ретроспективно именуемую ее Первым рейхом, и с ее крахом многовековое господство Габсбургов над Германией исчезло. в более резкий спад. В Австрии они перегруппировались в то, что теперь называлось Австрийской империей. В сердцах императорской семьи она оставалась империей Габсбургов. Отказываясь верить, что любовь девятнадцатого века к национализму была чем-то большим, чем мимолетное увлечение, Габсбурги обратились лицом к прошлому. До 1846 года латынь оставалась официальным языком правительства и бюрократии империи, а не родным языком подданных. По мнению суда, они не были привязаны к какой-либо одной нации; они служили им всем, заявляя, что не одобряют никого.

В течение двадцати лет после поражения Наполеона в 1815 году габсбургский способ ведения дел, казалось, снова возобладал. Руководствуясь своим блестящим канцлером принцем Климентом фон Меттернихом, австрийские императоры приступили к политике политического застоя. Период Меттерниха также оказался периодом экономического прогресса, и то, что правительству не хватало энтузиазма в отношении политических перемен, оно компенсировало своим умением экономически поддерживать правильную лошадь. Однако, как они ни старались, джин национальной гордости не возвращался в бутылку, и империю, как и большую часть остальной Европы, захлестнула волна волнений, вызванных экономическим спадом 1848 года. В Австрийской империи и особенно в таких районах, как Будапешт и Милан, эти беспорядки были антиавстрийскими и пронационалистическими.

К тому моменту на престоле находился император Фердинанд I, политически слабоумный интроверт, которого, тем не менее, безмерно обожало подавляющее большинство его подданных. Упитанный своей верной и многострадальной женой Марией-Анной Савойской, пухлый Фердинанд прославился тем, что однажды объявил забастовку в качестве монарха, когда обеспокоенные врачи запретили ему есть больше его любимых пельменей. Отрезанный от своего любимого лакомства, он был опустошен для императора, поскольку он царственно провозгласил: «Я император, и я хочу пельменей!» Такое поведение казалось восхитительным бонвиванам Вены. Даже когда беспорядки 1848 года в столице усилились, немногие из протестующих могли заставить себя напрямую критиковать Фердинанда. Вина за все беды страны возлагалась прямо на его пагубных аристократических советников, особенно на фон Меттерниха. Когда принесли известие о беспорядках, Фердинанд якобы спросил: «А им разрешено это делать?»

Столкнувшись с тем фактом, что все старое правительство было скомпрометировано, произошли массовые отставки в надежде подавить беспорядки, и началась зачистка наверху, когда Фердинанд отрекся от престола в пользу своего восемнадцатилетнего племянника. Франц Йозеф. Отречение от престола произошло в архиепископском дворце в Ольмюце. Когда новый император преклонил колени перед старым, Фердинанд прошептал: «Да благословит вас Бог. Быть храбрым. Бог защитит тебя. Это было сделано с радостью»⁴⁰. В дневниковой записи той ночи Фердинанд отметил: «Церемония закончилась тем, что новый император преклонил колени перед своим императором и господином, то есть передо мной, и попросил благословения, которое я дал, возложив мои руки на его голову и крестным знаменем. Потом я обняла его, и он поцеловал мне руку. А потом моя дорогая жена обняла и поцеловала нашего нового господина, и мы пошли в свою комнату»⁴¹. После этого бывший император и его жена отслушали мессу, а затем провели вечер, собирая свои вещи. Жизнь в почетном отставке не была слишком тягостна для Фердинанда I, и он умер в Праге в возрасте восьмидесяти двух лет.

Франца-Иосифа, ставшего императором в хаосе 1848 года и погибшего в хаосе Первой мировой войны, помнят таким, каким он был в конце – теплые глаза, белые бакенбарды и военная форма, «последний кавалер», «милый старый джентльмен в Хофбурге». Однако, когда он вззошел на трон после отречения своего дяди, он был энергичным и мужественным молодым человеком, который любил танцевать, охотиться и ездить верхом. Отто фон Бисмарк, который впоследствии возненавидел его, встретился с ним через четыре года после того, как он стал императором, и написал, что у Франца-Иосифа был «огонь двадцатых годов в сочетании с достоинством и

предвидение зрелых лет, прекрасный глаз, особенно когда он оживлен, и подкупающая открытость выражения, особенно когда он смеется. Венгры в восторге от его национального произношения их языка и изящества его верховой езды»⁴². Царь Николай I был еще более впечатлен, написав жене: «Чем больше я его вижу, чем больше я его слушаю, тем больше Я поражен его интеллектом, основательностью и правильностью его идей.

Австрии действительно повезло обладать им»⁴³. Именно первому премьер-министру Франца-Иосифа, принцу Феликсу цу Шварценбергу, мы обязаны лучшей оценкой характера и способностей императора. Даже в этом юном возрасте Шварценберг сформулировал качества, позволившие Францу-Иосифу нести тяжелое бремя правления в течение шестидесяти восьми лет, а также черты характера, из-за которых так много людей, в том числе некоторые из его ближайших родственников, считали его холодным и отстраненным бюрократ.

Император видит масштабность и трудность своей задачи, и его воля твердо настроена на ее выполнение. Его ум проницателен, его усердие в делах поразительно, особенно для человека его возраста. Он усердно работает по крайней мере по десять часов в день, и никто лучше меня не знает, сколько министерских предложений он отправляет на доработку. Его осанка полна достоинства, его обращение со всеми чрезвычайно вежливо, хотя и несколько сухо. Люди сентиментальные — а многие в Вене претендуют на доброту — говорят, что у него не очень сердце.

В нем нет и следа той теплой, поверхностной добросердечности многих эрцгерцогов, желания угодить, добиться эффекта. С другой стороны, он совершенно доступен, терпелив и расположен быть справедливым ко всем. У него есть укоренившееся возражение против любой лжи, и он абсолютно осторожен. Но самое ценное для него качество в его нынешнем положении, особенно в такое время, как настоящее, — это его мужество. Я никогда не видел, чтобы он терпел неудачу ни на мгновение, даже в самых трудных ситуациях, опасность которых он полностью осознает.

Физически и морально он бесстрашен, и я считаю, что главная причина, по которой он может смотреть правде в глаза, какой бы горькой она ни была, заключается в том, что она его не пугает. Время сделает его более самостоятельным: я делаю все, что в моих силах, чтобы помочь этому хорошему делу; тогда страна будет иметь в нем то, что ей нужно превыше всего, — человека»⁴⁴.

В течение первых двадцати лет своего очень долгого правления Франц-Иосиф поддерживал план, согласно которому, чтобы оправиться от потрясений 1848 года, империя должна создать

централизованное унитарное государство с максимально возможным контролем из Вены, вернуть себе земли, утраченные в северной Италии из-за 1848 года, установить свое господство над Германией и найти союзников в Европе, которые могли бы поддержать положение империи как доминирующей центральной европейской державы. Как отметил Эдвард Крэнкшоу в своей прекрасной истории последнего столетия империи, это была «мечта высочайшего уровня, и, как говорится, не абсурдная»⁴⁵. Однако в каждой из этих целей Австрия должна была потерпеть неудачу, и на рубеже веков эти неудачи привели к тому, что многие рассматривали крах империи как не более чем вопрос времени.

Начнем с того, что итальянские земли так и не были возвращены, и попытки вернуть их были столь же дорогими, сколь и конфузными. Затем Австрия совершила катастрофическую ошибку, когда не смогла отправить помощь царю Николаю I, когда Россия выступила против ее действий в Крыму. Николай отправил ценную военную помощь австрийцам во время кризисов 1848 года и очень восхищался Францем-Иосифом; большая часть внешней политики России до сих пор определялась решимостью царя отстаивать дело монархизма в Европе. Оттолкнув своего бывшего союзника, Австрия создала могущественного врага, который может создать большие проблемы для Вены, если она решит вмешаться в дела славянских общин, проживающих в настоящее время в южной и восточной частях Австрийской империи.

В 1854 году Франц Йозеф женился на одной из величайших красавиц того времени, принцессе Елизавете Баварской. Высокая и стройная, с алебастровой кожей и завораживающе прекрасным лицом, Элизабет была похожа на сказочную принцессу. Франц Йозеф разделял любовь своего народа к ней, и у пары родилось четверо детей — Софи, Гизела, Рудольф и Мария Валери. Тем не менее, как и многие принцессы до и после, Элизабет изо всех сил пыталась приспособиться к своей новой родине; она не могла избежать критического внимания своей свекрови, эрцгерцогини Софии, или архиепископа Вены кардинала Раушера, которые считали ее недостаточно набожной. К несчастью всего, она, как ни старалась, не могла ответить взаимностью на страсть мужа. Ослепительная на публике, Элизабет все чаще становилась кошмаром наедине. Ее режим красоты стал навязчивой идеей — то, что дала ей природа, Элизабет довела до совершенства. Ей требовалось три часа, чтобы укладывать волосы каждое утро, для лечения волос в течение всего дня привлекались специалисты, включавшие яйца, бренди и тщательное расчесывание, сырое мясо якобы накладывали на ее ночную маску, чтобы укрепить ее кожу, она сдалась. подушки, потому что считала, что они повлияют на ее кожу и осанку. В различных

этапы своей жизни, она была в тисках того, что сейчас будет признано серьезным расстройством пищевого поведения. Ей претили толстые люди, а ее желание сохранить собственную талию в восемнадцать с половиной дюймов граничило с маниакальным. Даже в зрелом возрасте принц Гессенский называл ее «почти нечеловечески стройной»⁴⁶.

Стремясь сбежать из Вены, Элизабет поначалу пыталась насладиться уединением дома в Баварии, но когда она приехала, всякая попытка сохранить анонимность была сорвана. на вокзале в Мюнхене, чтобы найти весь разъезд, украшенный белыми лилиями, и ее двоюродного брата, короля Людвига II, ожидающего, чтобы официально поприветствовать ее в полной австрийской военной парадной форме.

Несмотря на это, она была особенно близка с Людвигом. Как и она, он заиклился на красоте и элегантности, на желании убежать от уродливой реальности в мир искусства и сантиментов. Два члена королевской семьи совершали круизы под лунным светом по озеру Штарнберг, декламируя друг другу Шиллера и Шекспира, пока серебристый свет заливал палубы частной яхты Людвига «Тристан», названной в честь одного из героев романа о Тристане и Изольде. Людвиг писал о «чувствах искренней любви, почтения и верной привязанности к тебе, которые я лелеял в своем сердце с ранней юности»⁴⁷. Их близость была такова, что в некоторых недобрых и сплетничающих кругах двоюродных братьев в конце концов обвинили в прелюбодейной связи. , но в то время это было неизвестно, но в дневнике Людвига сохранилась целомудренная и запись его борьбы со своей гомосексуальностью. обожание Элизабет **дотошная** сочетается с его ненавистью к себе каждый раз, когда он испытывает романтическое или сексуальное влечение к представителю своего пола. В одной записи от сентября 1877 года он описывает себя как «ужасно близкого к краю полного падения» из-за своего увлечения одним из своих придворных, в то время как мучительные фразы вроде «Отныне никогда больше!!!» засоряют страницы.⁴⁹

Как и у ее кузины, борьба Элизабет с собственной природой вызывала все более странное и сбивающее с толку поведение, будь то ежедневные физические упражнения, восьмичасовые прогулки, внезапно развившиеся фобии или продолжительные приступы меланхолии, во время которых она была прикована к постели. В 1860-х годах она наконец нашла выход своим талантам. Императрица была интеллектуально одаренной, с особыми способностями к языкам, в зрелом возрасте она усвоила мадьярский и древнегреческий языки, а ее симпатия к венграм означала, что она была особенно популярна в этой части империи. По мере того как росли требования, чтобы венграм было предоставлено равное уважение с австрийцами, Элизабет бросилась на поддержку их дела.

Поддержка императрицы, рост беспорядков в Венгрии и советы многих его придворных в конце концов убедили Франца-Иосифа провести Ausgleich 1867 года, который восстановил независимый парламент Венгрии со значительными внутренними полномочиями и фактически создал двойную монархию, под которой династия объединилась. две политические системы Австрии и Венгрии. Францу-Иосифу предстояло стать императором Австрии и королем Венгрии, и во время последующей коронации его и Елизаветы в Будапеште восторженные толпы, казалось, больше приветствовали Елизавету и новую эру, за которую она частично отвечала, чем своего мужа. В рамках празднования коронации венгерский народ подарил королевской чете восьмикрытый дворец Гёдёллё, впоследствии любимую резиденцию Елизаветы.

Не все в империи были уверены в долгосрочных перспективах двойной монархии. Он купил мир в Венгрии, но разорвал осиное гнездо в остальной части империи. Внутри имперской элиты произошел раскол по поводу того, каким должно быть будущее империи и конкретно Венгрии.

Даже в императорской семье были такие, как племянник императора Франц Фердинанд, которые сочувствовали обвинению в том, что Аусглейх позволил венграм относиться к хорватам и славянам на их территории крайне несправедливо. В то время как Франц-Иосиф усердно работал над подрывом народного антисемитизма и пангерманского национализма в Австрии, он мало что мог сделать с этническими обидами в Венгрии, которая обычно защищала право своего парламента проводить любые действия, которые он считал нужными. На вопрос, почему Венгрии были предоставлены права, в которых было отказано остальным, другие группы под властью Габсбургов теперь агитировали за предоставление им равного статуса с мадьярами, против чего Будапешт выступал на каждом шагу, охраняя свои недавно завоеванные суверенные прерогативы, как тигрица. Франц-Иосиф, по натуре ультраконсерватор, более преданный сохранению стабильности, чем преследовавший мечты о реформах, был лучшим союзником Будапешта, поскольку не собирался проводить еще одну грандиозную конституционную реформу, подобную Аусглейху. Поэтому на рубеже веков многие считали, что многонациональный характер империи Габсбургов означает, что ее крах неизбежен. В своем личном дневнике младшая дочь Франца-Иосифа выразила «неверие в выживание Австрии», а в России в 1913 году один из придворных Николая II писал: «Его Величество говорил о распаде Австрийской империи как о простом вопросе времени». . Он сказал, что придет день, когда мы увидим Венгерское королевство, Богемское королевство и присоединение немецких провинций

Германская империя, в то время как южные славяне будут поглощены Сербией, а румыны Трансильвании - Румынией. Австрия, по мнению Его Величества, в настоящее время является источником слабости для Германии и угрозой—

для дела мира»⁵⁰. Тем не менее озабоченность Габсбургской монархии внутренней стабильностью вызвала такой расцвет искусства в Вене, как вальсы Штрауса, отца и сын, плыл из бальных залов по водам Дуная и модерн процветал в столичных академиях и салонах; Отто Вагнер, Густав Климт и Зигмунд Фрейд приступили к работе в космополитической и надежной среде без цензуры и уважения к новому и прекрасному. Вена на рубеже веков была центром искусств не меньше, чем во времена Моцарта и славы Габсбургской монархии, и атмосфера спокойствия и элегантности, которую так стремился поддерживать двор, играла немалую роль. роль в том, чтобы сделать это возможным, несмотря на левые взгляды многих из самых знаменитых художников империи. Политическая система империи также не была такой отсталой или неумелой, как обычно считалось - все общины империи имели возможность направлять своих представителей в парламент в Вене, и Франц-Иосиф имел типичную консервативную поддержку конкретных изменений для решения конкретных проблем в надежде избежать новых. значительные или —

сейсмические волнения.⁵¹ Франц-Иосиф очень серьезно относился к своему призванию хранителя этих тикающих часов. Он вставал до рассвета, мало ел и весь день работал, придирчиво проверяя каждую бумагу, которую ему давали. К 1900 году он был стариком, у которого сформировалась навязчивая привязанность к своему жесткому графику. Это произошло не только из-за его религиозного толкования своих обязанностей, но и из-за трагедий, выпавших на его долю после 1867 года. В том же году его младший брат Максимилиан был казнен мексиканскими революционерами после провальной попытки создать европейское стиль монархии в Америке закончился неудачей. Вдова Максимилиана, героически преданная Карлота Бельгийская, пережила полный нервный срыв и остаток жизни провела в уединении. Пять лет спустя скончалась грозная мать Франца-Иосифа. В 1889 году он был сломлен, поскольку монархия была потрясена самоубийством его единственного сына Рудольфа. Обеспокоенный и расстроенный наследный принц устроил убийство-самоубийство со своей любовницей-подростком в охотничьем домике Майерлинг, который впоследствии был превращен гор

спустя годы брат Франца-Иосифа Карл Людвиг умер от брюшного тифа, а два года спустя императрица Елизавета была убита на отдыхе в Женеве молодым итальянским анархистом по имени Луиджи Луккени, который поклялся убить первого встречного члена королевской семьи. Элизабет получила ножевое ранение, когда она и фрейлина готовились сесть на пароход, вежливо поблагодарив на немецком, английском и французском языках всех, кто пытался ей помочь, даже когда она потеряла сознание. Ее убийца, ухмыляясь от уха до уха, когда его фотографировали в заключении, впоследствии оправдывался тем, что один журналист презрительно назвал лишь «животной добродетелью мужества», сказав: «Я приехал в Женеву, чтобы убить государя, с целью подать пример тем, кто страдает, и тем, кто ничего не делает для улучшения своего социального положения; мне было все равно, кто государь, кого я должен убить». Его дневник, восстановленный после ареста, выражал его желание «убить кого-то важного, чтобы это попало в газеты». На суде он появился с безукоризненно начищенными усами и вежливо поклонился присяжным, прежде чем сказать им позже: «Моя доктрина состоит в том, что никому, кто не работает, нельзя позволять жить».

Еще меньше он сделал себе одолжений, когда сказал им с пугающей серьезностью: «Человеческие страдания — мотив моего поступка». С помощью которых, как он считал, он мог навести порядок в хаосе, многие начали относиться к «Старому джентльмену» с большой любовью, но гораздо больше было тех, кто думал, что император Габсбургов перечеркивает буквы «Т» и расставляет точки над «И». проблемы, созданные Ausgleich и конфликтующими национализмами по всей его империи, оста.

Сараево, 28 июня 1914 г.

«Ужасный шок для дорогого старого Императора

Люди никогда не знали, что делать с эрцгерцогом Францем Фердинандом. Зита, его племянница по браку, описывала его как «очень влиятельную и решительную личность, но также и преданного семьянина». Большинство придворных его дяди считали его опасным либералом, в то время как разделы европейской прессы представляли его как пенящегося завистливый реакционер. Высокий и широкогрудый, но бледный от приступа туберкулеза в подростковом возрасте, у него были большие голубые глаза Габсбургов и преждевременно редящие волосы его дяди-императора, с которыми он пытался бороться многочисленными лекарствами сомнительной эффективности. Часто холодный на публике и склонный к вспышкам злобного дурного нрава, он, тем не менее, быстро извинялся, когда был неправ, и имел настоящее рвение к истине, даже если не хотел ее слышать. Увлеченный военными, одним из его величайших талантов в жизни было садоводство, и человек, который почти никогда не улыбался в толпе, часто бродил среди толп, пришедших осматривать его сады, увлеченно болтая с ними об их общих интересах.

Родившийся во дворце Кхенбург в южном австрийском городе Грац в 1863 году, он был старшим сыном младшего брата императора Франца-Иосифа. В возрасте семи лет он потерял свою прекрасную, но хрупкую мать из-за туберкулеза. К счастью, материнская любовь вскоре была обеспечена его португальской мачехой, эрцгерцогиней Марией Терезией, которую обожал Франц Фердинанд. Его образование было сильно связано с религией и языками, первое оставило его на всю жизнь преданным католицизму. В возрасте двенадцати лет он унаследовал одну из крупнейших коллекций произведений искусства в Европе, когда был назначен наследником недавно умершего герцога Модены. В возрасте двадцати пяти лет он получил гораздо более тревожное наследство, когда его бездетный двоюродный брат Рудольф покончил жизнь самоубийством в Майерлинге. Последующая смерть отца Франца Фердинанда означала, что он стал наследником вместо Рудольфа. Убитый горем и недоверчивый, император никак не мог заставить себя отдать новоприбывшему старый титул наследного принца Рудольфа. Франц Фердинанд, почитавший императора и монархию, никогда публично

жаловался, но беспокойство дяди с его племянником усиливалось с годами.

После нескольких юношеских увлечений Франц Фердинанд начал подумывать о женитьбе. Долг будущего Императора требовал супруги и семьи. Проблема была в том, что со своей страстью к дешевым любовным романам эрцгерцог не просто хотел жениться, он также хотел быть счастливым. Он не хотел никого слишком молодого и уж точно не хотел никого слишком глупого. Внешность была второстепенным условием, а правильная родословная и того меньше. Его тетя, императрица Елизавета, опираясь на печальный опыт, дала ему революционно простой совет по этому поводу: «Женись только на той женщине, которую любишь» . царя Николая. Напористые королевские родители, такие как граф Парижский, устраивали мучительно очевидные стычки со своими дочерьми в надежде вызвать симпатию. Одной из самых настойчивых потенциальных сватов была эрцгерцогиня Изабелла, герцогиня Тешенская, пухлая матриарх и завсегдатай венской светской сцены. У эрцгерцогини было библейское число незамужних дочерей: от девятнадцатилетней эрцгерцогини Марии Кристины до ее пятилетней сестры эрцгерцогини Марии Алисы. Надежды Изабеллы, естественно, были сосредоточены на старшей из девочек, но, поскольку самые лучшие планы часто шли наперекос, многочисленные приглашения, направленные на то, чтобы привлечь Франца Фердинанда в орбиту Марии Кристины, также регулярно приводили его в компанию одной из фрейлин Изабеллы. ждет дочь бывшего дипломата из Богемии, графиня София Хотек. Весной 1894 года эрцгерцог пригласил Софи на бал-маскарад во дворце Лариш в Вене. Он никогда не забывал ту «такую чудесную» ночь, и к лету романтика расцвела.

—

Разъяренная эрцгерцогиня, очевидно, узнала правду о том, что происходит, когда нашла карманные часы Франца Фердинанда после одного из его визитов и, открыв их, обнаружила, что в них была фотография ее фрейлины, а не ее дочь. Всю семью собрали, чтобы посмотреть на унижительную и жестокую словесную атаку Изабеллы на Софи, после чего бедную женщину уволили. Неся свои горести императору, Изабелла в ярости из-за того, что ее семья была ужасно оскорблена обманом Франца Фердинанда. Когда он рассказал своему племяннику о ситуации, Франц Йозеф был ошеломлен, когда Франц

Фердинанд сказал ему, что хочет жениться на Софи. Изабелла в ответ рассказала всем, что Софи была любовницей эрцгерцога и что, потеряв девственность вне брака, она явно никчемная женщина.

Как и Анну Болейн веками ранее, Софи была окружена враждебными слухами — казалось, никто не верил в силу совпадений и человеческого везения. Они настаивали, что Софи должна быть почти ясновидящей в искусстве манипулирования. Она, должно быть, утверждали сплетники в бальных залах и на званых обедах столицы, намеревалась сделать наследника очевидным, и теперь она довела его до такого безумия, что только она могла удовлетворить его.

Поведение Франца Фердинанда никак не уменьшило подозрения общества. Когда Софи попыталась разорвать их отношения, а не создавать еще больше проблем, он обезумел. Ее критики утверждали, что этот ход, должно быть, был не чем иным, как уловкой, искусно разработанной, чтобы усилить его пыл. Когда император указал, что брак с Софи будет нарушением Семейного статута Габсбургов, который предписывал членам династии вступать в брак только с равными по социальному положению, Франц Фердинанд был так расстроен, что пригрозил покончить с собой. Столкнувшись с перспективой, пусть и отдаленной, второго наследника, совершившего самоубийство, Франц-Иосиф дал свое разрешение с крайней неохотой и многочисленными предостережениями, главным из которых было то, что брак будет морганатическим, по которому Софи будет по закону женой Франца Фердинанда, но она не будет иметь права делить его титул, и никаким будущим детям не будет разрешено иметь императорские титулы или стоять в очереди, чтобы унаследовать трон. 28 июня 1900 года на церемонии во дворце Хофбург под председательством архиепископа Вены и примаса Венгрии Франц Фердинанд поклялся на Библии, что «ни наша жена, ни дети, которые с Божьего благословения, не могут родиться от этого брака, ни любой из их потомков может претендовать на те права, почести, титулы, гербы или привилегии, которые были бы предоставлены женам равного ранга с их мужьями-

эрцгерцогами и детьми такого равноправного союза эрцгерцогов в соответствии со статутами

Последовал эйфорический медовый месяц, но после него Франц Фердинанд был потрясен тем, на что пошел двор его дяди, чтобы наказать Софи за то, что она вышла замуж выше своего положения. Скорее красивая, чем красивая, величественная, успокаивающая, элегантная и набожная католичка, Софи Хотек во многих отношениях была идеальной невестой для королевской семьи. Она, безусловно, доказала свою храбрость, ведя себя безупречно на протяжении десятилетней вендетты суда. Даже речь Императора во время ее

неохотно признала, что Софи «правда происходит из знатного рода»⁵. Ее семья была облагорожена Габсбургами в шестнадцатом веке, у них была долгая история образцового служения империи, а Чотеки были одной из немногих элитных семей. среди дворян, которые могли похвастаться шестнадцатью четвертями на своем гербе, рекламируя по крайней мере четыре непрерывных поколения аристократического происхождения со всех сторон семей ее прапрадедушки. Тем не менее, она была чужаком и не имела права выходить замуж за Габсбурга, потому что так оно и было, говоря словами, которые никто не употребил бы для ее описания, если бы она не вышла замуж за принца, простолюдина, и двор никогда не позволял ей забыть об этом. На семейные обеды, если ее вообще приглашали, ее обслуживали последней и сажали в конце стола. Ей запрещалось сопровождать мужа на какие-либо государственные мероприятия. Она не могла стоять рядом с ним, если играл национальный гимн. Они даже не могли сидеть в одной ложе в театре. На балах она должна была входить последней, позади всех остальных женщин-членов императорской семьи. Обе двери у входа в бальный зал были открыты для входа эрцгерцогинь; один из них был закрыт как раз перед тем, как вмешалась Софи, чтобы еще больше подчеркнуть свою неполноценность. Только в одном случае Софи сломалась, внезапно сбежав с бала, когда поняла, что лорд-гофмейстер двора, принц Альфред де Монтенуово, намеренно не устроил так, чтобы мужчина дал ей руку. Отказавшись страдать от унижительного входа в битком набитый бальный зал в одиночестве, Софи предпочла вместо этого пойти домой.

Франц Фердинанд обладал энциклопедической памятью на оскорбления, и раны, нанесенные его жене, привели к тому, что он стал относиться ко многим членам правительства своего дяди как к врагам. Хотя пара в полной мере использовала великолепный дворец Бельведер в Вене, они редко пользовались им, вместо этого проводя свою раннюю супружескую жизнь, путешествуя со своими тремя детьми, Софи, Максимилианом и Эрнстом, родившимися между 1901 и 1904 годами. После обязательного пребывания в Вене На Новый год, обычно время чистилищных габсбургских унижений для Софи, семья сняла большой номер на альпийском курорте Санкт-Мориц, где эрцгерцог катался на лыжах. Затем время будет проведено в Конопеште, замке двенадцатого века в тридцати милях от Праги, который эрцгерцог купил за сумму, эквивалентную примерно 40 миллионам фунтов стерлингов в 2014 году. что превратило замок из готического памятника в один из самых удобных и благоустроенных домов в империи⁶. Именно здесь страсть Франца Фердинанда к садоводству породила знаменитый

розарий, где в идеально ухоженных витринах цвели двести сортов роз. Сад стал известен во всей Европе, и Франц Фердинанд в конце концов открыл его для публики в особые дни, в течение которых он бродил среди посетителей.

После короткого весеннего круиза по Адриатике семья обычно праздновала Пасху в Триесте, а затем проводила несколько недель в замке Артштеттен в Австрии, красивом доме с захватывающим видом на реку Дунай, где Франц Фердинанд провел большую часть своего детства. Именно здесь, в часовне Артштеттена, эрцгерцог хотел быть похоронен, так как знал, что габсбургский этикет будет неумолим даже в могиле и Софи будет запрещено покоем рядом с ним в фамильном склепе в Вене. В июле семья может провести несколько недель на морском курорте в Бельгии, прежде чем отправиться обратно в империю, чтобы поселиться в Хлуметце, красивом особняке, который Франц Фердинанд планировал завещать своему младшему сыну Эрнсту. Всю осень они снова путешествовали, живя в основном в нескольких охотничьих домиках, где Франц Фердинанд, отличный стрелок, мог предаваться своей страсти к своему любимому виду спорта. Согласно его тщательному дневнику, за свою взрослую жизнь эрцгерцог убил 247 889 животных. Удивительно, но это не такое необычно большое число для поколения, которое превратило массовую охоту в пары была исключительно обыденную часть жизни. 7 Семейная жизнь аристократической. счастливый. Несмотря на свою довольно грубую репутацию, эрцгерцог был очень нежным и любящим отцом, и, в отличие от многих родителей из высшего сословия в эдвардианскую эпоху, он и Софи видели много своих детей, завтракали с ними, встречались в течение дня, когда их не было дома. на уроках, произнося с ними перед сном молитвы и обедая в кругу семьи, когда не было гостей, которых можно было бы развлекать. В письме своей мачехе Марии Терезии Франц Фердинанд писал: представляете, как я счастлив со своей **новой** семьей и как я не «Вы не могу в достаточной мере отблагодарить Бога за все свое счастье». Признак желания эрцгерцога модернизировать династию появился, когда он решил отправить двух своих сыновей учиться в школу, а не получать образование дома у наставников, как большинство детей Габсбургов. Двух мальчиков отправили в Schottengymnasium, школу-интернат в Вене, управляемую бенедиктинским орденом монахов и созданную по образцу элитных частных школ, таких как Итон, Харроу и Винчестер в Англии. Там их обучали вместе с представите

сыновья фабрикантов, богатых банкиров, видных политиков и генералов.

Отношение к браку Франца Фердинанда в конце концов начало таять, поскольку мелочность венского двора возымела эффект, противоположный ожидаемому, поскольку вызвала симпатию к Софи. Зная о симпатии эрцгерцога к славянскому народу империи и тронутый романтикой его брака, интеллигентный и строго самодисциплинированный король Румынии Кароль I и его яркая немецкая жена, королева Елизавета — дама, которая публиковала весьма милые стихи под псевдоним, сочиняла пьесы об Анне Болейн и стихи о Сапфо, публиковала антологии румынских народных песен, поощряла своего племянника выйти замуж за человека, не принадлежащего к королевской семье, такого как Франц Фердинанд, и в какой-то момент ненадолго считала себя республиканкой - пригласила пару провести несколько дней. дней с ними во время частного визита в великолепный новый дом короля и королевы в Пелеше в Карпатах. Замок был гордостью и радостью короля, и, сформулировав приглашение исключительно на личном уровне для эрцгерцога как человека, а не как наследника Габсбургов, Кэрл смогла обойти попытки Вены помешать Софи получить одобрение иностранных суды. Во время частного визита в Лондон на выставку цветов в Челси, обязательную для создателя розария в Конопиште, пара сняла номер в отеле Ritz и провела выходные с герцогом Портлендским, президентом Королевского садоводческого общества и увлеченный охотник в придачу. Зная, что наследник австро-венгерского престола находится в городе, британская королевская семья пригласила их обоих на обед в Букингемский дворец, где их провела овдовевшая мать короля, королева Александра. Софи произвела очень хорошее впечатление, и она была совсем не похожа на ривистский ужас, которого ожидали Александра или ее невестка королева Мария. Пара была приглашена обратно в официальном качестве в следующем году, в течение которого король и королева тактично не просили присутствия ни одной из других британских принцесс, чтобы Софи не чувствовала себя некомфортно из-за вопросов этикета или старшинства. Королева Мария сказала своему сыну, будущему королю Георгу VI, что находит эту пару «чрезвычайно милой и с ней легко ладить»⁹. и кайзер, забеспокоившись, что встреча с ними может означать, что он одобряет мезальянсы, в конце концов п

ее руку, жест, который вызвал желчь в Хофбурге и захватывающее дух возбуждение в колонках европейских светских хроник. Император поклонился нарушителю. После девяти лет брака Франц-Иосиф, наконец, решил даровать жене своего племянника титул. Хотя он скорее умрет, чем сделает ее эрцгерцогиней, он сделал ее герцогиней Гогенберг, а год спустя заявил, что теперь к ней можно обращаться как «Ваше Высочество», что все еще на шаг ниже «императорского высочества» ее мужа, но значительно шаг все же.

Счастливая семейная жизнь не сочеталась с политической реализацией будущего императора. Изображение его в прессе было несправедливым и неточным. Из-за его поддержки модернизации армии и имперского флота его часто называли поджигателем войны, хотя на самом деле его неприятие войны было настолько сильным, что это положило конец его дружбе с графом Конрадом фон Хетцендорфом, австрийским начальником штаба, который постоянно агитировал за войну против Сербии. Когда его предполагаемая политика не подвергалась критике, личность наследника часто подвергалась критике. Его изображали холодным, злобным и злобным. Хотя он действительно затаил обиду, он не был тираном и, конечно же, не был настолько глуп, чтобы избежать хорошего человека за то, что он сказал неудобную правду. По прошествии первого десятилетия его брака он также стал более уверенным в себе и начал иметь собственные идеи, которые все больше противопоставляли его мужчинам, окружавшим его дядю. Напряженность из-за того, как двор относился к его возлюбленной Софи, уже возросла, но вражда между Бельведером и Хофбургом укоренилась, когда Франц-Иосиф и его советники поняли, как далеко Франц Фердинанд намеревался зайти со своими реформами, когда он станет императором. В молодости он много путешествовал и вернулся из Соединенных Штатов взволнованным. Он был потрясен тем, что он считал химерой американской мечты, которая обещала так много, но тем не менее создала общество, которое, по мнению Франца Фердинанда, было гораздо более неравным и безразличным, чем любая из империй старого мира. Однако федеративное устройство Американской республики давало ему пищу для размышлений, и он все больше приходил к выводу, что многие проблемы монархии могут быть решены только путем внедрения аналогичной системы в Австро-Венгрии. Это дало бы всем подвластным народам империи возможность заниматься местными делами к своему собственному удовлетворению, одновременно укрепляя положение престола как силы, обеспечивающей единство, руководство и стабильность. Такой шаг был бы крайне непопулярен в Венгрии, но Франц Фердинанд намеревался продолжать, несмотря ни на что.

В последние выходные июня 1914 года австро-венгерская армия планировала провести двухдневный маневр с участием чуть более 20 000 солдат в холмах вокруг Сараево, чтобы продемонстрировать новую тактику и некоторые из модернизаций, которыми так увлекался Франц Фердинанд. Провинции Боснии и Герцеговины были самыми беспокойными в империи Габсбургов, в чем можно провести многочисленные параллели с ситуацией в отношении материковой части Британии и Северной Ирландии на протяжении большей части двадцатого века. Босния и Герцеговина были внутренне разделены межконфессиональной и этнической напряженностью, при этом сербское население хотело, чтобы провинции покинули империю и объединились с независимым королевством Сербия на юге. Объединенная Сербия была чем-то, против чего решительно выступало большинство исламских и католических хорватских общин Боснии и Герцеговины, которые чувствовали, что будут подвергаться дискриминации в Великой Сербии, и поэтому надеялись, что Вена защитит их. Проблемы, создаваемые разделенным регионом империи, примыкавшим к стране с сильным народным движением за объединение, усугублялись могущественной международной покровительницей в лице имперской России, народ и правительство которой часто весьма благосклонно относились к маленькой Сербии» и ее борьбе с террористическими организациями, такими как «Черная рука», с ее теневыми ритуалами инициации, которые включали в себя бодрствование в присутствии черепов, посвятили себя изгнанию австрийцев из Боснии и Герцеговины; могущественные слои сербского правительства поддерживали их как морально, так и финансово.

Неудивительно, что Оскар Потioreк явно не был в восторге от назначения генерал-губернатором Боснии и Герцеговины в 1911 году. Возглавляя находящуюся в боевой готовности администрацию, которая ничего не могла сделать, не оскорбив хотя бы одну из конкурирующих сторон в провинции, Потioreк очень хотел какого-нибудь знака имперского одобрения, который укрепил бы его политическое доверие среди местной элиты региона. Армейские маневры послужили для него прекрасным поводом пригласить наследника — император был болен бронхитом, но Франц Фердинанд очень интересовался армией и никогда не был в Сараево. Приглашение было отправлено, и Император согласился, что это хорошая идея для укрепления лояльности к трону в регионе.

Франц Фердинанд не согласился с оценкой своего дяди, как и несколько высокопоставленных чиновников в Сараево, включая начальника Полиции Сараево, которая была ошеломлена, обнаружив, что эрцгерцог въедет в город в день праздника Святого Вита, праздника, дорогого сербам.

Православные христиане и годовщина средневековой сербской победы давно ассоциируется с изгнанием деспотичной иностранной державы. Никто в Вене, казалось, не знал о значении этой даты, но это было потому, что Оскар Потioreк, отчаянно нуждавшийся в визите, не просветил их.

Обычно оптимистично относящийся к угрозам своей личной безопасности, даже Франц Фердинанд содрогнулся от рисков, связанных с посещением такого беспокойного региона. Однако Император сказал «да» от его имени, и не было возможности отступить, не потеряв при этом лица.

Незадолго до визита эрцгерцог отправился на выходные с друзьями на охоту и неоднократно признавался в своем недовольстве необходимостью поехать в Сараево. Просербская пресса уже бурлила, описывая герцогиню как «чудовищную, грязную богемную шлюху»¹⁰. Со ~~своей~~ своей стороны, она была полна решимости сопровождать своего мужа, несмотря на его возражения, и это породило нелепую историю, повторенную позже. даже в историях таких уважаемых людей, как А. Дж. П. Тейлор, Софи была движущей силой визита, потому что она знала, что этикет в Боснии и Герцеговине будет менее строгим, чем в Австрии, и поэтому она могла наслаждаться одобрением, в котором ей было отказано в сердце империи. Мысль о том, что «эрцгерцог пошел на смерть из-за любви», захватывает дух, но, похоже, она не имеет никакого отношения к ~~тому~~ тому, что произошло на самом деле. Племянница Софи, графиня де Байе-Латур, позже сказала королеве Марии: ее преследовала мысль о том, что однажды может быть предпринята попытка лишить его жизни, и она никогда не покидала его». Софи боялась, что ее муж подвергает себя опасности, и она не хотела оставлять его один на один. Чтобы повысить безопасность пары, было принято решение разместить их в Илидже, элитном курорте в нескольких милях от Сараево, что, как мы надеемся, облегчит их защиту и сделает их более труднодоступными. Несмотря на меры предосторожности, чувство страха эрцгерцога, похоже, не ослабевало, и за день до отъезда он отдал ключи от своего стола своему преданному слуге Францу Яначеку, чешскому крестьянину, ставшему главой дома эрцгерцога. Яначек получил инструкции, что делать с бумагами своего работодателя, если что-то случится в Сараево.

В то же время на заседании кабинета министров в Белграде премьер-министр Сербии Никола Пашич обмолвился своим коллегам о планах убийства эрцгерцога, когда он прибудет в Сараево. —

участие в заговоре, но теперь кажется очевидным, что обвинения Австро-Венгрии, столь важные для начала войны, на самом деле ошибочны в пользу благотворительности. Потенциальный убийца, девятнадцатилетний бросивший школу по имени Гаврило Принцип, с удручающе предсказуемой страстью к Ницше и опытом в одной из учебных академий Черной руки, планировал убить Франца Фердинанда в акции, организованной совместно с его бывшие соседи по квартире, Трифко Грабе? и Неделько Чабринович. Молодость Принципа и его несомненная любовь к своей стране побудили многих писателей романтизировать его как страстного молодого идеалиста, движимого отчаянием, чтобы совершить одинокий и ужасный поступок. Но такая оценка оказывает Принципу медвежью услугу. Он был гораздо больше Маратом, чем Корде. Его настоящая радикализация произошла не в оккупированной Боснии, а когда он эмигрировал в соседнюю Сербию; именно в Белграде этот худощавый молодой человек отдался делу национализма с пылом, граничащим с экстазом. Это была великая любовь всей жизни Принципа, и он был полностью поглощен ею. Он ни разу не раскаялся в своих действиях, даже когда увидел, что они развязали Первую мировую войну, и перед тем, как отправиться с миссией в Сараево, заявил о своей уверенности в том, что террором можно осуществить мечту об объединенной Сербии¹⁴.

Его взгляды не ограничивались небольшой группой революционеров, их разделяли многие из самых влиятельных фигур в Сербии, в том числе полковник Драгутин Димитриевич, который одновременно был главой сербской разведки и одним из лидеров Черной руки. Именно он дал Принципу четыре револьвера и шесть бомб, необходимых для убийства эрцгерцога, и флаконы с цианидом, чтобы покончить с собой после того, как его схватят. Именно он организовал для сербских таможенников переправку трех молодых людей через границу обратно в Австро-Венгерскую империю. бежать, если бы Сербия попала в затруднительное положение с Австрией, и именно он пытался уладить отношения с центральным исполнительным комитетом Черной руки, когда они запоздало попытались остановить нападение, опасаясь, что убийство эрцгерцога вызовет полный гнев Австрии- Венгрия обрушилась на крошечное королевство Сербия. Оправдывая свои действия после войны, Димитриевич сказал: «Чувствуя, что Австрия планирует войну с нами, я думал, что исчезновение австрийского наследника ослабит власть возглавляемой им военной клики, и, таким образом, опасность войны станет меньше. удалены или отложены на

в то время как».15 Как руководитель сбора разведывательных данных Сербии, возможно, мог поверить, что Франц Фердинанд командовал кликой, агитирующей за войну, когда он постоянно лоббировал мир, трудно понять. На самом деле Димитриевич знал, что Франц Фердинанд планировал сделать значительные политические уступки народу Боснии и Герцеговины, как только он станет императором, и если бы эти уступки были предоставлены, то мечту о Великой Сербии стало бы гораздо труднее воплотить в жизнь. Импульс может исчезнуть. Франц Фердинанд умер не потому, что он был чудовищным реакционером, а скорее потому, что он был прямым наследником, чьи планы выбили бы ковер из-под ног некоторых из самых преданных националистов в Европе.

Герцогиня Гогенберг прибыла в Илидже поездом 25 июня. Одна из ее фрейлин, графиня фон Валленбург, составляла ей компанию, пока эрцгерцог путешествовал, чтобы присоединиться к ним на Viribus Unitis, одном из флагманов австро-венгерского флота. Частная яхта доставила его на берег, где он тактично обратился к одной из приветственных комиссий с несколькими фразами на хорватском языке. Большие толпы мусульман и хорватов собрались, чтобы приветствовать его прибытие, и он сказал, что был «глубоко тронут» их приемом.16 Когда он прибыл в Илидже, он телеграфировал дочери, чтобы рассказать ей, какие у них красивые комнаты и какая прекрасная погода.

Первые несколько дней поездки прошли в таком же позитивном ключе, успокоив страхи императорской четы перед нападением. Они отправились в Сараево, чтобы навестить Элиаса Кабилю, торговца, украсившего их комнаты в гостинице в Илидже, потому что хотели поблагодарить его лично. После этого посещение городского базара, где столпились мусульманские и хорватские доброжелатели. За ними в толпе следовал Гаврило Принцип, который позже утверждал, что не стрелял тогда, потому что никогда не собирался убивать Софи, а на базаре она стояла слишком близко к мужу. (Один из его товарищей по заговору, Неделько Чабринович, возразил ему, когда сказал, что заговорщикам дали бомбы, и если они не смогут добраться до эрцгерцога, когда он будет один, все они согласились, что «мы пожертвуем ею и всеми остальными».').17 В выходные эрцгерцог отправился в горы, чтобы наблюдать за армейскими маневрами, которые были признаны успешными, а Софи вернулась в Сараево, чтобы посетить церкви, детские дома, школы и мечети. В один из ее визитов она встретила священника по имени отец Антон Пунтигам, который когда-то был

Частный духовник эрцгерцога, который теперь работал в монастырской школе в Сараево, находящейся в ведении ордена августинцев. Софи пошла в школу и познакомилась с некоторыми учениками и учителями, а затем отправилась обратно на поезде в Илидже, где она позвонила своему старшему сыну Макс, чтобы пожелать ему удачи на выпускном экзамене в этом учебном году.

В ту ночь, когда закончились маневры имперской армии, Принцип оставил своих коллег пить в местной таверне, а сам совершил одинокое паломничество к могиле Богдана Зерайича, члена Черной руки, который застрелился четырьмя годами ранее, когда планировал убить австрийца. генерал-губернатор потерпел неудачу. Принцип возложил венок на могилу. Вернувшись в Илидже, эрцгерцог и герцогиня устроили званый обед на сорок три человека для местных сановников и членов их свиты. Первоначально разговор был сосредоточен на недавнем визите кайзера, чтобы увидеть розарий в Конопиште, и на успехе визита в Сараево до сих пор. Во время ужина из Вены пришло известие о том, что Макс сдал экзамены, что вызвало аплодисменты и тосты в его честь. После десерта несколько человек из окружения эрцгерцога подняли вопрос о дне Святого Вита, о котором им стало известно слишком поздно, и высказали предположение, что, учитывая, что остальная часть путешествия прошла так хорошо, бессмысленно испытывать судьбу. дальше; им следует отменить маршрут на следующий день и вернуться в Австрию на день раньше. Эрцгерцог, казалось, воспринял эту идею, но сидевший за столом Оскар Поттиорек выдвинул так много возражений, что в конце концов согласился выполнить запланированные на следующий день обязательства.

Следующий день выдался ярким и радостным. Это была четырнадцатая годовщина присяги Франца Фердинанда в Хофбурге, которая позволила ему жениться на Софи, и пара провела большую часть утра в совместной молитве. После этого они сели на поезд и отправились в короткий путь обратно в Сараево. Их встретили на вокзале и отвели в местные казармы для краткого осмотра гарнизона. Эрцгерцог носил форму австрийского генерала от кавалерии: синюю тунику с красными трубами и золотыми эполетами и шлем, украшенный павлиньими перьями; на герцогине было белое шелковое платье с корсажем из бутонов роз, накидка, большая белая шляпа с вуалью и такой же зонтик. Когда солнце поднялось выше в небе, герцогиня сняла повязку.

Когда машина направлялась к официальному приему в ратуше, Неделько Чабринович подобрал одну из своих бомб и швырнул ее в

проезжающий кортеж. Леопольд Лойка, шофер эрцгерцога, краем глаза заметил движение и надавил ногой на педаль газа.

Бомба не попала в машину на несколько футов и отскочила в здания на другой стороне улицы. В результате взрыва пострадали 20 человек, крошечный осколок попал герцогине в затылок, но обошлось без жертв. Между криками «Я сербский герой!» Чабринович попытался проглотить капсулу с цианидом, но это не сработало, и толпа бросилась вперед, пытаясь его линчевать. Его спасла полиция, и Гаврило Принцип, наблюдавший за происходящим издали, попытался застрелить его, чтобы помешать ему заявить о причастности сербского правительства к допросу. Однако, как и в случае с инцидентом на базаре несколько дней назад, выстрелить ему не удалось, и Чабриновича уволокли прочь. Убитый горем из-за того, что их план провалился, Принцип бесцельно забрел в ближайшее кафе.

Тем временем эрцгерцог прибыл в ратушу и прервал мэра криком: «Что это за приветствие? Я приезжаю в Сараево, и меня встречают бомбами! Это возмутительно! Софи вышла вперед и мягко заговорила с ним. Ее слова произвели обычное успокаивающее действие. Наследник глубоко вздохнул и извинился за свою вспыльчивость. Он позволил официальным речам продолжаться и в своем ответе даже назвал провинцию «великолепным регионом», а Сараево — ее «прекрасной столицей». Герцогиня поднялась наверх, чтобы устроить прием для жен местных исламских политиков, которые могли раскрыться в ее присутствии, поскольку она была такой же дамой, в то время как эрцгерцог общался с мужчинами внизу. К смущению других гостей, к нему вернулся черный характер, и он постоянно подстрекал губернатора Потioreка за организацию визита, который привел к взрыву бомбы. Чтобы избежать других потенциальных убийц, было решено, что после обеда кортеж не будет придерживаться заранее намеченного маршрута через город, но никто не сообщил об этом шоферу эрцгерцога.

Когда конвой выехал из ратуши, Франц Фердинанд попытался уговорить Софи вернуться в одиночку, но она была так потрясена нападением, что не хотела оставлять его: «Нет, Франци, — сказала она, — я иду с тобой». 19. В машине граф Франц фон Харрах, сорокатрехлетний член свиты эрцгерцога, встал перед парой, намереваясь использовать себя в качестве живого щита, если на них снова нападут. Автомобиль двигался по улицам, которые все еще были напряженными после взрыва бомбы Чабриновича, и только в этот момент губернатор Потioreк понял, что их

шофер не ехал по новому маршруту. Наклонившись вперед, чтобы сказать ему, что он едет не в ту сторону, Поттиорек заставил Лойку остановиться, потянуть за ручные тормоза и подготовиться повернуть машину в новом утвержденном направлении. Когда машина поворачивала, из кафе вышел Гаврило Принцип и обнаружил, что стоит в трех ярдах от Франца Фердинанда. Он инстинктивно вытащил пистолет и начал стрелять. Позже он утверждал, что из-за адреналина в тот момент он понятия не имел, сколько он выстрелил. Герцогиня повернулась посмотреть, не ранен ли ее муж; и она, и фон Харрах видели одно и то же — струйку крови, вытекающую изо рта Франца Фердинанда. Софи закричала и рухнула, в то время как члены толпы и имперская свита бросились на Принципа, не давая ему проглотить цианид.

В машине Франц Фердинанд склонился над своей женой, умоляя ее остаться в живых ради их детей, очевидно, не реагируя на собственную рану. Пуля попала эрцгерцогу чуть выше ключицы, и он потерял много крови. Граф фон Харрах, предположив, что герцогиня потеряла сознание от шока, начал выкрикивать инструкции травмированному водителю, который двигался с удивительной скоростью, учитывая обстоятельства. Пытаясь удержать наследника в вертикальном положении, фон Харрах подошел к нему и приложил платок к ране. Когда вокруг них воцарился хаос, фон Харрах закричал: «Ваше императорское высочество испытывает сильную боль?» Эрцгерцог покачал головой и все пытался убаюкать жену. — Ничего, — ответил он. Он повторял это, пока не потерял сознание.

Когда они достигли резиденции губернатора, сотрудники, которые ждали, чтобы поприветствовать пару с подарками и речами, вместо этого столкнулись с ужасными сценами. Были вызваны врачи и священники, когда Франца Фердинанда и, казалось бы, без сознания герцогиню вытащили из машины и отнесли в резиденцию. Софи отвели в личные покои Поттиорек, где ее фрейлина уложила ее на его кровать, ожидая прибытия хирурга из верного гарнизона, который они посетили ранее. Эрцгерцога отвели в кабинет генерал-губернатора и усадили в шезлонг, где его адъютант барон Андреас фон Морсей вырезал его из туники. Кровь густо и быстро лилась изо рта эрцгерцога, заливая одежду, руки и лица людей, пытавшихся его спасти. Барон фон Морсей сжимал его в объятиях и все еще отчаянно пытался заставить его говорить, когда один из наскоро вызванных врачей тихо сказал: «Страдания Его Высочества закончились». Остальные плакали и крестились.

себя, барон полез в карман и достал маленькое распятие и несколько четок. Он завернул их в руки Франца Фердинанда, а из другой комнаты графиня фон Валленбург начала кричать, раздевая герцогиню для осмотра врачом. Одна из пуль Принципа пробила нижнюю полую вену, вызвав сильное внутреннее кровотечение. Она умерла в машине. Отец Пунтигам, духовник, который всего несколько дней назад показал герцогине свою новую школу, прибыл помолиться над телами. Графиня фон Валленбург говорила от имени многих собравшихся, когда писала об «этой печали, проникшей до самых глубин —

моей души»²². Пока падре молился, имперские телефонные и телеграфные линии были быстро отключены, чтобы новости дошли до всех. сначала родственники. Младшая сестра герцогини Генриетта рассказала детям умершей пары после обеда: младший, десятилетний Эрнст, как сообщается, был охвачен настолько сильным горем, что вел себя как сумасшедший, а старшая, двенадцатилетняя Софи, показала что она была во многом дочерью своей матери, опубликовав заявление с просьбой помолиться за ее умерших родителей и поблагодарив всех за их добрые пожелания. Одна из самых добрых телеграмм, полученных ими, была от кайзера, который, говоря о своем посещении розария их отца несколькими неделями ранее, писал: «Мы с трудом находим слова, чтобы рассказать вам, дети, как обливается кровью наше сердце, думая о вас и вашей неопишуемой любви». невзгоды! Всего две недели назад мы провели такие прекрасные часы с —

твоими родителями, а теперь мы слышим об этом ужасном горе, которое тебе приходится терпеть. Да хранит тебя Бог и дает силы вынести этот удар! Благословение ваших родителей выходит за пределы смерти»²³. Император получил эту новость во время отпуска на своей красивой летней вилле в Бад-Ишле близ Зальцбурга. Рассказы о том, как он воспринял эту новость, разнятся; одна особенно ужасная версия, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть, утверждала, что через несколько минут он предположил, что убийство было частью Божьего плана исправить ущерб, причиненный Францем Фердинандом женитьбой на Софи. младшая дочь императора, эрцгерцогиня Мария Валери, которая видела его вскоре после того, как он получи

не доверял. Однако она сказала, что у Императора были слезы на глазах, когда он говорил о горе, которое, должно быть, постигло троих детей в Хлумце.

Прежде чем телеграфные системы были вновь открыты для публики, новости также были отправлены племяннику Франца Фердинанда, эрцгерцогу Карлу, который также был в отпуске. Воспользовавшись прекрасной погодой, двадцатилетний эрцгерцог и его жена-итальянка Зита решили пообедать в маленьком деревянном шале на территории своей виллы, когда прибыл слуга с телеграммой, адресованной Карлу. Взглянув на конверт, Карл был слегка удивлен, увидев, что он был от барона Румерскирха, одного из адъютантов Франца Фердинанда и одного из тех, кто присутствовал в комнате, когда он умирал. — Странно, — сказал Карл, — почему он? Телеграмма гласила:

С глубоким сожалением сообщая, что сегодня здесь были убиты Его Императорское Высочество и герцогиня.

На противоположной стороне стола Зита заметила, что «хотя это был прекрасный день, я видела, как его лицо побелело на солнце». Мы поспешили обратно в дом. Первым делом нужно было получить подтверждение, а в те дни не было ни радио, ни телевидения, которые можно было бы включить. Единственным достоверным источником был сам император, находившийся в своей постоянной летней резиденции в Бад-Ишле. Мой муж позвонил по телефону и поговорил с одним из дежуривших там дворцовых служащих. Ужасная новость оказалась правдой, и император немедленно возвращался поездом в Вену. Мой муж должен был встретить его там, в Хитцинге, ближайшей к дворцу Шенбрунн станции. Короткая поездка, которую они совершили вместе в открытом экипаже в тот день, от вокзала до дворца, где я уже ждала, была первым разом, когда мой муж появился на публике как наследник престола. Он сказал мне, что толпа выстроилась вдоль тротуаров в ошеломленном молчании». Сама Зита только недавно вышла из траура по своей старшей сводной сестре, принцессе Марии Непорочной, которая страдала от трудностей в обучении и скончалась в мае в возрасте из тридцати девяти. Теперь эрцгерцогиня должна была принять более глубокую форму траура и подготовиться к похоронам Франца Фердинанда.

Вернувшись в Сараево, австрийские газеты сообщали о сценах, похожих на погромы, когда убийство задело цепь межэтнической вражды, а хорваты и мусульмане выместили свой гнев на местной сербской общине. Сообщения широкой публики и даже официальных лиц о ликовании в Белграде ничего не дали.

успокоило настроение и усилило чувство возмущения в Вене. Что бы широкая публика ни думала о Франце Фердинанде, она была искренне потрясена тем, что вместе с ним была убита дама, а также ощущением, что вся империя была оскорблена нападением Принципа. Никто не верил, что Сербия каким-то образом не была замешана в убийстве, и хотя внимание было временно отвлечено недовольством тем, как были организованы похороны пары, когда гроб Софи был наклонен вниз от гроба ее мужа, чтобы подтвердить ее более низкий социальный статус, а перчатки были помещены на носилки, как и было Традиционно для фрейлины, когда траур закончился и тела были доставлены на покой в Артштеттен, общественное мнение быстро склонилось на сторону ястребов, которым Франц Фердинанд противостоял при жизни, но которые теперь настаивали на том, что его смерть требует мести против Сербия. Один австрийский дворянин говорил о «слезах на глазах, слезах горя, ужасной ярости и ярости!» О, какое это несчастье, он, наше будущее, наш вождь, который должен был стать сильным, тот, на кого мы все смотрели в будущем как на нашего спасителя от всех давно минувших лет неумелости... Как можно нести такое преступление, и не должно ли каждое цивилизованное существо на земле встать и молить о проклятии и Божьем огне возмездия на эту гнусную, смертоносную страну,

Те, кто знал Франца Фердинанда и его жену, пытались жить дальше, но для большинства из них это оказалось невозможным, и не только потому, что ни одно убийство в истории человечества не имело более широкомасштабных последствий. Граф фон Харрах, придворный, который планировал оградить пару от бед, всю оставшуюся жизнь преследовал события в Сараево: «Я стоял не на той стороне, — сказал он годы спустя. «Если бы я стоял на правой стороне, а не на левой, я бы принял пули и спас их жизни»²⁸. Мало что в истории может предложить более мучительное «если», чем смерть Франца Фердинанда и его жены. Как бы то ни было, выстрелы Гаврило Принципа вызвали цепную реакцию, которая разрушила монархию, спасению которой Франц Фердинанд посвятил свою жизнь, и положила начало процессу, который разрушит стабильность Европы и положит конец или уничтожит жизни миллионов людей.

Первые годы войны в Австро-Венгрии и Германия

«Идите в церкви, преклоняйте колени и молитесь о помощи нашим солдатам»

В своем дневнике король Георг V сетовал на убийство своих бывших гостей, назвав его «ужасным потрясением для дорогого старого императора».1 За исключением Сербии и Черногории, подобная реакция наблюдалась почти при любом другом королевском дворе в Европе. В Найтсбридже в Лондоне вдовствующая императрица России прервала медовый месяц своей внучки, чтобы сообщить ей эту новость. Она прибыла в квартиру Ирины в сопровождении своей сестры, британской королевы-матери, и пригрозила своим зонтиком эфиопскому слуге, когда он принял ее за случайного посетителя и не пустил к молодоженам. Король Румынии Кароль и королева Елизавета объявили официальный траур на месяц, а в Риме Папа публично заявил о своей «острой боли в связи с потерей такого мудрого и просвещенного принца» и о своем «глубоком гневе на виновных в таком гнусном нападении». 2

Однако, несмотря на отвращение к поступку убийцы, лето 1914 года прошло, по крайней мере поначалу, вполне по плану. Вдовствующая императрица не видела причин прерывать свою поездку к сестре в Англию, и вскоре обе женщины отправились в Сандрингем как раз к началу сезона охоты на куропаток в августе. Кайзер лично санкционировал отправку обычной телеграммы о дне рождения королю Сербии 11 июля на том основании, что не сделать этого было бы грубо и могло еще больше обострить отношения на Балканах. Царь, в настоящее время совершающий круиз по фьордам Финляндии с женой и детьми, по-прежнему был в первую очередь сосредоточен на предстоящем государственном визите президента и премьер-министра Франции. Его гости прибыли через три недели, и к этому моменту ситуация между Австро-Венгрией и Сербией ухудшилась. Несмотря на это, Николай, как и многие европейцы, казалось, был уверен, что войны из-за убийства Франца Фердинанда удастся избежать. Во время обеда на борту частной яхты императорской семьи царь обсудил ситуацию с послом Франции в России Морисом Палеологом. Многие считали, что Габсбурги не станут объявлять войну

Балканы, если только они не знали, что у них есть поддержка из Берлина. В то время как некоторые опасались, что немецкий милитаризм может рассматривать ссору Австро-Венгрии как прекрасную возможность для реализации своих собственных планов, Николас заверил Палеолога, что они ошибаются. Он настаивал, что лай Германии всегда хуже ее укуса. — Если бы вы знали его так, как я! — сказал он о кайзере. «Если бы вы знали, сколько театральности в его позировании!» За этим последовал банкет в Петергофском дворце восемнадцатого века, на котором русский двор устроил «ослепительную демонстрацию роскоши: фонтанчик из бриллиантов, жемчуга, рубинов, сапфиров, изумрудов, топазов, бериллов — полыхание огня и — пламени». На следующий день президента пригласили на смотр 60-тысячного русского войска в Красном Селе, где к нему присоединилась элита петербургского общества и императрица в редком публичном выступлении в сопровождении двух своих старших дочерей.

На протяжении всего визита Александра вела себя безукоризненно, и ее решение заставлять себя посещать публичные мероприятия, несмотря на то, что они причиняли ей страдания, было признаком быстро меняющегося политического климата. Французский посол попал в самую точку, когда предположил, что императрица «стремится присутствовать... чтобы оказать честь президенту союзной республики». Что бы ни случилось дальше, союз России с Францией имел первостепенное значение, и Царица хотела выполнить свой патриотический долг, продемонстрировав президенту Пуанкаре свое высокое уважение к нему. На торжественном ужине в честь своего президента посол назвал Александру «прекрасным зрелищем в низком парчовом платье и бриллиантовой тиаре на голове». Ее сорок два года оставили ее лицо и фигуру по-прежнему приятными на вид. После первого курса она вступила в разговор с Пуанкаре, сидевшим справа от нее. Однако вскоре ее улыбка стала твердой, а вены на щеках вздулись. Она кусала губы каждую минуту. Ее тяжелое дыхание заставляло сверкать бриллиантовую сетку на ее груди»б. «Сияние огня и пламени», которое Морис Палеолог —

заметил в украшениях русской аристократии на петергофском банкете, должно было приобрести гораздо более буквальное значение. Уверенность России в том, что Берлин бушует и что Вена, по словам русского посла там, будет действовать «сдержанно и спокойно», выглядела все более необоснованно⁷. Австро-Венгрия, ко всеобщему удивлению, отказывалась поддержать вниз. В течение суток после событий в Сараево они обвинили сербское правительство в соучастии в убийствах. Шесть дней спустя,

Германия пообещала поддержать своего союзника в любых действиях, которые она сочтет необходимым предпринять. Этот незаполненный чек, каким бы серьезным он ни был задуман, означал две вещи: во-первых, те в Германии, кто хотел войны, надеялись, что спор о смерти Франца Фердинанда даст им возможность, которую они ждали.

Вторым следствием этого предложения безоговорочной поддержки было то, что Австро-Венгрия больше не могла отступить от своей конфронтации, не потеряв при этом лица. Те в правительстве Франца-Иосифа, которые хотели войны, такие как начальник штаба граф Конрад фон Хетцендорф, считали, что при поддержке Германии они могут уверенно действовать против Сербии, чтобы сокрушить угрозу, которая лежала на их южных границах. Австрийский главный министр граф фон Штургк предупредил, что, если они не будут действовать, империи будет положен конец: какая страна, достойная этого имени, может стоять в стороне и допустить такое посягательство на свою честь? Сознание того, что империя не будет действовать в одиночку, похоже, также смягчило затянувшееся сопротивление Венгрии в отношении предъявления Белграду ряда требований.

Этот ультиматум был поставлен послом Австрии в Сербии 23 июля, через три с половиной недели после убийства, когда австро-венгерские войска уже были переброшены к сербской границе. В нем правительство Габсбургов потребовало от Сербии осудить и подавить всю пропаганду, общества и издания, призывавшие к террористическим атакам на Австро-Венгерскую империю. Позже Вена предоставит список, содержащий имена любых высокопоставленных лиц, о которых известно, что они участвовали в деятельности, наносящей ущерб австро-венгерской монархии, - как только этот список будет получен, сербское правительство должно уволить этих людей с государственной службы. Должны были быть объяснены, почему некоторые другие официальные лица давали интервью прессе, в которых они выражали явную враждебность по отношению к австро-венграм. Сербия должна привлечь к суду всех, кто был причастен к заговору с целью убийства Франца Фердинанда, включая таможенников, которые позволили Принципу и его сообщникам пересечь границу. Представителям Австро-Венгрии должно быть позволено приехать в Сербию, чтобы наблюдать за этими арестами и посмотреть, было ли осуществлено обещанное подавление Черной руки и родственников ей организаций.

Именно этот последний пункт был самым спорным, потому что сербское правительство считало или заявляло, что считает, что это была только прелюдия к австрийскому вторжению и уменьшению сербского влияния.

правительство не более чем сателлитом Австро-Венгрии. Через несколько часов после получения ультиматума наследный принц Сербии Александр заявил, что его выполнение лишит Сербию всех остатков ее чести. Цепочка рассуждений, которая могла бы иметь немного больший вес, если бы его правительство только что не помогло организовать убийство его австрийского коллеги. Однако точку зрения Александра разделяли многие политики по всей Европе, даже те, кто ранее симпатизировал Австро-Венгрии. Уинстон Черчилль, занимавший в то время пост Первого лорда Адмиралтейства, считал этот документ «запугивающим и унижительным ультиматумом Сербии, которая не может его выполнить». И знание об убийстве Франца Фердинанда и Софи фон Гогенбург, австро-венгерском ультиматуме может показаться не таким чрезмерным. Однако многих в то время это поразило как акт бессмысленной воинственности, особенно в свете сомнительного впечатления, созданного многими бывшими противниками Франца Фердинанда, использующими его смерть как предлог для проведения политики, которую он всегда считал безумной.

По мере ухудшения интернациональных настроений разговоры в Санкт-Петербурге, как в печати, так и в высшем обществе, все больше обращались к мобилизации армии. Некоторые, например двоюродный брат царя великий князь Николай, который, вероятно, получит должность главнокомандующего армией в случае войны, надеялись, что полная или частичная мобилизация может убедить Германию и Австро-Венгрию передумать. ⁹ Другие, как жена Николая Анастасия, принцесса Черногории по происхождению, которая была одной из немногих стран, которые действительно праздновали смерть Франца Фердинанда, активно надеялись на войну. На званом обеде во время французского визита великая княгиня и ее сестра, великая княгиня Милица, рассказывали о своих надеждах на оставшуюся часть 1914 года. «Будет война», — сказала она французскому послу. «От Австрии ничего не останется... Наши армии встретятся в Берлине. Германия будет уничтожена». Потом, заметив, что царь подслушал ее и, кажется, недоволен, прошептала: «Я должна сдержаться. Император не спускает—

с меня глаз»¹⁰. Когда распространился слух, что Сербия согласилась на все условия, в Берлине возникли удивление и разочарование. Альберт Баллин, еврейский гений бизнеса, ответственный за создание «Императора» и его однотипных кораблей, был потрясен тем, как некоторые из его друзей в правительстве сетовали на то, что молчаливое согласие Сербии лишило их предлога для

На предложение Баллина отозвать кайзера из его летнего круиза по Северному морю министр иностранных дел ответил, что, если кайзер рано вернется в Берлин, у него будет гораздо больше возможностей остановить войну, а этого никто не хотел. Когда просочились новости, подтверждающие, что Сербия не собиралась позволять австрийским чиновникам участвовать во внутреннем расследовании, настроение в Берлине поднялось.

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Днем позже британское правительство сообщило Германии, что, хотя она и надеется сохранить нейтралитет, она не сможет этого сделать, если Германия нарушит какие-либо предыдущие мирные договоры, гарантирующие нейтралитет таких стран, как Бельгия, которую Великобритания поклялась защищать в соответствии с Лондонским договором. Учитывая, что договор был подписан семьдесят пять лет назад, многие в кабинете министров Германии считали, что британцы блефуют; они не могли даже подумать о том, чтобы начать войну из-за страны, в которой у них не было территориальных интересов. Ни Британия, ни Франция не хотели войны, это правда. Вплоть до самого последнего момента в Лондоне были те, кто утверждал, что нейтралитет был бы логичным курсом. Однако серия просчетов Германии, кульминацией которых стало вторжение в Бельгию, а затем и во Францию, вынудила их к действию — Британия должна либо бороться, либо смириться с возможностью того, что ее никогда больше не будут воспринимать всерьез как силу в европейской политике.

Объявление Австрией войны Сербии привело царя в ярость. Россия не смогла остановить рост могущества Австро-Венгрии на Балканах в 1908 году, когда она укрепила свою власть над Боснией и Герцеговиной, поэтому ничего не предпринимала, поскольку Сербия была сокрушена превосходящей мощью Габсбургов. армии разозлили бы общественное мнение в России и ослабили бы ее международное положение. Он отправил Вильгельму телеграмму: «Слабой стране объявлена позорная война. Негодование в России, полностью разделяемое мной, огромно. Я вижу, что очень скоро я буду подавлен давлением, оказанным на меня, и буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне». Телеграмма Вильгельма, отправленная почти одновременно, умоляла его помнить, что убийство Франца Фердинанда было преступлением. против института монархии, пародия, которая не могла остаться безнаказанной.

Вильгельм, теперь вернувшийся в Берлин, делал все возможное, чтобы остановить войну, в развязывании которой его позже обвинили. Сербия согласилась на некоторые

требования; он надеялся, что этого будет достаточно для Вены. Не было. Австрийцы утверждали, и не совсем несправедливо, что пункты, от которых отказались сербы, были самыми важными, а именно те, которые позволили бы австрийцам доказать, что другие были соблюдены. Вильгельм и Николас разделяли опасения, что раз начавшуюся войну будет невозможно остановить, но, по словам одного недавнего исследования того, как началась война, последняя неделя июля и первая неделя августа «превратили то, что было все более твердым маршем к войне в бегство через пропасть»¹². Поддавшись общественному давлению, Николай II подписал приказ о мобилизации, по-видимому, все еще надеясь, что этого будет достаточно, чтобы отговорить Австро-Венгрию от нападения на Сербию, а немцев от поддерживая это. Оценка ситуации Николаем могла бы быть почти правильной, если бы Вильгельм II все еще обладал контролем, который он имел десятью годами ранее.

Это была уже не эпоха Филиппа цу Эйленбурга. Политическая роль кайзера была ограничена конституционной двусмысленностью, позором его фаворита и его собственным чутьем на провалы в связях с общественностью. Его тридцатидвухлетний сын и наследник, страстный любитель футбола и тенниса, кронпринц Вильгельм позже утверждал, что Германия никогда не хотела войны, но летом 1914 года он делал все возможное, чтобы поддержать тех, кто кабинет и вооруженные силы, которые хотели начать войну, пока еще были уверены, что Германия может ее выиграть. Уверенная, что Великобритания вернется к своему обычному положению великолепной изоляции, теория гласила, что если война должна была произойти, ей лучше было бы начаться до того, как Россия получит шанс завершить свою индустриализацию. В Германии было больше людей, чем во Франции, и больше техники, чем в России. Нанесение удара по ним обоим сейчас замедлит их прогресс на следующее поколение и гарантирует, что Германии не будут угрожать ее восточные или западные соседи, и даже либеральные политики, такие как финансист Вальтер Ратенау, считали, что время было в пользу Германии. ¹³ Командующий военно-морским флотом адмирал фон Тирпиц поддерживал постоянную переписку с наследным принцем и его матерью, которые разделяли его мнение о том, что на войну следует надеяться.

Роль наследного принца в событиях 1914 года часто игнорируется, но популярность юного Вильгельма среди самых видных деятелей вооруженных сил беспокоила его отца. Неожиданное замечание министра иностранных дел Альберту Баллину о том, что кайзер будет только мешать, если он вернется из отпуска, показало, как многие из его министров стали пренебрегать

Способность Вильгельма говорить о войне только тогда, когда не было никаких шансов, что она действительно произойдет. Вильгельм, несмотря на весь его агрессивный синтаксис, считался де-факто пацифистом теми, кто его знал. Напротив, наследный принц, несмотря на то, что был женат на наполовину русской Сесилии Мекленбург-Шверинской, нравился тем, кто контролировал вооруженные силы страны. Фон Тирпиц считал, что наследный принц «действительно ясно видит вещи», а юный Вильгельм принижал советников своего отца как «слабых, бесхарактерных парней, всегда пытающихся уберечь императора от неприятностей и трудных решений»¹⁴. Все более нестабильным, поскольку он отчаянно пытался цепляться за свою надежду на мир между монархиями и дальнейший экономический рост Германии, он чувствовал угрозу из-за близости своего сына к некоторым из самых влиятельных людей в империи. Вильгельм II, всегда почитавший прусскую армию, теперь, казалось, полностью утратил это уважение из-за своего колебания.

В сердечной беседе с уходящим австрийским послом графом фон Менсдорфом, отозванным в Вену в связи с началом военных действий, король Георг V обвинил наследного принца и его союзников гораздо больше, чем кайзера: «Я не верю, что Вильгельм когда-либо хотел войны, но боялся популярности сына. Его сын и его партия развязали войну»¹⁵. Кайзер, возможно, и не хотел войны, но он хотел, чтобы Франция была побеждена и унижена.

В отличие от царя, он не любил и не доверял республикам, и менее всего французам. Однажды, читая отчет о последних днях Марии-Антуанетты, Вильгельм пришел в ярость от того, как с ней обошлись, и почувствовал, что даже расстояние в столетие не смыло пятна пропитанного кровью рождения французского республиканизма. Тот факт, что последний эксперимент Франции с монархией закончился совсем недавно, в 1870 году, благодаря вторжению его деда во Францию, был пунктом, который, казалось, полностью упустил из виду Вильгельм. Все, что он видел, было беспокойной и ненадежной республикой на западе. Однако он не был аннексионистом. Он не хотел германской империи во Франции или Бельгии и больше всего на свете хотел избежать войны с имперской Россией. Короче говоря, он был сбит с толку, и, как и во многих случаях в то ужасное лето, с Вильгельмом было возможно любое количество исходов.

1 августа ястребы добились своего: Германия объявила войну России, сославшись на свою недавнюю мобилизацию в качестве оправдания. План, разработанный с учетом этой возможности недавно умершим графом Альфредом фон Шлиффеном, теперь начал действовать. У России были более крупные армии, и она также

был союзник. Иметь дело с одним означало сокрушить другое. У Германии не должно быть кошмарного сценария войны на два фронта. Она вторгнется во Францию, как в 1870 году, снова одержав молниеносную победу, которая выбьет республику из войны и позволит Германии повернуть на восток, чтобы иметь дело с Россией. План предполагал, что, учитывая огромные размеры Российской империи и ее сравнительно слабо развитую железнодорожную систему, ей потребуется около шести недель для мобилизации, столько же времени отведено для победы Германии над Францией. Чтобы избежать запутывания с любыми французскими линиями обороны, немецкий план состоял в том, чтобы пройти через Бельгию. Молодой король Бельгии Альберт I уже отказал одному соседу в разрешении использовать его страну в качестве базы для вторжения в другую, но 3 августа немцы объявили войну Франции, и Бельгия была захвачена. Король Альберт принял на себя личное командование своими армиями, и, хотя у Бельгии не было шансов на победу, им удалось замедлить продвижение Германии. Через несколько дней после начала войны план Шлиффена, обещавший столь быструю победу, уже потерпел неудачу. Британцы были полны решимости соблюдать Лондонский договор, и к сентябрю французская и британская армии прибыли в Бельгию и на север Франции, зарывшись в окопы, чтобы противостоять своим немецким противникам. Открылся Западный фронт, театр военных действий, на котором были потеряны миллионы жизней и были впервые применены гротескные достижения воен-

Объявление войны вызвало на улицы европейской столицы ликующие толпы. С тех пор фотографии этой радости и уверенности в быстрой победе стали культовыми изображениями слепого высокомерия общества и невежества довоенного мира. Однако во многом эти фотографии вводят в заблуждение — в 1914 году многие люди были удивлены тем, что началась война на континенте, и беспокоились о том, что это будет означать. Вера европейцев в то, что их континент стал доминирующим регионом в мировой политике, потому что их превосходство в рассуждениях привело к многовековому прогрессу, который позволил им технологически и экономически опередить остальной мир, теперь, казалось, был поколеблен войной внутри клуба, поскольку это были, и тот, который можно было бы во многих случаях предотвратить. У кайзера были все эти опасения и многое другое. Когда провоенные толпы хлынули по бульварам Берлина, чтобы собраться у Stadtschloss, главной резиденции Вильгельма в столице, кайзер появился на балконе и произнес речь, лишенную своей обычной ура-патриотической бравурой.

Для Германии пробил знаменательный час. Завистливые соперники повсюду вынуждают нас к законной обороне. Меч попал в наши руки. Я надеюсь, что в том случае, если мои усилия до самого последнего момента не увенчаются успехом, чтобы привести наших противников в чувство и сохранить мир, мы можем использовать меч, с помощью Божией, чтобы снова с честью вложить его в ножны. Война потребует от немецкого народа огромных жертв, но мы покажем врагу, что значит напасть на Германию. И поэтому я вверяю вас Богу. Идите в церкви, преклоните колени перед Богом и умолите Его помочь нашей храброй армии.

Несколько дней спустя, выступая с речью в рейхстаге, Вильгельм призвал к единству: «От всего сердца благодарю вас за выражение вашей любви и верности. В предстоящей нам борьбе я больше не признаю партий среди моего народа. Есть только немцы... без различия партии, класса или религии... идите со мной через огонь и воду, лишения и смерть»¹⁶. Но наедине и в первые дни войны дворцовые слуги были обеспокоены. Им он казался «трагичным и забитым»¹⁷. Он переходил от моментов оптимизма к постоянно затягивающимся периодам вялости и несчастья. Даже новости о победах в Бельгии, вроде падения города Льеж в первые дни конфликта, похоже, не поднимали ему настроения. Один из его современных биографов выдвинул диагноз маниакально-депрессивного психоза, который впервые проявился во время кратковременного срыва в 1908 году после унижения Филиппа цу Эйленбурга, что, безусловно, соответствовало бы большей части его поведения после того лета. ¹⁸

Через несколько дней после вторжения в Бельгию Вильгельма посетила его невестка, кронпринцесса Сесилия. Элегантная и привлекательная дама с облаком темных волос, Сесилия была двадцатисемилетней дочерью покойного великого герцога Мекленбург-Шверинского и его жены Романовой. Она также была матерью четырех внуков Вильгельма и женщиной, умевшей закрывать глаза на нескромные и многочисленные измены мужа. Мать Сесилии любила путешествовать, поэтому ее детство было приправлено многочисленными длительными визитами к королевским родственникам по всей Европе. Обладая прославленным чувством стиля в одежде, которое уже заслужило ее похвалу в немецкой прессе, и легионом поклонниц, стремящихся подражать ее нарядам, способность Сесилии комфортно общаться с людьми разных национальностей помогла ей представлять империю в королевской резиденции короля Георга V.

коронация в Лондоне в 1911 году и празднование дня рождения царя Николая II ранее в том же году. Поэтому космополитичная наследная принцесса считала начало войны душераздирающим, тогда как ее муж находил его воодушевляющим. Одна из ее русских родственниц, княгиня Ирина, застряла в Берлине по дороге домой после медового месяца с князем Феликсом Юсуповым, считавшимся самым богатым человеком в Российской империи. (Это была пара, которая была разбужена в Найтсбридже цепкой атакой вдовствующей императрицы с зонтиком на их чрезмерно оберегающего швейцара.) Супруги и все их слуги были арестованы вместе со многими другими иностранными гражданами и отправлены в тюрьму. Оттуда Ирине удалось позвонить Сесилии и попросить ее о помощи. Сесилия сразу же попросила о встрече с кайзером, который сначала заявил, что не может позволить племяннице царя покинуть Германию, как будто две страны не находятся в состоянии войны. Он дал Сесилии список трех красивых загородных поместий и сказал ей, что Ирина может выбрать любое из них, в котором она хочет жить до конца войны в качестве почетного гостя кайзера. В этот момент Вильгельм, похоже, не понимал, что разрешение русской принцессе остаться в Германии будет гораздо более непопулярным, чем разрешение ей уехать.

Сесилия изо всех сил старалась изменить его мнение, но он не слушал, пока испанское посольство, представляющее нейтральное королевство, также не обратилось от имени пары. Вильгельм уступил, и Юсуповым разрешили покинуть город вместе с последними официальными лицами эвакуированного российского посольства. Когда они шли к станции Анхальтер, разъяренная толпа забросала их машины камнями и мусором. Сесилия, беременная пятым ребенком, обрадовалась тому, что ее двоюродной сестре разрешили вернуться домой, но в первую очередь огорчена тем, что такая ситуация возникла сама собой.

Другие члены немецкой императорской семьи были в гораздо лучшем расположении духа. Двое сыновей кайзера, Адальберт и Оскар, поженились на скромных церемониях в первую неделю войны. Императрица приступила к преобразованию шести редко используемых дворцов в госпитали и солдатские санатории. Наследный принц получил командование 5-й армией, хотя это никак не улучшило его способность соперничать с отцом. Пятеро его братьев также бросились служить Отечеству. Самый младший, двадцатитрехлетний Иоахим, записался, чем огорчил императрицу, которая всегда считала его своим самым хрупким ребенком с тех пор, как он родился преждевременно, что, по иронии судьбы, частично было вызвано яростью его матери из-за того, что ее невестка бросила его. протестантизм. Принц Эйтель получил командование Первой прусской пешей гвардией. Принц Август поселился в Рейнсбурге.

Дворец к северу от Берлина, где к нему присоединился его адъютант и, по слухам, любовник Ганс Георг фон Макензен, сын фельдмаршала фон Макензена, одного из командующих генералов на Восточном фронте, для надзора за управлением провинцией в военное время. Младший брат Августа, новобрачный принц Оскар, командовал полком короля Вильгельма I на Западном фронте и получил Железный крест первой степени за доблесть, когда вел своих людей в атаку в битве при Вердене, и остановился только тогда, когда потерял сознание и упал. пришлось унести с поля боя.

На юге Австрии страдания Сесилии превзошли страдания жены нового наследника, эрцгерцогини Зиты. Как и у Сесилии, у Зиты из Бурбон-Пармы было много родственников по ту сторону окопов, некоторые из которых отдыхали с ней, когда была объявлена война. В ее случае ей пришлось умолять Франца-Иосифа позволить двум ее братьям, Сиксту и Ксаверию, покинуть Австрию и присоединиться к бельгийской армии. Эрцгерцогиня была по понятным причинам расстроена тем, что ее муж и братья будут сражаться в противоположных лагерях, но Карл сказал своим шуринам, что «так же, как его долг сейчас присоединиться к армии, так и наш долг — вернуться». На прошлой неделе разрешение было получено, и двух принцев доставили к границе со Швейцарией. В то же время друг, предавший Зиту под алтарь в 1911 году, был вывезен из империи под вооруженным конвоем, потому что он воевал в составе русских армий в их войне против Японии в 1904 году.

16 августа, на следующий день после праздника Успения, священного дня по католическому календарю, Карл отправился на Восточный фронт. В отсутствие мужа Зите было предложено переехать с двумя детьми во дворец Шенбрунн, чтобы жить с императором. Иногда рассматриваемый как ответ Габсбургов на Версаль, Шенбрунн был великолепной экстравагантностью в стиле барокко, восходящей к правлению императрицы Марии Терезы восемнадцатого века, и, как Версаль, он славился своими прекрасными садами. Зита переехала туда с двухлетним Отто и его младшей сестрой Адельхайд, где осенью они были с императором, чтобы получить новости о нескольких многообещающих австрийских победах.

После ухода мужа Зита большую часть утра проводила в военных госпиталях; в августе 1915 г. награждена служебной медалью Красного Креста. Как новая первая леди двора Габсбургов, она также должна была сопровождать восьмидесятилетнего императора в качестве хозяйки любых официальных мероприятий, которые по мере развития войны включали, к ее огорчению,

все более частые визиты кайзера Вильгельма. В союзе уже начали появляться трещины, поскольку война стала рассматриваться больше как война Германии, чем войны Австро-Венгрии. В конце концов, именно Германия втянула Великобританию, Францию и Бельгию в конфликт, который изначально не должен был касаться никого, кроме Австро-Венгрии, Германии, Сербии и России, самое большое. Визиты Вильгельма и его окружения также подчеркнули старую напряженность между австрийцами и пруссаками, подчеркнув то, что первые считали очарованием юга против агрессивных дурных манер севера. Интересно, что, учитывая ее будущие попытки разорвать австрийский союз с Германией, Зита, казалось, даже на этом раннем этапе ошетижилась прибытием пруссаков в Вену. Эту точку зрения, по ее мнению, разделял и Франц Йозеф. «Чувствовалось, что между ними никогда не было настоящего контакта, — писала она позже. «Атмосфера никогда не была расслабленной; всегда было электричество в воздухе и осознание того, что Вильгельм II как-то представлял другое отношение к жизни, почти другую культуру»²⁰.

На личном уровне Зита находила Вильгельма II утомительным, и ей не нравилось его чувство юмора. Однажды на званом обеде кайзер «рассказал за столом несколько анекдотов, которые мне показались не в лучшем вкусе; поэтому я демонстративно не смеялся». После обеда Зита забеспокоилась, что, возможно, она была груба и что для приличия лучше было бы вежливо посмеяться над слегка рискованным подшучиванием Вильгельма. «После этого я упомянула об этом императору, — вспоминала она, — на случай, если это была оплошность. Но он всецело одобрил: «Совершенно верно. Не надо над всем смеяться». Император ни разу не произнес ни слова прямой критики в адрес своего собрата-государя. Но подобные небольшие инциденты показывали, что они никогда не могли найти общий язык, и мне всегда казалось, что это отражает большую пропасть между двумя

народами». Дети - третий ребенок, эрцгерцог Роберт, родился в 1915 году, и счастье императора было видно при крещении. Во время своих визитов он разговаривал с Зитой с откровенностью, которую редко проявлял с кем-либо еще. Зита была сочувствующим слушателем с успокаивающей манерой, и в ее компании Франц-Иосиф начал размышлять о своей долгой и необычной жизни. Он рассказал ей, как в глубине души он так и не оправился от 1848 года, когда его дядя Фердинанд отрекся от престола в его пользу.

и ему был дан трон, чтобы спасти его от травм восстаний.

Вся его работа, этот упорный, навязчивый, отупляющий бюрократический труд, который он выполнял изо дня в день на протяжении более шестидесяти лет, была попыткой навести порядок в хаосе, но тем не менее он жил с ежедневный страх, что его «империя подобна тревожно спящему вулкану». Он рассказал ей, как, по его мнению, национализм был чумой их века, и как он сделал все возможное, чтобы остановить его развитие. С годами его страхи росли, «не только потому, что он видел, что ей [империи] угрожают националистические движения и рост парламентского давления, но и потому, что ее будущее зависело от союзов со всеми их неопределенностями и слабостями»²². Наблюдая за ним с близкого расстояния, Зита считала, что он был в ужасе от войны, развязанной убийством Франца Фердинанда, и только годы спустя она смогла оценить его правоту, полагая, что война, которая была задумана как месть за террористический акт фактически быстро стал человеком, движимым худшими излишествами своего собственного *bête noire* - национализмом.

Тем не менее, будучи молодой женщиной в 1914 году, Зита, как и многие австрийцы, продолжала верить, что их дело было оправдано тем, что их первоначальная провокация, убийство прямого наследника и его жены, была явно провокацией, в которой Австрия была права, а Сербия была права. в неправильном. Однажды днем эрцгерцогиня была в приподнятом настроении, узнав о победе на Восточном фронте, где находился ее муж, но когда она поздравила императора, он вздохнул. — Да, это победа, но так всегда начинаются все мои войны, чтобы закончиться поражением. И в этот раз будет еще хуже. Скажут, что я стар и больше не выдерживаю, и что после этого грянут революции, и тогда будет конец». Зита была ошеломлена позицией Императора и предположением, что они действительно могут проиграть войну. «Но ведь это невозможно, — ответила она, — война, которую мы ведем, справедлива». Франц-Иосиф, видимо, повернулся к ней, склонил голову набок и грустно улыбнулся. «Да, — сказал он после долгой паузы, — видно, что вы очень молоды, что вы еще верите в победу праведников».

Военное руководство Николая II и Восстание Распутина

«Зрелище одновременно великолепное и ужасное»

Когда 5 августа 1914 года Анна Вырубова, коренастая тридцатилетняя женщина, несчастливо вышедшая замуж за офицера российского флота, вышла из своей квартиры, она с удивлением обнаружила, что улицы Санкт-Петербурга полны необычайной активности. Мужчины ликовали, женщины плакали, а дети бегали, крича от восторга и распевая патриотические песни о царе и отечестве. Повсюду она могла видеть плакаты, провозглашающие мобилизацию русских армий. Война с Германией и Австро-Венгрией казалась неизбежной.

Садясь в поезд, идущий в Царское Село, императорскую деревню в пятнадцати милях от столицы с двумя дворцами, парком и множеством придворных резиденций, Анна задавалась вопросом, с чем она столкнется, когда доберется до Александровского дворца, небольшой неоклассической резиденции, построенной во время царствования Екатерины Великой, который вскоре после свадьбы стал основным семейным домом Николая и Александры. Вырубова, которую князь Феликс Юсупов довольно подло описал как «высокую и полную, с одутловатым, лоснящимся лицом и без всякого обаяния», была одной из фрейлин царицы, и ее назначение вызвало аристократическое беспокойство в Москве и Санкт-Петербурге. 1 Она не была дворянкой, она не была умна, она не была очаровательна, она не была модной и не особенно интересной.

Однако она была духовной, податливой и подобострастной. Ее брак был оскорбительным, и она нуждалась в спасении от него. Все это сделало ее очень привлекательной компаньонкой для Александры, которая любила помогать людям, но также и доминировать над ними. С ее преданностью и неспособностью формировать мысли независимо от императрицы, не говоря уже о том, чтобы критиковать ее, она была именно тем, что искала Александра, хотя время от времени даже она, казалось, находила свое обожание удушающим. Николай любил Анну, но ее привычка доводить до сведения императрицы все сплетни, большие и малые, в надежде завоевать ее одобрение, его крайне раздражала. -- Вы, со своей стороны, не должны позволять Анне беспокоить вас

глупые рассказы, которые не принесут пользы, — сказал он ей, — ни себе, ни другим».

Когда она прибыла в тот вечер в Александровский дворец, Анна была проведена в покои императрицы, все из которых были обставлены в мебель, заказанная по английским каталогам, к всеобщему отвращению дворянства, считавшего украшение царинного интерьера в Царском Селе нескончаемым преступлением против хорошего вкуса. Проведенная в лиловый будуар Александры, Анна взволнованно рассказала ей, что видела в городе.

Александра непонимающе посмотрела на нее, а затем сказала, что, должно быть, ошибается; единственные части, которые были в движении, находились у австрийской границы. Когда Анна утверждала, что видела плакаты, подтверждающие мобилизацию, императрица выбежала из комнаты и направилась в кабинет мужа. В течение получаса Анна могла слышать, как они ссорятся по ту сторону двери, так как Александра обнаружила, что Николай намеренно скрывал от нее эту новость, потому что беспокоился о ее здоровье. Вернувшись к Анне, Александра рухнула на кушетку. 'Война!' — сказала она, затаив дыхание. — А я ничего об этом не знал. Это конец всего». Когда царь зашел выпить свой обычный вечерний чай с женой и ее фрейлинами, чайный час, обычно время для дружеской беседы, прошел в мучительном молчании. Позже Анна писала, что в течение следующих нескольких дней «депрессия императрицы не прекращалась. До последнего момента она надеялась вопреки всему, а когда немцы официально объявили

войну, она поддалась совершенной страсти плача». Ужас Александры разделяли некоторые из тех, кто когда-то был близок с ее мужем. Сергей Витте, финансовый волшебник, сосланный в политическую глушь за плохое обращение с кризисом 1905 года, пытался использовать все оставшиеся у него связи, чтобы остановить конфликт. Он считал в корне неправильным идти на войну от имени Сербии, потому что после того, что случилось с Францем Фердинандом, они собирались только «понести заслуженное наказание». Когда кто-то предположил, что победа может привести к увеличению размера России, Витте рявкнул: «Боже мой! Разве империя Его Величества уже недостаточно велика? ... И даже если предположить полную победу, Гогенцоллерны и Габсбурги вынуждены просить милостыню, ибо это означает не только конец германского господства, но и мир... провозглашение республик по всей Центральной Европе. Это означает одновреме

как можно скорее». Его слова показали, что он не утратил ни одной из своих способностей восприятия. Тот факт, что он произносил их в сопровождении французского посла, представителя главного союзника России, показывал, что он не утратил своих полномочий раздражать.

Всех сомневающихся заставил замолчать всплеск патриотического рвения, которым было встречено начало войны. Столь полной была вера в судьбу России, что после многих лет борьбы за конституционализм Дума совершенно невероятно проголосовала за то, чтобы добровольно приостановить свою деятельность до окончания войны, чтобы вся нация могла сплотиться вокруг престола без разделения лояльности или. Когда царь и императрица появились на балконе Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, их ждала многотысячная толпа. Он спонтанно разразился хором «Боже, Царя храни»; когда развевались флаги, Николай склонился перед своим народом, и раздались аплодисменты в пользу войны в защиту Святой Матери России. Взрыв национализма, которого Франц-Иосиф боялся вести войну, был очевиден в России с самого начала, а присущая национализму склонность к ксенофобии стала еще более очевидной, когда царь поддержал предложение изменить название столицы с Санкт-Петербурга на Петроград. Русский перевод. До сих пор такие же чувства не проявлялись к жене Николая, родившейся в Германии, но это был только вопрос времени.

Александра, решившая быть полезной, связалась с Красным Крестом и приступила к обучению в качестве студентки-медсестры, а также профинансировала строительство ультрасовременного военного госпиталя на территории Царского Села. В то время как многие другие женщины из высшего общества покровительствовали благотворительным организациям, Александра действительно хотела работать на одну из них. Пройдя курс, она радостно написала своей сестре Виктории, проживающей в Англии: «Мы сдали экзамены и получили Красный Крест на фартуках и получили удостоверения сестер военного времени. Было волнительно надевать их и появляться с другими сестрами». — Две ее старшие дочери, девятнадцатилетняя Ольга и семнадцатилетняя Татьяна, также поступили в школу. Ожидалось, что из Ольги получится отличная медсестра. Она была самой умной от природы из пяти царских детей, самой любознательной, а также самой осведомленной в социальном и политическом плане. К шестнадцати годам она прочитала «Отверженных», эпическую повесть Виктора Гюго об эксплуатации и страданиях рабочего класса в результате промышленной революции. Ее встревожил вид крестьян, падающих на колени, когда мимо проходила императорская семья, и она спросила свою уроженку Белфаста:

няня Маргаретта Игер, чтобы передать сообщение, что в этом нет необходимости.⁶ Когда в возрасте восемнадцати лет ей разрешили доступ к некоторым собственным ограниченным средствам, она навела справки о детях-инвалидах в окрестностях и сразу же начала анонимно выкачивать деньги для оплаты их медицинских счетов.

В отличие от более вдумчивой Ольги, великая княгиня Татьяна была общительной и царственной. Ольга часами занималась на фортепиано; Татьяна меньше тренировалась, меньше заботилась и лучше играла. Высокая, уверенная в себе и очень красивая, у нее были темно-каштановые волосы и завораживающие темно-синие глаза, похожие на глаза ее отца. Ее манеры были безупречны. Офицер Императорской гвардии сказал, что с Татьяной «вы чувствовали, что она дочь императора»⁷. Более уверенная в себе, чем другие ее сестры, и более красноречивая, единственной ахиллесовой пятой Татьяны было одобрение ее матери. Частые приступы плохого самочувствия Александры и столь же частые приступы дурного настроения доводили Татьяну до мучений. Если она или кто-либо из детей делали что-либо, что могло бы рассердить ее мать или усугубить ее несчастье, Татьяна посылала письма через прислугу, спрашивая о матери, которая до войны чаще всего ложилась в постель. Ответы Александры часто были краткими и властными: «Старайся быть как можно лучше и не причинять мне беспокойства, тогда я буду довольна. Я действительно не могу подняться вверх [в детские квартиры] и проверить, как дела с уроками, как ты себя ведешь и говоришь». — была Татьяна, которая оказалась более —

выносливой медсестрой, чем ее мать или старшая сестра. Учащенное сердцебиение и ишиас Александры, очевидно, означали, что ее полезность в больницах была ограниченной. В случае с Императрицей дух был готов, но тело было слабым. Примерно через год изнурительной работы Николасу пришлось вмешаться, чтобы заставить свою жену сократить часы работы. Во время операций Ольгу тошнило, тошнило, и она даже теряла сознание, поэтому именно Татьяна научилась ходить в театры, чтобы помогать хирургам, в то время как Ольга неустанно работала в палатах, разговаривая с солдатами и помогая другим медсестрам, где могла. Анна Вырубова тоже присоединилась к госпиталю, и все они присутствовали, когда на их глазах погиб солдат. «Все вели себя хорошо, — писала Александра, — никто не растерялся, и девушки были храбры — они с Анной никогда не видели

смерть. Но он умер в одно мгновение — это опечалило всех нас, как вы можете себе представить, — как всегда близка смерть».

Один солдат в госпитале получил ушиб головного мозга, черепно-мозговую травму, сопровождавшуюся периодическими приступами ясности сознания. Каждый день, когда Александра подходила к его постели, он сначала путал ее со своей матерью, которая недавно скончалась. Императрица садилась у его кровати и разговаривала с ним: «Он смотрит, — говорила она Николаю, — потом узнает меня, прижимает мои руки к своей груди, говорит, что теперь ему тепло и радостно». При всей своей скромности она изменилась. солдатские бинты без жалоб, брили вокруг ран, помогали врачам при ампутациях, стерилизовали медоборудование и баюкали раненых, когда они начинали кричать или кричать во сне. «За них сердце кровью обливается, — писала она мужу, — не буду описывать подробностей, так грустно, но, как жене и матери, я особенно сочувствую им»¹¹. Они с Ольгой подружились с раненым молодым солдатом. в наступлении на австрийские позиции. Он пролежал в больнице четыре

месяца без особых признаков улучшения, и Александра регулярно писала о нем Николасу. Больной рассказал им о своей жизни дома, службе на фронте и своей семье. Александра зашла к нему, когда начала работать в девять часов утра, и провела с ним час или около того днем. Она и другие медсестры поняли, что молодой человек скоро умрет, поэтому она решила, что не хочет, чтобы он умер сам по себе, отсюда продолжительность и частота ее визитов к его постели.

Через несколько месяцев она написала мужу: «Мой бедный раненый друг ушел. Бог тихо и мирно принял его к Себе. Я, как обычно, был с ним утром и больше часа днем». К ее огорчению, ее не было рядом, когда молодой человек скончался. Ранее в тот же день он сказал одной из медсестер, что чувствует себя немного некомфортно, но ничего серьезного. Десять минут спустя та же медсестра вернулась и сказала, что он сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем мягко уйти из жизни. «Мы с Ольгой пошли к нему, — писала в тот вечер Александра. «Он лежал так мирно, покрытый моими цветами, которые я каждый день приносила ему, с его прекрасной мирной улыбкой — лоб, но довольно теплый. Я пришла домой со слезами... Никогда он не жаловался, никогда ничего не просил, сама сладость – все любили его и эту сияющую улыбку...

Я чувствовал, что Бог позволил мне принести ему немного солнечного света в его одиночество. Такова жизнь. Еще одна храбрая душа покинула этот мир, чтобы

добавься к сияющим звездам наверху». Она была в смятении и не могла перестать писать об этом подробно Николаю: «Тебя не должно огорчать то, что я написала, — извинялась она, — только я не могла больше терпеть».

Страдания, свидетелями которых стали Александра и две ее дочери, были вызваны растущими проблемами России с войной. Экономический рост последних двух десятилетий в сочетании с гордостью страны своими вооруженными силами означал, что очень немногие русские всерьез рассматривали возможность поражения. Воспоминания о Крыме в 1855 году и Японии в 1905 году были отодвинуты в сторону. Националистическая пропаганда предпочитала вызывать призраков святого Александра Невского и славного средневекового прошлого или Александра I и победы над Наполеоном. Этот оптимизм не был полностью ошибочным. Обладая огромной армией, имперская Россия в короткой войне могла сравняться со своими врагами. Однако экономический рост, наблюдавшийся при Николае II и его отце, был слишком недавним и, следовательно, слишком поверхностным, чтобы выдерживать длительную войну на истощение, факт, который был ужасно разоблачен в первый год войны. О неудачах царской России в войне написано так много, что нетрудно представить, что успехов никогда не было. Были победы, особенно в кампаниях против Австро-Венгрии, но поражения, когда они случались, давались поистине ужасной ценой.

В конце первого месяца войны немцы потеряли около 5000 человек в результате победы над 2-й русской армией в битве при Танненбурге. Русские потеряли 78 000 человек, еще 90 000 попали в плен. В этом сражении в течение четырех дней исчез цвет русской аристократии, убитый, поскольку благородство кавалерийской атаки не могло сравниться с современным миром пулеметов и тяжелой артиллерии. В первые дни осады австро-венгерской крепости Перемышль было убито 40 000 русских. Новости о массовых убийствах и тысячах семей погибших начали быстро подрывать энтузиазм по поводу конфликта.

Дома сельскохозяйственная и транспортная системы империи были не в состоянии справиться с огромным спросом, который предъявляла к ним война, а так как многие железные дороги использовались для снабжения военных сил, часто требовалось больше времени, чтобы продовольствие доставлялось в города из-за рубежа. сельская местность. Главный успех имперского правительства заключался в обеспечении того, чтобы обильные запасы продовольствия в России перемещались достаточно эффективно, чтобы армия не страдала от нехватки продовольствия.

были недоступны для большинства солдат к 1915 году, а такие болезни, как холера, сыпной тиф, брюшной тиф, цинга и дизентерия, увеличились к 1916 году. Отсутствие боеприпасов и оборудования значительно увеличило потери на передовой, в то время как заводы на родине с трудом производили оружие и боеприпасы, которые нужны были правительству для армии. Поскольку на фронт ушло так много мужчин боеприпасного возраста, российская экономика нуждалась в меньшем количестве рабочей силы, когда ей нужно было быть максимально продуктивной.

К марту 1915 года стало ясно, что российская армия столкнулась с кризисом боеприпасов, и в военном штабе, известном как Ставка, ее высшие руководители обвиняли друг друга или государственных служащих в военном министерстве, но никогда себя. Проголосовав за свое временное прекращение существования в знак солидарности с судом в 1914 году, Дума начала агитировать за свой отзыв, и Николай летом 1915 года согласился. Возникла фракция, известная как Прогрессивный блок, свободная, но мощная коалиция, около двух третей членов Думы, которые были привержены значительным изменениям в законодательстве после окончания войны, но которые также хотели сформировать своего рода группу давления, которая имела бы право голоса в обеспечении того, чтобы компетентные министры были назначены до тех пор, пока этот мир не будет завоеван.

Вопреки тому, во что верила царица и несколько ее друзей, они не были антимоноархическим лобби, но тот факт, что они вообще существовали, свидетельствовал о живом беспокойстве образованной элиты империи о том, что произойдет теперь, когда правительство наконец приняло решение вмешаться в бездарность, проявленную в Ставке.

Великий князь Николай должен был уйти в качестве главнокомандующего. Императрица не доверяла его харизме и непрекращающимся попыткам его жены продвинуть своего мужа в глазах общественности за счет царя. Коварные инсинуации великой княгини о немецком происхождении Александры не помогли делу, равно как и тот факт, что харизматичный и умный великий князь, громадный гигант семьи Романовых ростом шесть футов шесть дюймов, теперь, казалось, был на грани смерти. срыв из-за напряжения и кошмаров, вызванных столькими катастрофическими поражениями. Однако заменить великого князя было делом непростым. Романов не мог быть вытеснен простолюдином или даже дворянином без того, чтобы это не было истолковано как преднамеренное посягательство на его честь. Царь решил заменить самого Николая. Это привело бы к более аккуратному слиянию гражданской и военной ветвей власти, а также позволило бы Николаю очистить армию от тех людей, которые были связаны с худшими ошибками первых военных действий.

Чистка в царском смысле имела совсем другое значение, чем то же самое слово в СССР. Здесь не было ГУЛАГа, а начальника штаба Николая, непопулярного генерала Янушкевича, просто уволили с действительной службы. Николай надеялся, что, появляясь на фронте более регулярно, он воодушевит солдат, что у него будет более четкое представление о том, что происходит и что идет не так, и что это создаст впечатление, что монархия заботится о том, что происходит. своим субъектам. По словам его тогдашнего премьер-министра, князя Ивана Горемыкина, «Его Величество считает священным долгом русского царя находиться среди войска»¹⁴. Николай также достаточно осознавал себя, чтобы понимать, что это не его работа. на самом деле направлять стратегию, и что на этой арене делегирование полномочий было его самым важным умением. Он заменил Янушкевича генералом Михаилом Алексеевым, который так и не смог справиться с бедствиями, вызванными экономическими проблемами на родине, но, по крайней мере, руководил армиями более осмотрительно, чем до 1915 года. Доминик Ливен, один из лучших современных биографов Николая, защищает решение, заявив, что «решение императора принять на себя верховное командование было не только мужественным и бесповоротным, но и правильным»¹⁵. Поначалу это, безусловно, казалось мудрым шагом. Правда, Николай отверг предложение о сделке с Прогрессивным блоком, которая могла бы еще теснее связать Думу и корону в решающий момент, но ряд побед русских помог стабилизировать фронт и сделать военные действия менее похожими на разгром.

И все же, несмотря на все свои достоинства, решение Николая II стать главнокомандующим армией в 1915 году было, пожалуй, самой большой ошибкой в его жизни, за исключением, может быть, его отречения от престола в 1917 году. Когда он сообщил об этом своему Совету министров, они были ошеломлены. Они умоляли его не уходить: это поставило бы трон в центр внимания за каждое последующее поражение. Монархия и армия могли бы достичь идеального симбиоза, как это было в московских мифах и сказках средневековой Руси, но авантюра царя окупилась бы только в случае победы России. До сих пор общественное мнение часто критиковало отдельных министров или руководство Ставки за тысячи мешков для трупов, необходимых на фронте, отныне центром этих страданий будет царь, и весь позор, вызванный жестокой войной, будет обрушиваться на его голову. . Не менее разрушительным был тот факт, что мудрость назначения генерала Алексеева новым начальником штаба не соответствовала назначению Александры регентом в отсутствие царя.

У царицы были ужасные рабочие отношения с большинством министров, ее застенчивость доставляла ей неудобство даже в присутствии мужчин, разделявших ее взгляды, ее подозрительность теперь граничила с паранойей, потому что она решила рассматривать создание Прогрессивного блока как прелюдию к изменническому делу. узурпация монархической власти, второе пришествие присяги на теннисном корте, а она была немкой. Она не назвала бы себя таковой, и в самом деле, Николай II был женат на англичанке: дочери английской принцессы, выросшей в доме, построенном по британскому образцу с британской мебелью, воспитанном английскими нянями и отправленном в проводит большую часть своего времени под присмотром своей бабушки королевы Виктории после того, как ее мать умерла, кормя своих детей во время эпидемии дифтерии 1878 года; даже после двадцати лет замужества фрейлины Александры заметили, что «она говорила по-русски с сильным английским акцентом»¹⁶. Она также ненавидела Второй рейх и не доверяла своему двоюродному брату Вильгельму. Однако для широкой публики имело значение только то, что царица родилась в городе, который теперь был частью Германии, а национальность Немки, «немки», стала предметом спекуляций, поскольку царь решил покинуть этот день. - сегодняшние дела правительства в руках иностранца. К проблеме ее национальности добавлялась зависимость Александры от Григория Распутина, бродячего сибирского мужика, странствующего самозваного святого, с отвратительным уровнем личной гигиены и, если верить слухам, еще более грязными нравами.

Впервые они были представлены десятью годами ранее, когда великая княгиня Милица, которая меняла духовные увлечения, как другие люди меняют наряды, привлекла к нему внимание царицы. Он был уверенным в себе человеком с мистическими и приземленными наклонностями; его бесстыдные и, возможно, несколько преувеличенные крестьянские манеры делали его экзотической диковинкой в салонах петербургского общества. Он утверждал, что видел видения Девы Марии, что дошел до закрытой христианской общины на горе Афон в Греции во время паломничества и обладал способностью исцелять. Всегда поклонявшаяся его деревенскому христианству, Александра окончательно убедилась в том, что он действительно человек Божий, когда в 1912 году он, казалось, исцелил Алексея по телеграмме. Чудо повторилось в 1914 году, когда Алексей сильно вывихнул лодыжку на той же неделе, что и Франц . Фердинанд был убит, и Александра опасалась, что он может умереть от внутреннего кровотечения. Еще одна телеграмма принесла очередное выздоровление в последнюю минуту. В январе 1915 года Анна Вырубова была тяжело ранена

врачи ожидали ее смерти. Распутин взглянул на нее на больничной койке и объявил, что она будет жить, но осталась частично покалеченной. Это было небольшое преувеличение. Она не была калекой, ей просто нужна была трость для ходьбы до конца жизни, но она действительно жила, когда все, кроме Распутина, думали, что она умрет. Как раз в то время, когда она достигла своего наибольшего политического значения, царица Александра была уверена, что Григорий Распутин был «Нашим Другом», человеком, посланным Богом, чтобы вылечить ее сына и передать ее мужу волю верного русского крестьянства.

OceanofPDF.com

Тотальная война и маргинализация Кайзер

«Его Величество не понимает серьезности ситуации.

Великое Герцогство Люксембург вошло в немецкую оккупацию более спокойно, чем ее бельгийские соседи. Правящая великая княгиня, двадцатилетняя Мария-Аделаида, протестовала против вторжения Второго рейха в ее страну, но она была достаточно прагматична, чтобы понимать, что она мало что может сделать, чтобы остановить это. В отличие от Бельгии, у Люксембурга не было влиятельных друзей, готовых броситься на ее защиту. Предыдущие два года молодой леди на великокняжеском троне были потрачены на попытки исправить то, что она считала растущим социальным неравенством, и в результате она стала очень популярной.

Неясно, была ли она настолько прогермански настроена, как утверждали ее критики, когда они свергли ее с престола в конце войны. На протяжении всего конфликта она продолжала настаивать на официальном нейтральном статусе Люксембурга. Тем не менее, несмотря на ее заявления и, несомненно, тяжелое положение, в котором она оказалась, вежливость Мари-Аделаиды по отношению к немцам резко контрастирует с действиями, предпринятыми бельгийским королем Альбертом и королевой Елизаветой, которые сражались против немцев на протяжении всей войны. , последние создали сестринские подразделения на передовой.

30 августа 1914 года кайзер прибыл в Люксембург в рамках плана правительства по постоянному перемещению императора между различными фронтами. Канцлер Теобольд фон Бетманн-Хольвег считал, что присутствие кайзера было жизненно важным, учитывая долгую историю поддержки вооруженных сил династией Гогенцоллернов: «Король Пруссии, германский император, который не остался посреди своих армий, был идея, которая была бы невыносима как для императора, так и для войск». Хотя она не предложила ему или его окружению жилья ни в одном из своих дворцов, и им пришлось довольствоваться комнатами в германском консульстве, великая княгиня Мария-Аделаида действительно пригласила кайзера присоединиться к ней на ужин во Дворце великих герцогов в Люксембурге.

Кайзер все еще находился в Люксембурге, когда узнал, что его младший сын, двадцатичетырехлетний Иоахим, был ранен во время немецкого наступления на Париж. Иоахим держался храбро, как солдат, и шведский друг кайзера, гостивший у него в Люксембурге, сказал, что гордость императора за своего младшего сына была трогательно видна. Но само наступление шло не очень хорошо, и во время Первой битвы на Марне немцам пришлось признать, что план Шлиффена провалился. Париж не падет, как в 1871 году. Немецкая армия должна была окопаться и удерживать свои позиции в окопах против англичан, французов и бельгийцев.

Вскоре после неудачи во Франции наследный принц приехал в Люксембург, чтобы навестить своего отца. Отношения между двумя мужчинами все еще были натянутыми: в 1910 году он приказал временно отстранить сына от любых официальных обязанностей после того, как тот не участвовал в церемониях, посвященных столетию со дня смерти королевы Пруссии Луизы, семьи Гогенцоллернов. самый знаменитый матриарх, который помог объединить страну против нападений Наполеона. Четыре года спустя кайзер не выразил ему той привязанности, которую он обычно проявлял к пятерым младшим братьям; воссоединение не улучшило динамику. Молодой Вильгельм начал свой визит с того, что выразил презрение к советникам своего отца и настаивал на том, чтобы фон Бетманн-Хольвег был заменен на посту канцлера кем-то, более подходящим для военных. Он также хотел, чтобы генерал Пауль фон Гинденбург стал начальником Генерального штаба, фактически человеком, отвечающим за руководство войной. Провал плана Шлиффена полностью сломил дух предыдущего президента, фельдмаршала фон Мольтке, и Вильгельм рассматривал возможность замены его Эрихом фон Фалькенхайном, прусским аристократом, который ранее служил в немецком армейском корпусе в Китае и был министром Пруссии. войны с июня 1913 года. Кронпринц считал, что фон Фалькенхайн не подходит для этой работы и что вместо нее ее должен получить уважаемый фон Гинденбург, в то же время фон Бетманн-Хольвег предпочтительно должен быть заменен адмиралом фон Тирпиц, таким образом создав, по сути, военное правительство. Из Берлина императрица присоединилась к голосу наследного принца, тепло выразив свои

Отец и сын поссорились, и кайзер отказался уволить фон Бетманн-Хольвег. Его также раздражала поддержка женой и старшим сыном фон Гинденбурга, шестидесятишестилетнего великого сеньора прусской аристократии, который мог причислить к своим предкам Мартина Лютера,

первый великий лидер протестантской Реформации. Фон Гинденбург сделал выдающуюся военную карьеру, в том числе участвовал в войнах против Австрии и Франции, которые способствовали объединению Германии. Он присутствовал как солдат-победитель на церемониях, провозгласивших рождение Второго рейха в 1871 году, и был настолько стар, настолько почтенен, что к началу войны в 1914 году уже вышел в отставку. Его репутация была такова, что Армия умоляла его выйти из отставки, но это никоим образом не ослабило колоссального чувства фон Гинденбурга к собственному великолепию. Пожилой и полный, у него был вид государственного деятеля, который убеждал таких людей, как императрица и наследный принц, в том, что это человек, которому можно доверять как в армии, так и в правительстве. Ему было поручено командовать армиями Восточного фронта, которые двигались гораздо быстрее, чем застывшие в траншеях силы на Западе, в результате чего на протяжении всей войны фон Гинденбург выглядел как человек, который

Наследный принц уехал из Люксембурга, не получив того, чего хотел, и был убежден, что его отец уже не выполняет свой долг Верховного военачальника. Эту точку зрения широко разделяли многие союзники младшего Вильгельма. Постоянное нежелание Вильгельма II одобрять самые суровые меры военного времени, его визиты для бесед с французскими и британскими военнопленными, его настойчивость в отправке телеграмм соболезнования родственникам в Британии в случае утраты и, прежде всего, его поведение, от маниакальной энергии до депрессивное недомогание, все это создавало у его советников впечатление в разные периоды войны, что «Его Величество не понимает серьезности положения», с которым столкнулся его народ. в городе Шарлевиль, в сопровождении его верной таксы Сенты, врачи прописали ему снотворное. Он ел недостаточно, вопреки антимонархической пропаганде конца войны, которая утверждала, что он объелся, хотя чрезмерно заботливая императрица не помогала и в том, когда она тайком обходила приказы мужа, чтобы он жил на том же пайке, что и остальное население; у него были приступы паники, и даже по его собственным меркам он вел себя необычно. У Альберта Баллина была аудиенция у него во время одной из его коротких поездок обратно в Берлин: «Я видел императора, который, как я обнаружил, был полон уверенности в будущем, хотя также и полон гнева против Англии, и в этом императрица ободряет его. Так что личные обиды и неприязни, кажется, играют значительную роль в политике, и это кажется мне очень опасным».

По мере развития войны англофобия Августы Виктории шла в ногу с общественным мнением. К 1915 году блокада Германии британским флотом начала серьезно сказываться на уровне жизни. В ответ адмирал фон Тирпиц хотел развернуть политику неограниченной подводной войны против любого корабля, заходящего в Британию. Канцлер фон Бетманн-Хольвег выступил против этого шага, заявив, что он плохо сыграет на международном уровне как нарушение традиционных правил ведения войны. Обычно необходимо было сделать предупреждение, чтобы пассажиры и экипаж успели эвакуироваться. Фон Тирпиц утверждал, что британцы уже изменили правила, считая продукты питания военной контрабандой, и тем самым фактически объявили войну гражданскому населению Германии. Кайзер встал на сторону своего канцлера, к ярости адмирала — адмирал писал о «более чем сотне торпедных катеров, ржавеющих на якорях, в то время как Германия борется за свое существование». Императрица и наследный принц поддержали фон Тирпиц и призвал Вильгельма прислушаться к разуму. Первоначально он настаивал на том, что неограниченная подводная война в водах вокруг Британских островов приведет к гибели многих невинных гражданских лиц и, следовательно, может привести к тому, что Соединенные Штаты вступят в войну на стороне Великобритании.

«Как главнокомандующий, — писал он позже, — я должен был предотвратить это». Однако, когда сторонники отмены ограничений на деятельность подводных лодок смогли предоставить кайзеру доказательства того, что американские компании поставляли британцам боеприпасы, которые доставлялись в Соединенное Королевство на пассажирских и грузовых судах, Вильгельм в конце концов сдался. а 4 февраля 1915 года один из подчиненных фон Тирпица, адмирал Хьюго фон Поль, объявил в немецкой прессе, что теперь в британских водах будут проводиться неограниченные атаки подводных лодок. Во время визита к своему дантисту, американцу, практикующему в Берлине, по имени доктор Артур Дэвис, кайзер разразился антиамериканской тирадой: «Почему ваша страна так несправедлива по отношению к Германии? Почему вы продолжаете поставлять оружие и деньги союзникам? Почему ваш президент не относится к воюющим европейским странам так же, как он относился к Мексике, наложив эмбарго на поставки оружия и не позволив нам бороться с этим самим? Вы не поставляете нам боеприпасы. Почему вы отправляете их на другую сторону? Полагая, что он отвечает на свой собственный вопрос, Вильгельм сказал: «Доллары! Доллары! Доллары!», каждый раз ударяя правой рукой по левой руке.

—

7 мая политика подводных лодок понесла свою самую известную и самую разрушительную жертву. «Лузитания» водоизмещением 32 000 тонн когда-то была гордостью

Британский торговый флот. Построенный в 1907 году в ответ на недавнюю волну четырехтрубных суперкораблей, названных в честь членов семьи Вильгельма II, «Лузитания» была почти в два раза больше своего крупнейшего немецкого конкурента, и она вернула себе желанную Голубую ленту, присужденную награду. к самому быстрому коммерческому пересечению Северной Атлантики. За годы, прошедшие со времени ее первого рейса, ее затмила по скорости родственная ей «Мавритания», а по размеру — сначала «Мавритания», затем «Олимпик» конкурирующей компании «Уайт Стар Лайн», затем «Титаник», затем немецкий «Император» и «Титаник». наконец, старшей сестрой Императора, патристически названным Фатерландом, который поступил на вооружение всего за несколько недель до начала войны. Тем не менее, он по-прежнему оставался великолепным кораблем, и его двухэтажный обеденный салон первого класса с куполом в стиле рококо считался одним из лучших помещений на плаву. К весне 1915 года он также был единственным крупным роскошным лайнером, все еще выполнявшим регулярные трансатлантические рейсы. Две ее сестры, «Мавритания» и «Аквитания», были призваны для участия в британских военных операциях в качестве военных транспортов и госпитальных кораблей, равно как и «Олимпик» конкурирующей компании «Уайт Стар» и недавно заверченный Britannic.

Споры о роли британского правительства в том, что случилось с Лузитанией, продолжают и по сей день. В течение многих лет были заявления о том, что они намеренно позволили «Лузитании» уплыть навстречу опасности, потому что знали, что такая громкая потеря решительно настроит американское общественное мнение против Германии. Кое-кто в правительстве, в том числе Уинстон Черчилль, с уверенностью ждали того дня, когда подводные лодки нападут на такой корабль, как «Лузитания», но это было потому, что они понимали природу тотальной войны на море, а не из-за какой-то преднамеренной посадки лайнера в поле зрения подводной лодки. Гораздо более разрушительными были утверждения о том, что трюм «Лузитании» был заполнен взрывчаткой, предназначенной для британских военных действий. Посольство Германии разместило в американских газетах объявления, предупреждающие граждан США не путешествовать на британских кораблях из-за новой политики в отношении подводных лодок, но очень немногие прислушались. Подводная лодка U-20, которой командовал капитан-лейтенант Вальтер Швайгер, заметила «Лузитанию» недалеко от юго-восточного побережья Ирландии, направлявшуюся домой из Нью-Йорка, и выпустила торпеду по ее правому борту. В своем дневнике он записал: «Произошел необычайно сильный взрыв... Взрыв торпеды должен был сопровождаться вторым (котловым или углем или порохом?). Надстройка рядом с местом удара и мост разрываются в клочья, вырывается огонь и охватывает высокий мост».

Пилот лодки, молодой человек по имени Ланц, обожающий британские роскошные лайнеры, взглянул в перископ и ахнул: «Боже мой, это же Лузитания!»⁹

Именно этот «необычайно сильный взрыв» вызвал самые жаростные дебаты в последующие месяцы и годы. Британцы утверждали, и многие из них, казалось, вполне серьезно верили, что немцы подняли злобу на новый уровень, выпустив две торпеды в борт корабля.

Немцы настаивали на том, что это, должно быть, был незаконный запас

контрабандных боеприпасов Лузитании, который взорвался при столкновении с торпедой U-20.

Более поздние немецкие изображения затопления показали, что кассы Cunard Line укомплектованы фигурой Смерти, когда корабль отправился в плавание с видом хорошо укомплектованного дредноута. Дебаты по поводу второго взрыва были особенно значительными, поскольку в то время считалось, что именно он стал причиной того, что «Лузитания» затонула менее чем за двадцать минут. ~~из-за~~ бортовых пожаров вода обрушивалась на ее палубы настолько горячей, что обваривала людей, пытавшихся спастись, половина спасательных шлюпок не могла быть спущена из-за угла наклона корабля, некоторые вываливались из шлюпбалок, раздавливая перегруженные лодки, опущенных под ними, были ужасные сцены пассажиров первого класса, направлявшихся на обед или обратно, когда торпеда попала в ловушку и крича, когда они тонули в позолоченном лифте корабля, тела детей, выброшенные на берег в деревнях на близлежащем Ирландском побережье. Когда она затонула, на борту «Лузитании» было чуть менее 2000 человек; около 1200 из них погибли, в том числе 128 американцев.

Сейчас трудно в полной мере оценить ущерб, который гибель «Лузитании» нанесла репутации имперской Германии в Соединенных Штатах.

Американская доброжелательность к Германии уже пострадала, когда армия последней сожгла бельгийский город Лувен, облила бензином 200 000 книг университетской библиотеки пятнадцатого века, а затем подожгла эти бесценные хранилища многовековой учености. Позже они направили свои ружья на Реймский собор во Франции, средневековое чудо, в котором когда-то проходили коронации большинства дореволюционных королей Франции.

Один немецкий профессор позже заметил: «Сегодня мы можем сказать, что три имени Лувен, Реймс, Лузитания почти в равной степени уничтожили в Америке симпатию к Германии».

Вильгельм, направлявшийся для инспекции своих войск на Восточном фронте в Галисии, сначала отказался встретиться с послом США в Берлине, потому что он все еще был очень зол на заявления о том, что поставленное американцами оружие было частью груза корабля. Его разговоры того времени раскрывают глубину его антиамериканских настроений, и только в октябре, через пять месяцев после затопления, он наконец предоставил американскому послу аудиенцию. Кайзер ненадолго вернулся в Берлин, чтобы отпраздновать день рождения императрицы, и посол Джеймс Джерард, нью-йоркский юрист, который, по слухам, симпатизировал британцам, был приглашен ненадолго присоединиться к кайзеру в Новом дворце, резиденции в стиле барокко недалеко от Потсдама, построенной Фридриха Великого в честь победы Пруссии в Семилетней войне. Это был один из любимых домов Вильгельма, и посол нашел его там, изучая свои карты. Вильгельм еще не полностью смягчился в своей антипатии к родине Жерара, но когда наконец заговорили о Лузитании, Вильгельм выглядел расстроенным и сказал: «Ни один джентльмен не стал бы убивать столько женщин и детей».

Масштабы международного возмущения по поводу того, что случилось с Лузитанией, кажется, искренне удивили немецкое правительство. Президент Вудро Вильсон сказал Берлину, что, если произойдет еще один подобный инцидент, у Соединенных Штатов не будет иного выбора, кроме как объявить войну. Заседание Королевского совета состоялось 31 мая, через три недели после нападения, на котором в свете недавних событий канцлер выступил за приостановку неограниченной войны подводных лодок. Днем позже Вильгельм издал приказ, в котором говорилось, что в случае сомнений капитаны подводных лодок должны рискнуть пропустить вражеские корабли, а не топить судно под нейтральным флагом. Фон Тирпиц был так возмущен этим решением, что подал в отставку. 'Нет!' ответил Вильгельм. «Джентльмены должны подчиниться и остаться». Когда в августе фон Бетманн-Хольвег добился дальнейших ограничений на деятельность подводных лодок, фон Тирпиц снова пригрозил уйти в отставку, а Вильгельм снова отказал ему. Наследный принц обвинил фон Бетмана Хольвега, что было молчаливым упреком его отца, потому что поддержка ограничений канцлером, несомненно, соответствовала собственным взглядам кайзера. Он был вынужден принять решение разрешить неограниченную войну в первую очередь, и это никогда не было чем-то, что легко устраивало его совесть. В отличие от фон Тирпица или наследного принца, кайзер считал, что «торпедировать огромные пассажирские суда, полные женщин и детей, было

беспримерная варварская жестокость, с которой мы навлечем на себя ненависть и ядовитую ярость всего мира».

В середине 1915 года Вильгельм II ненадолго подтвердил, что поддерживает умеренных в кабинете министров и отменяет крайне разрушительную военную политику. Однако по мере того, как условия дома ухудшались, немецкое население все больше и больше смотрело на армейских руководителей, таких как генерал фон Гинденбург, как на людей, которые понимали, что для оказания им помощи необходимы суровые меры. Некоторые биографы Вильгельма отметили, что его взгляды на неограниченную подводную войну были проницательны, как и его убеждение в том, что необходимо сделать все возможное, чтобы удержать Америку от войны, но в 1915–1916 годах кайзер выглядел все более оторванным от общественного настроения. и поскольку его борьба с депрессией, его перепады настроения, его нездоровые привычки в еде и его бессонница продолжались, он не был достаточно сильным, уверенным или устойчивым, чтобы твердо держаться против воли своей семьи, своих генералов или общественного мнения.

Смерть Франца-Иосифа и воцарение Карла

«Да благословит Бог Ваше Величество

Придворные сообщали, что единственная правящая императрица семьи Габсбургов, императрица восемнадцатого века Мария Тереза, так серьезно относилась к делу правления, что даже во время схваток любила читать правительственные газеты. Только во время родов она откладывала их в сторону¹. Тот же дух жил в ее потомке Франце-Иосифе. Приближаясь к смерти осенью 1916 года, император придерживался своего распорядка дня, помилая осужденных преступников, получая добрые пожелания от Папы и перерабатывая документы, касающиеся призыва в армию. Бронхит, который так ослабил его в 1914 году, вернулся, на этот раз дополненный приступом пневмонии. Румыния недавно вступила в войну на стороне врагов Австро-Венгрии, несмотря на ее, казалось бы, искреннее сочувствие смерти Франца Фердинанда в 1914 году и восшествию на престол короля Гогенцоллернов Фердинанда I; Известие о приближении немецкой и австро-венгерской армий к Бухаресту временно подняло настроение императору.

Эрцгерцог Карл вернулся с фронта на несколько дней, и утром 20 ноября он и Зита заехали к Францу-Иосифу. Когда Франц-Иосиф услышал, что Зита сопровождает Карла, он послал слугу попросить их подождать несколько минут снаружи, потому что, привередливый до последнего, он и не подумал бы принять даму в небрежном наряде. Зная, насколько он слаб, эрцгерцогиня попросила его пока отказаться от протокола, и он неохотно согласился. Пару провели внутрь, и они обнаружили его с температурой 102 градуса, который все еще упрямо изучал предложения о приеме на работу. Зита вспоминала, что «император все еще производил нормальное впечатление и вполне нормально разговаривал, несмотря на лихорадку и слабость. Он рассказал нам, как он был счастлив получить благословение Папы, а также какую радость принесли ему наши победы в Румынии».

Той ночью Карла и Зиту привели члены императорского двора и сказали им, что Его Императорское Величество проигрывает.

сознание. К тому времени, когда они ворвались в его апартаменты, по словам Зиты, «он уже был в последнем глубоком сне, от которого так и не проснулся». Шестьдесят восемь лет правления Франца-Иосифа, самое продолжительное правление суверена в европейской истории со времен Людовика XIV, закончилось за несколько минут до девяти часов вечера 22 ноября 1916 года во дворце Шёнбрунн. Когда врачи подтвердили, что император мертв, Карл и Зита вышли в маленькую прихожую рядом с его спальней в сопровождении нескольких членов его и их прислуги. Несколько минут все стояли молча. Затем многолетний камергер Карла, князь Лобковиц, чешский аристократ, потомок одного из великих покровителей Бетховена, подошел к паре со слезами на глазах и перекрестился. При этом он сказал: «Да благословит Бог Ваше Величество». Двадцатичетырехлетняя Зита, ныне императрица Австрии и королева Венгрии, позже писала: «Мы впервые услышали, что к нам применили императорский титул».

Во всей империи смерть, казалось бы, бессмертного Императора, который сидел на троне дольше, чем было живо большинство его подданных, вызвала шок, несмотря на его преклонный возраст; сторонники и критики монархии думали, что его смерть в разгар войны дестабилизирует трон. В результате преемственность Карла была встречена без обычных празднований, которые отмечают восхождение на престол молодого и восторженного монарха с еще более молодой и хорошенькой женой. Первое, что большинство австрийцев увидело в образе императора и императрицы, произошло на похоронах Франца-Иосифа морозным и пасмурным днем, через восемь дней после его смерти. Император был в генеральском мундире в сопровождении своего сына, наследного принца Оттона, ангелоподобного четырехлетнего мальчика в белом матросском костюме, и императрицы, с головы до ног окутанной глубочайшим трауром и покрывалом, таким темным, что толпа едва могла видеть ее лицо.

Тело было доставлено в императорский склеп в монастыре капуцинов, где процессия была преграждена монахами. Придворный церемониймейстер подошел к двери и трижды постучал в нее своим канцелярским посохом. С другой стороны закрытой двери настоятель монастыря спросил, кто хочет войти в храм. Церемониймейстер ответил, что человеком, ищущим погребения в церкви, был Его Императорское и Королевское Апостольское Величество Франц Иосиф I, милостью Божией император Австрии; Апостольский король Венгрии, король Богемии, Далмации, Хорватии, Славонии, Галиции, Лодомерии, Иллирии; Король Иерусалима и т. д.; эрцгерцог Австрии; Великий герцог Тосканы, Краков; герцог

Лотарингия, Зальцбург, Штирия, Каринтия, Карниола, Буковина; Великий принц Трансильвании; маркграф Моравии; Герцог Верхней и Нижней Силезии, Модены, Пармы, Пьяченцы, Гуасталлы, Освенцина, Затора, Цешина, Фриули, Рагузы, Зары; Княжеский граф Габсбург, Тироль, Кибург, Гориция, Градиска; Принц Трентский, Бриксен; маркграф Верхней и Нижней Лужицы в Истрии; граф Хоэнемс, Фельдкирх, Брегенц, Зонненберг и так далее; Владыка Триеста, Котора, Вендской марки; Великий воевода Сербского воеводства и так далее, и так далее. Все эти титулы напоминали о семи веках строительства империи и троне, восходящем к крестовым походам, Лепанто и осаде Вены.

Настоятель ответил: «Мы его не знаем». Пока скорбящие ждали в холодном воздухе, вопрос повторился, и на этот раз церемониймейстер ответил, что это был Император. Снова пришел ответ: «Мы его не знаем». Наконец, с третьей попытки, церемониймейстер ответил: «Франц-Иосиф, смертный и грешный человек». Это был грандиозный спектакль религиозного и политического театра, главный продукт императорских похорон на протяжении веков, призванный продемонстрировать преданность Габсбургов учению католической веры о том, что все смиренны перед престолом Всемоущего Бога, напоминание о старом католическом изречении: «Memento, homo, quia pulvis es, et in pulverem revertéris» — «Помни, человек, что ты прах и в прах возвратишься». Настоятель сказал: «Тогда впустите его», и двери, наконец, распахнулись. Братия монастыря вышла на площадь с зажженными свечами в руках, чтобы обойти гроб, когда его вносили внутрь, чтобы Франц-Иосиф мог спуститься в склеп, чтобы отдохнуть между саркофагами его жены и сына.

Уже ходили слухи, что новое правление станет чем-то вроде разрыва с традициями, закостеневшими при Франце-Иосифе. Тот факт, что Зита шла за гробом старого императора, расстроил некоторых придворных, которые указали на то, что традиция запрещает императрице появляться на похоронах в процессии после других членов императорской семьи мужского пола на похоронах. Карл отклонил их, царственно заявив: «Это я решаю церемонию». Его решимость командовать этикетом, а не позволять ему командовать собой, резко отличалась от позиции, занятой его предшественником, и были те, кто справедливо полагал, что что он может оказаться столь же революционным в политическом смысле.

Карлу было девятнадцать лет, когда его отец, красивый и неразборчивый в связях младший брат Франца Фердинанда, скончался от сифилиса в возрасте сорока одного года. Нескончаемый прилив спекулятивной чепухи обвинил так много королевских и политических деятелей в том, что они страдают сифилисом, что было бы легко отвести все эти истории как непристойный идиотизм, основанный на законах вероятности, однако время от времени, как в случае с отцом Карла I, слух был правдивым и неопровержимым, особенно в эпоху, когда не было возможности скрыть опустошительное прогрессирование болезни. Первоначально истории о «великолепном эрцгерцоге» и его многочисленных любовниках казались скорее забавными, чем ужасающими, как, например, история, в которой он был пойман однажды вечером, готовясь войти в спальню молодой леди, одетый только в свою украшенную шпагой и широко улыбающуюся. В конце концов, однако, его хождение по постели стало настолько навязчивым, что даже его дядя император, который очень любил его и защищал «красавца Отто» на каждом шагу, стал отдаляться. Его жена, Мария Хосефа Саксонская, пыталась оградить своих детей от ужасного примера отца, и ей это в значительной степени удалось. Отто заразился этой болезнью примерно в 1900 году, и к этому моменту он и Мария Хосефа, по сути, вели отдельные жизни. Он умер в 1906 году, и последние несколько лет болезни были мучительными и обезображивающими, вынудив его почти полностью уйти из общественной жизни.

Отцовскую пустоту, оставленную болезнью Отто, а затем его смертью, заполнил Франц Фердинанд, который проявлял покровительственный интерес к своим двум молодым племянникам, особенно после того, как условия, наложенные на его собственный брак с Софи Хотек, означали, что Карл теперь был вторым в очереди после трона. Близость Карла к своему дяде заставила многих в венгерском парламенте опасаться, что он может разделять некоторые из предубеждений Франца Фердинанда, наиболее тревожным, с их точки зрения, был план замены двойной монархии федеративной системой, при которой мадьяры будут вынуждены разделить уважение не только с австрийцами, но и со славянами и хорватами. Они были правы в том, что беспокоились, как и немцы: новый император был в значительной степени неизвестной величиной, и, несмотря на его службу на передовой, не было никакой гарантии, что он будет так же предан войне ради чести, как и его великий император. дядя был. Вдобавок ко всему, у него была тесная довоенная дружба с шуринами, двое из которых сейчас служили в союзных армиях.

Недоверие немцев к своему союзнику усилилось после публикации 22 ноября манифеста Карла о вступлении на престол. Он начался с восхваления Франца-Иосифа.

«мудрости, проницательности и отеческой заботы» о народах империи и обещая продолжить его наследие, затем он перешел к столь же условным темам: доверие Карла к армии, его уважение к институту монархии, вера в христианство, обещают поддерживать закон, порядок и отправление правосудия. Гораздо более нетрадиционным был абзац, в котором Карл поклялся «сделать все, чтобы в кратчайшие сроки изгнать ужасы и жертвы войны и вернуть моим народам столь недостающие блага мира»⁷. так важно, как это было преднамеренно. В нем не упоминалось слово «победа», он не клялся доводить войну до последней крайности, вместо этого Император обещал «сделать все», чтобы закончить войну «в кратчайший срок».

В течение двадцати четырех часов после вступления на престол Карл сформулировал антитезис оправдания неограниченной деятельности подводных лодок; он не хотел победы любой ценой. Чего он хотел, так это «вернуть моим народам так упущенные благословения мира». Поступая таким образом, он вызвал опасную неприязнь со стороны таких людей, как Пауль фон Гинденбург и его правая рука, генерал Эрих Людендорф, тактический гений из среднего класса с безупречной трудовой этикой и явно неприятными расовыми взглядами, даже по нетребовательным стандартам возраст с уверенностью в социальный дарвинизм. Злобный националист из тех, что фигурировали в политических кошмарах покойного Франца-Иосифа, он не уважал старую классовую систему, если чувствовал, что она используется для укрепления призрачных идей международного сотрудничества. Он твердо верил в идею *Lebensraum*, веру в то, что Германия имеет право расширить свою территорию на восток и изгнать уже живущие там общины, чтобы создать жизненное пространство для своего быстро растущего населения. Он также был ключевым сторонником теории тотальной войны и спустя годы после поражения Германии написал книгу на эту тему, а также стал одним из первых сторо

Людендорф считал нового австрийского императора скорее мишенью, чем союзником. С его благословения в Австро-Венгерскую империю просачивался непрерывный поток пропаганды, подрывающей престиж императорской семьи. В 1915 году Италия отказалась от своего мирного союза с Германией и Австро-Венгрией и объявила им войну в надежде расширить свою территорию в случае поражения империи Габсбургов. Это событие значительно облегчило критику новой императрицы: Зита Бурбон-Пармская родилась в Италии 9 мая 1892 года и была четырнадцатым выжившим ребенком Роберто I, герцога Пармского. Она была потомком короля Карла X, последнего

Бурбоны, король Франции, который был изгнан в изгнание во время революции 1830 года. Она и ее сестра Франческа получили образование в католической школе-интернате для девочек на острове Уайт, а двое ее братьев, Сикст и Ксаверий, присоединились к бельгийской армии. Австро-Венгрия вела войну, среди прочего, с Италией, Францией, Британской империей и Бельгией, но у нее была императрица, родившаяся в Италии во французской семье, получившая образование в Англии и имеющая родственников в бельгийской армии. Как и многие европейские принцессы, Зита получила интернациональное воспитание — свободно говорила на немецком, французском, итальянском, испанском, португальском (родном языке ее матери) и английском языках. Но в лихорадочной обстановке Первой мировой войны все это было скорее помехой, чем силой.

Брак Карла и Зиты был браком по любви. Они знали друг друга, когда были молоды, и вновь познакомились во взрослой жизни. Все, кто встречал ее, отмечали, что она очаровательна, и Карл был настолько поражен, что, когда до него дошел слух о том, что герцог Мадридский сделал предложение, он покинул свой полк, чтобы поспешно навестить тетку Зиты, чтобы спросить, правда ли это. Она ответила, что, насколько ей известно, Зита до сих пор не замужем, на что Карл ответил: «Ну, в таком случае мне лучше поторопиться, иначе она обручится с кем-то другим». Броски, и набожная Зита была опустошена, обнаружив, что он не был девственником в их брачную ночь. Она довольно несправедливо обвинила его дядю Франца Фердинанда в том, что тот не удерживал его от аморальных женщин, поскольку столь же религиозный эрцгерцог сделал все, что было в его силах, чтобы предупредить Карла об опасностях случайного секса.

Несмотря на неловкие признания в брачную ночь, пара разделяла приверженность католической вере, которая сблизила их как мужа и жену. Она была очень умна и, возможно, более цинична, чем ее муж, когда дело доходило до политики и особенно политиков, поскольку она выросла в семье, которая так и не выпустила на свободу призраков 1789 или 1830 годов. Именно это эмигрантское наследие иногда заставляло Зиту ошибиться в политических суждениях, что объясняло ее пристрастие к слегка абсурдным теориям заговора. Она испытывала такое отвращение к Французской республике, что, по-видимому, считала, что ее агенты каким-то образом были причастны к убийству наследного принца Рудольфа еще в 1889 году, и цеплялась за эту веру, несмотря на массу улик, доказывающих, что молодой человек покончил жизнь самоубийством, а отсутствие какой-либо реальной мотивации у французов, желающих его убить. Она также была заметно менее восторженной по поводу

федерализации, чем ее муж, который, кажется, был вполне готов пойти гораздо дальше, чем когда-либо предполагал Франц Фердинанд, позволив, в случае крайней необходимости, некоторым из небольших регионов Габсбургской империи стать полуавтономными республиками, если они согласятся на это. перегруппироваться в систему, очень похожую на содружество, которое было создано, чтобы облегчить распад Британской империи после 1949 года. что следует бороться с наследием Французской революции до тех пор, пока ад не замерзнет, и как только это произошло, перейти к битве на льду, похоже, не испытывал большого энтузиазма по поводу какого-либо ослабления монархической власти.

В тот самый день, когда был опубликован его манифест, мечты Карла о далеко идущих реформах потерпели серьезную неудачу. В одиннадцать часов утра его посетил премьер-министр Венгрии граф Иштван Тиса, англофил-аристократ, который учился в Берлине, а затем получил докторскую степень по политическим наукам в Оксфорде. Тиса обладала редчайшим сочетанием: высокий интеллект сочетался с здравым смыслом в политике. Он был монархистом, но также и венгерским патриотом, который прибыл в Вену с намерением помешать своему новому королю сделать что-либо, что могло бы ослабить или необратимо изменить двойную монархию, установленную в 1867 году. Аудитория якобы должна была говорить о коронации Карла и Зиты как короля и королевы. в Венгрии - венгерская монархия и ее конституция все еще действовали с почти средневековым уважением к ритуалу коронации, и без церемонии возложения короны Святого Стефана на его голову немногие венгры считали бы кого-либо своим законным правителем, даже если он унаследовал титул бесспорно, как и Карл. То, что они делали в Австрии, было их делом, но в Венгрии они играли по своим древним и уникальным национальн

Граф Тиса умело использовал обсуждение церемонии в Будапеште, чтобы перехитрить Карла. Подчеркнув слабость власти Карла в Венгрии без коронации, Тиса смог предложить коронацию в первую доступную дату, 30 декабря, слишком рано, чтобы Карл мог предпринять какие-либо существенные конституционные изменения, и, конечно, на коронации он будет требовалось принести присягу, которая обязывала бы короля «не отчуждать границы Венгрии и ассоциированных с ней стран, а также ничего, принадлежащего этим странам под каким-либо титулом»⁹. Положение Венгрии в империи было нелегко изменить после того, как Карл был

коронован и приведен к присяге, что было одной из причин, по которой Франц Фердинанд поклялся отложить коронацию в Будапеште как можно дольше, чтобы он мог найти способ реализовать свои изменения до того, как он будет связан присягой. В условиях бушующей войны и того, что венгры составляли такую большую часть армий, а поля служили империей зерновой корзиной, Карлу пришлось уступить предложению Тисы о коронации 30 декабря. Все его советники, даже те, кто решительно поддерживал его планы реформ, соглашались с ним в том, что он должен отправиться в Будапешт при первой же возможности и поклясться в том, что от него требуют.

Эта коронация, последняя в старой империи Габсбургов, была отмечена зрелищем и надеждой. Один молодой аристократ писал о великолепном шествии от Замкового холма в Буде до церкви Матиаса: «Как темный змей, кареты пронеслись вверх по холму. В течение пятидесяти лет венгерские дворяне жаждали, чтобы их государь дал им и столицу, блеск королевской власти, придворную жизнь с ее торжествами, титулами и наградами... Теперь появилась надежда, что все это изменится... что мир — любящие молодые король и королева будут иметь мужество противостоять немецкому кайзеру и остановить бесполезное кровопролитие».

Шурин Зиты, царь Болгарии Фердинанд, был одним из немногих членов королевской семьи, которые могли присутствовать на празднествах, и позже он заметил, что они были одними из самых великолепных и красивых, которые он когда-либо видел. Коронация длилась три часа, в течение которых Карл взял меч Святого Стефана и взмахнул им в воздухе как символ роли короля в защите Венгрии от врагов со всех сторон. Он был помазан и коронован кардиналом-архиепископом Будапешта, который провозгласил его королем Венгрии Кэролом IV. Зита, одетая в платье из белой парчи с вышитыми золотом розами (ей пришлось избегать геральдических лилий своей французской семьи из-за войны), шагнула вперед, чтобы Корона Святого Стефана ненадолго коснулась ее правого плеча, прежде чем более Корона современного супруга из бриллиантов и рубинов была возложена на ее голову, затем кардинал-архиепископ Черных сопровождал ее, чтобы она села рядом с мужем. Последовал банкет, после которого Карл, Зита и их старший сын вернулись поездом в Вену. Учитывая войну, они решили, что устраивать привычные балы и танцы будет безвкусно. Аристократия не разделяла их угрызений совести, и будапештское общество танцевало всю ночь напролет, празднуя то, что они считали великим утверждением венгерской государственности.

Вернувшись в Вену, Зита начала ощущать на себе давление кампании перешептывания против нее. Молодость и неопытность Карла придавали ему вид политического дилетанта, а ее самообладание и самоуверенность казались скорее признаком непревзойденного интригана, чем уравновешенной королевы-императрицы. Чувства против «итальянского интригана» усилились, когда стало известно, что она часто присутствует на аудиенциях своего мужа с его министрами и на его военных брифингах. Казалось, она не делала ничего более безобидного, чем продолжала шить, но даже в этом случае политические аудиенции традиционно не предназначались для королевских супругов. Чтобы держать ее в курсе хода войны, Карл распорядился, чтобы она могла получать свой ежедневный отчет от военных атташе о событиях на фронте. Это, в свою очередь, привело к слухам о том, что именно Зита, а не Карл, руководила военными действиями. Посол Германии в Вене во время войны граф Отто Ведель регулярно отправлял отчеты о деятельности императрицы в Берлин, но, похоже, он не испытывал к ней антипатии многих своих соотечественников; он смотрел на нее с клинической отстраненностью. Он сказал Людendorфу, что «немецкий стиль чужд [ей] и труден для понимания... Несмотря на ее личное обаяние и дружелюбие, популярность императрицы идет на убыль. Люди не вполне доверяют итальянке и ее родственникам»¹¹.

Фактическое влияние Зиты трудно оценить, потому что она была и тонкой, и изящной, обычно скрывая свое мнение более ловко, чем ее немецкие или русские коллеги, за исключением редких моментов вспыльчивости. До дела Сикста есть только один зарегистрированный случай, когда императрица пыталась напрямую повлиять на своего мужа в вопросе управления войной, и это было обращение с захваченными вражескими пленными. Когда она закончила говорить, Карл сказал ей: «Ты должна оставить эти вещи мне, моя дорогая. Правда в том, что я солдат, а ты нет».¹² Однако, если Зите не было позволено влиять на то, как велась война, она вскоре стала играть огромную роль в решении того, как она должна закончиться. Почти с самого начала царствования мужа императрица культивировала мысль о том, что для ее достижения позволительно покинуть Германию. Ее возражения против конфликта были гуманитарными, основанными на том, что она видела во время посещения госпиталей и слышала от тех, кто служил на фронте; политическая, потому что ее беспокоило то, как будет осуществляться господство Германии в случае их победы и какова будет судьба монархической системы в Австрии в случае их поражения; и моральный, потому что она считала, что столько жизней было потрачено впустую. То, что она сделала в 1917 году, было не чем иным, как

измена в глазах многих ее современников. Она считала своим долгом повлиять на своего мужа, чтобы спасти монархию Габсбургов, оставив Германию в одиночку сражаться с войной.

OceanofPDF.com

Убийство Григория Распутина

«Я не могу и не поверю, что его убили»

Летом 1916 года Великой княгине Анастасии исполнилось пятнадцать лет, и хотя она и самая близкая к ней по возрасту сестра, семнадцатилетняя Мария, все еще считались слишком молодыми, чтобы работать в Царскосельской больнице со своими старшими сестрами, царицей. призвал их посетить солдат. Такой расклад идеально подходил кипучей от природы Анастасии. Она была самой общительной из детей Николая II, обладала талантом к мимике, неумным чувством юмора и обаянием других людей. Ее приподнятое настроение и настойчивость добиваться своего побудили ее кузину Нину ненавидеть любые игры, проведенные в ее компании, но юность принесла новую зрелость, и Анастасия была в своей стихии в больнице, смешила солдат, играла с ними в карты и даже пробиралась на улицу с некоторыми медсестрами, с которыми она подружилась, чтобы выкурить незаконную сигарету.

Ирландская няня великих княжон считала, что Мария, третья царская дочь, «родилась добродетельной, я часто думаю, с малейшими следами первородного греха». за обеденным столом, царь рассмеялся и сказал, что с облегчением увидел в ней легкое озорство, иначе у нее скоро выросли бы крылья. В отличие от своих сестер, особенно Татьяны и Анастасии, которые гораздо больше походили на английских и немецких родственников своей матери, Мария была сестрой, которая, как считалось, имела наиболее типично русскую внешность. Ее лучшими чертами были глаза, настолько большие, что их часто называли «блюдцами Марии». К 1916 году Мария очень хорошо осознавала свое недавнее увеличение веса, которое ее мать с отчаянием заметила, а сестры с радостью, возможно, не вполне осознавая, насколько их поддразнивания могут иногда ее раздражать. Она также боролась с естественным чувством изоляции среднего ребенка, поскольку, хотя их матери нравилось группировать девочек в «большую пару» (Ольга и Татьяна) и «маленькую пару» (Мария и Анастасия), на самом деле Анастасия часто казалась ближе к их младшему брату Алексею. Иногда расстраиваясь из-за того, что она видела близость своих братьев и сестер друг к другу, а не к ней, и без естественного союзника в большой семье, Мария

развивался как самый чувствительный из детей Романовых и самый склонный к слезам.

Если бы война и сдержанность ее матери не помешали, Мария должна была бы дебютировать в обществе в 1915 году. Вместо этого она впервые появилась на обеде, устроенном в честь вступления Румынии в войну на стороне союзников, на котором баронесса Буксгевден думала, что она выглядела «очень хорошенькой в своем бледно-голубом платье», что было сделано в последнюю минуту, потому что накануне вечером Татьяна, к своему ужасу, поняла, что Мария не влезает ни в одно из ее старых бальных платьев, которые она планировала надеть. занимать.

² Торжественный вход Великой Княгини был несколько испорчен чрезмерно усердной прислугой, натиравшей воском паркет. Она поскользнулась, опрокинулась и села на землю, истерически смеясь над собственным смущением. Ее способность посмеяться над собой сгладила любую неловкость, вызванную падением, хотя Татьяна чувствовала, что слишком долго смеялась и должна была встать на ноги раньше. Поскольку императрица из-за войны хмурилась от общения даже больше, чем обычно, Мария проводила большую часть своих дней в больнице с Анастасией, где ее доброта и доброта завоевали ей много друзей среди выздоравливающих.

Алексей отсутствовал большую часть 1916 года. В сопровождении французского наставника, уроженца Швейцарии Пьера Жильяра, он покинул Царское Село на императорском поезде, чтобы присоединиться к своему отцу в Ставке. Императрица поддержала этот шаг как необходимую подготовку для его будущего призвания императора, но разлука подорвала ее нервы. Ее сохранившиеся письма к Николасу полны советов, как помешать легковозбудимому мальчику бежать в поезде, подвергать себя неоправданному риску или слишком шумно играть. Алексей с радостью написал в ответ, что нашел в штабе бездомную кошку, назвал ее Зубровкой и планирует привезти ее в Царское Село в следующий раз, когда вернется. Алексей спал на раскладушке рядом с отцовской, а ночью, после того, как они вместе помолились, император читал вслух письма Александры и девочек. Цесаревич превратился в очень красивого молодого человека, что противоречило его слабому здоровью; у него было идеальное сочетание красивой внешности его родителей, и фотографии того времени показывают скачок роста до развивающегося телосложения, которое было худощавым, но спортивным, как у большинства мужчин Романовых. Его растущая сила беспокоила его мать, которая предупреждала Николая, что «он такой сильный и забывает, что должен быть осторожен».

бунт против постоянного надзора царицы испарился с наступлением подросткового возраста. Он стал копировать изысканные манеры отца, и английский военный атташе при Ставке генерал-майор сэр Джон Хэнбери Уильямс писал, что цесаревич «обладал прекрасными манерами и хорошо и ясно говорил на разных языках»⁴. —

Одним из самых больших заблуждений о Николае II было то, что над ним всегда доминировала его жена. Динамика, возникающая на одном этапе отношений, не обязательно показывает, что так было всегда. Особенно это касается Николая и Александры. Кажущаяся мягкость царя, его вежливость и то, на что он готов был пойти, чтобы избежать неловких сцен или не поставить кого-либо в неловкое положение, делали его слабым пластилином в руках его напористой англо-германской жены, которая была прямолинейна до бесстыдства. при нападении. Скандал Александры и Распутина и роль, которую они оба сыграли в распаде русской монархии, породили версию ее брака, в которой она всегда была главной, а Николай преклонялся перед ее желанием.

Фактически, до Первой мировой войны Александра почти не имела политического влияния. Николай не позволял ей ничего и намеренно держал ее в неведении о политике, которую, как он чувствовал, она либо не поймет, либо будет расстроена. Много раз до 1915 года ее фрейлины были удивлены, «обнаружив, что она остается в абсолютном неведении относительно того, что происходит». все, что Александра хотела с точки зрения их графика и распорядка дня, чтобы не причинять ей еще большего дискомфорта - отсюда его собственный уход с светской сцены Санкт-Петербурга, несмотря на то, что в молодости он получал от этого огромное удовольствие, его решение не приглашать родственников в Царское Село, которого он знал, раздражало Александру, опять же, несмотря на его собственный общительный характер и ранее близкое отношение к другим Романовым, и его постоянную организацию все более и более длительных поездок на семейной яхте или в Крым, где она, казалось, была в лучшем настроении. .

Домашняя работа мужа о своей жене не приводила, по крайней мере до 1915 года, к политической зависимости императора от своей супруги. Он игнорировал оппозицию Александры Октябрьскому манифесту в 1905 году, с ней не советовались ни в одном из политических маневров, имевших место в 1906 или 1907 годах, он продолжал продвигать и поддерживать Петра Столыпина.

несмотря на ее неприязнь к нему, и нигде его независимость от жены не была так очевидна, как в том, как он справился с проблемой Григория Распутина.

Благодаря отчетам, лежавшим на его столе Охранкой, секретной службой империи, Николай знал о пьянстве и сексуальных махинациях Распутина. После его ужасного убийства либидо Распутина, по слухам, трансформировалось в одну из пропорций Зевса, но правда заключалась в том, что он был по существу простым человеком со слабостью к дешевому вину Мадейры и легким женщинам. Благосклонность императрицы к простому мужику из Сибири вскружила Распутину голову и заставила его вести себя неблагоразумно, особенно в пьяном виде. Николай оградил Александру от худших слухов, во-первых, потому что он знал, как много значит для нее очевидная способность Распутина остановить кровотечение их сына, а во-вторых, потому что она не поверила ни одному из них, даже когда он сказал ей. В нескольких случаях, когда поведение Распутина было особенно плохим или его ложь была возмутительной и публично произнесенной, Николай высылал его из Санкт-Петербурга, чтобы преподать ему урок, отвергая доводы Александры о том, что все, что было сказано против Распутина, было грязным обманом людей, чьи собственные умы явно были в заблуждении. водосток или кто ему завидовал. Один памятный случай, особенно взбесивший царя, произошел, когда Распутин эффектно напился в колоритном московском ночном клубе, влез на стол, спустил штаны, сунул свой пенис в общем направлении других посетителей и сообщил им, что ему разрешено появляться так во дворце все время.

Именно пьяная напыщенность Распутина погубила его, потому что его безрассудное поведение в городе неизбежно привело к предположениям о характере его отношений с императрицей, особенно в отсутствие какой-либо информации о гемофилии Алексея. Это было позором, потому что образ его как развратного шута смягчал тот факт, что совет Распутина Романовым не был однозначно дебильным. Он был против войны, потому что знал, что основная часть бремени ляжет на крестьян империи, и, что необычно для многих русских в то время, ему также не нравилось отношение его страны к своему еврейскому народу; в этом его взгляды совпадали со взглядами Александры, которая выросла с любимым премьер-министром ее бабушки, который был новообращенным евреем, а многие из ближайших друзей ее дяди Эдуарда VII были еврейскими бизнесменами или недавно получившими дворянство сверстниками. Однако на каждый хороший совет приходилось по меньшей мере десять плохих, а с Николаем на фронте и Александрой

Беря на себя политическую роль впервые за время правления своего мужа, все больше внимания обращалось на Распутина, ее правой руки, в то самое время, когда он, казалось, пил больше, чем когда-либо, вел себя неадекватно и боролся с новоявленным враждебным интересом к его частная жизнь.

Письма Александры к Николаю на фронт, опубликованные вскоре после революции, подтвердили все негативные впечатления о ней — она предстает гарпией, властным термагантом, без конца придирающимся к своему жалкому и подкаблучнику-мужу. Правда оказалась сложнее.

Сила Александры, по сути, была прикрытием. Это был спектакль, который она устроила, чтобы помочь своему мужу в то время, когда его собственное поведение начинало ее беспокоить. К 1916 году Александра была не очень здоровой женщиной. Независимо от того, насколько бодрящим она находила это или сколько хорошего она делала, находясь там, больничная работа утомляла ее, как Николас и опасался. Ее ишиас вернулся с удвоенной силой, ее сердцебиение и режим сна были нерегулярными, и она часто чувствовала головокружение. Успокаивающие слова утешения Распутина, его доморощенная духовность, казавшаяся ей столь близкой к апостольской в Новом Завете, и его уверения в том, что Бог наблюдает за ней, были именно тем, что она хотела услышать. Распутин поддерживал ее, чтобы она могла поддержать Николая, и ей это было крайне необходимо, потому что к 1916 году у ее мужа появились признаки полного и неминуемого нервного срыва.

Первоначально присутствие Николая в Ставке и назначение им генерала Алексеева новым начальником штаба принесли дивиденды. Год после его прибытия был самым успешным из военных действий России: Киев был спасен от немцев, были улучшены пути снабжения и были предприняты успешные контратаки на немецкую, болгарскую и австро-венгерскую армии. Однако уже на этом этапе Николай жаловался на боли в груди в своих письмах домой, утверждая, что впервые почувствовал их, когда услышал известие о поражении под Танненбургом: «Я начинаю чувствовать свое старое сердце. В первый раз это было в августе прошлого года, после Самсоновской катастрофы [имеется в виду генерал Александр Самсонов, командующий русскими в битве при Танненбурге, покончивший жизнь самоубийством после позора и масштаба поражения], и снова сейчас – так тяжело в левом боку, когда я дышу».б Поражения и резня причиняли ему боль, еще хуже было то, что не было реального выхода из войны. Михаил Родзянко, громадный либеральный политик, занимавший пост председателя Думы и заслуживший тем самым немилосердного и лишённого воображения

прозвище «Толстый Родзянко» в переписке Государыни, прибыл на аудиенцию к Государю в Ставку и заметил дальнейшее ухудшение: «По сравнению с прошлым годом тон его изменился, и он стал менее самоуверенным»⁷. Несколько месяцев спустя, другой из гостей царя думал, что он «сильно постарел, и его щеки ввалились». Сидя почти напротив Его Величества и не сводя с него глаз, я не мог не обратить внимания на его страшную нервозность, которой прежде никогда не было. Было видно, что дух императора был смущен и что ему было трудно успешно скрывать свое волнение от своего окружения». во время министерских совещаний казался рассеянным, его руки нервно сжимали религиозную икону, а его рассеянность, заметная у человека, обычно столь вежливого, была отмечена несколькими министрами, в том числе отвечающими за сельское хозяйство и финансы, причем первый был удивлен, когда Николай «продолжали перебивать меня вопросами, которые касались не деловой стороны моей служебной поездки, а скорее бытовых пустяков», причем последние были обеспокоены «апатичным отношением императора»¹⁰.

В конце концов, придворные Николая попытались вмешаться. Граф Пауль Бенкендорф, великий маршал императорского двора, написал резкое письмо доктору Евгению Боткину, личному врачу царя. — Он не может так долго продолжаться. Его Величество изменился. Это очень неправильно с его стороны пытаться сделать невозможное. Он больше ничем серьезно не интересуется. В последнее время он стал совсем апатичным. Он выполняет свой распорядок дня как автомат, уделяя больше внимания часам, установленным для его еды или прогулки в саду, чем для государственных дел. Нельзя таким образом править империей и командовать армией на поле боя. Если он вовремя этого не осознает, об

Почти все наблюдатели, знавшие царя, соглашались с оценкой Бенкендорфа, что Николай «изменился». Императора, готового санкционировать твердые и решительные действия для закрепления престола в 1906 и 1907 годах и даже подписавшего один из самых важных конституционных документов в русской истории, пусть и неудачно, заменил человек, который, казалось, функционировал как робот, даже своим ближайшим придворным и слугам. Он пытался скрыть от них свое психическое нездоровье, но это было невозможно. В 1905 году он сказал матери, что готов стиснуть зубы, «креститься и дать

то, о чем все просили», но к 1916 году он едва мог пройти министерский брифинг, не отклоняясь от темы. Измученный, убитый горем при цифрах жертв, искренне удивленный глубиной непопулярности своей жены и терзаемый, как он видел, ссорящимися политиками, нелояльным, ворчливым и непатриотичным парламентом и тылом, охваченным внутренними разногласиями, которые должны были быть подавленными во время войны, сверхъестественное спокойствие и работоспособность Николая II сменились угрюмой и нервной истерией, бессонницей и своего рода патологической вялостью.

Для нас он несет в себе все признаки непроницаемой дымки и страданий, вызванных депрессией. Для его противников именно таким он должен был запомниться, и эта депрессия стала альфой и омегой политической репутации Николая II. Лев Троцкий радостно заметил, что Николай II не был умственно подготовлен для управления деревенской почтой, не говоря уже о империи.

Еще одна проблема, которая отличала 1916 год от 1905 года, заключалась в том, к кому Николай имел доступ. В течение первого десятилетия своего царствования Николай был близок со своей матерью и четырьмя дядями по отцовской линии, чьи советы, хотя и не всегда совершенные при любом натяжении воображения, по крайней мере давались честно и давали императору доступ к разнообразным советам. мнения людей, которым он доверял. Во время этого более раннего кризиса монархии в 1905 и 1906 годах советы и постоянное присутствие вдовствующей императрицы, в частности, оказались неоценимыми. С тех пор все годы затворничества в Царском Селе, пропущенные приемы, отмененные балы, отклоненные приглашения, непрекращающаяся романтизация сельского крестьянства как «настоящей» России и холодная вражда между императрицей и обитателями петербургского общества все вместе привело к глубокой политической изоляции.

Преданность Александры Распутину и ее зашоренный отказ терпеть любого, кто хотя бы шепотом жаловался на него, приводили в ярость или огорчали многих ее родственников. На Рождество 1915 года Александра не отправила рождественских подарков своей свекрови или кому-либо из других видных членов императорской семьи. подруга ¹² Светская львица и старый Романовых, княгиня Зенаида Юсупова, была изгнана из присутствия императрицы, когда попыталась заговорить о Распутине. Пока она продолжала говорить, императрица позвала слугу и сказала: «Я надеюсь, что никогда больше не увижу тебя!» ¹³ Принцесса вернулась домой, плача своему сыну: «Она прогнала меня, как собаку! Бедный Ники, бедный

Россия!» К-1916 г. послы в Петрограде получили сообщения о том, что двоюродный брат Николая, великий князь Кирилл, и его мать, великая княгиня Мария Павловна, «величайшая из великих княжон», открыто выражали надежду на отречение Николая и отречение Александры от престола. сосланы в ссылку в монастырь, как беспокойные царицы в прошлые века. Между императрицей и ее сестрой Эллой вспыхнул яростный спор, который так и не утих, когда последняя, ставшая монахиней после смерти мужа, заговорила о мужике. Когда младший и любимый дядя Николая, великий князь Павел, пытался лоббировать улучшение отношений с Думой и отставку Распутина, Николай заволновался, а Александра пришла в ярость. Когда она узнала, что ее свекровь, которая открыто ненавидела Распутина, наносит один из ее редких визитов в Ставку, чтобы действительно провести некоторое время с ее сыном, императрица отправила письмо Николаю: «Когда ты увидишь бедную матушку, ты должен довольно резко сказать ей, как тебе больно, что она слушает клевету и не останавливает ее, так как она вредит, и другие, я уверен, обрадовались бы...»¹⁵

Две императрицы никогда не были близки - Мария хотела, чтобы Николай женился на дочери графа Парижского, и она вызвала небольшой скандал, когда попыталась удержать императорские драгоценности, которые должны были достаться Александре после ее свадьбы. Она также была одним из лидеров петербургского общества и твердо верила, что только оставаясь рядом с элитой страны и прислушиваясь к ее мнению, часто небрежно и искренне высказываемому на светских мероприятиях, монарх может оставаться на связи с самыми влиятельными людьми в своей империи. . Напряженные отношения в конце концов сменились плохо завуалированной враждебностью, что ограничило доступ Мари к сыну и уменьшило ее политическое влияние. В частных беседах с сестрой Николая Ксенией Мария полуискренне полагала, что Александра, должно быть, сошла с ума. Она оплакивала действия своей невестки и известность Распутина перед всеми, кто был готов слушать, но ничего не изменилось, и летом 1916 года она полностью сдалась и уехала из столицы, чтобы поселиться в 800 милях от Мариинского дворца в Киеве.

Результат этой изоляции от сверстников означал, что единственным источником постоянных советов Николая от человека, которому он доверял, была Александра. Доводя себя до лихорадки самодовольного гнева против того, что она предпочитала рассматривать как заговор политиков с целью ослабить монархию, письма Александры были полны прискорбно неуместных советов. Хотя Николай был тверд и

даже раздражительный, когда она передавала взгляды «нашего друга» на военные дела, он был так озабочен происходящим на фронте, что довольствовался выслушиванием императрицей оценки событий дома. У нее не было политического опыта, и она была навязчиво честна до жестокой грубости, в результате чего отталкивала почти всех, с кем вступала в контакт. Любой, кто критиковал Распутина, вызывал гнев регента; очень рано она добилась увольнения четырех своих высокопоставленных противников — статского советника, обер-прокурора Священного Синода (министерства по делам православной церкви) и министров внутренних дел и земледелия. Затем она совершила еще один разрушительный переворот, когда посетила Николая на фронте и убедила его уволить Сергея Сазонова, министра иностранных дел, после того, как он предположил в кабинете, что после окончания войны России, возможно, придется рассмотреть вопрос о предоставлении независимости Польше. Истолковав это как попытку расчленить монархию. Когда Николай хотел сменить премьер-министра, князя Ивана Горемыкина, в связи с его желанием уйти в отставку в старости, Александра предложила Бориса Штюрмера, крайне непопулярного бюрократа, завоевавшего дружбу Распутина («что очень важно»), и у которой, как и у нее, была фамилия, звучащая по-немецки, значение которой Александра, казалось, совершенно не осознавала. государственных дел».17 Царь, находившийся за 1500 миль, поверил восторженной оценке его жены характера Штюрмера и стал премьер-министром.

Дума громогласно протестовала против этого назначения, а речи, произнесенные в зале ее заседаний в Таврическом дворце, содержали открытую критику императрицы. Их гнев не имел немедленного результата, кроме как укрепить решимость Александры двигаться вперед и избавить своего мужа от невзгод, связанных с необходимостью иметь дело с ними. Она предложила Александра Протопопова новым министром внутренних дел; это был не такой непопулярный выбор, как у Штюрмера. В 64 года Протопопов был вице-президентом Думы, был более центристским в своих политических взглядах, чем Штюрмер, и не имел явных связей с двором. Он также пользовался безупречной репутацией на международном уровне и был известен своей решительной поддержкой военных действий союзников. Ранее в том же году он представлял Думу во время визитов к союзникам России в Лондоне, Париже и Риме, где его описывали как «хорошего оратора и собеседника».

мужчина ...король Англии выразил свою радость по поводу того, что в России есть такие выдающиеся люди».18 Александра впервые встретила с ним летом того же года, и ее сразу же взяли с собой, что необычно для человека, который, по слухам, был либералом и который служил в Думе много лет. В своих письмах к Николасу она описывала его как «человека, который мне очень нравился», который соглашался с ее мнением о своей личности, но, похоже, не хотел давать ему такой престижный министерский пост. «Он хороший, честный человек, — писал он, — но перескакивает с одной мысли на другую и ни на что не может решиться... рискованно оставлять министерство внутренних дел в руках такого человека в этих раз».19 Коллеги Протопопова по кабинету согласились с царем. Питер Барк, министр финансов, признал, что «нужно отдать ему должное за один талант — он был чрезвычайно красноречив и мог говорить без конца...

На него невозможно было злиться. Он был в высшей степени образованным человеком, внимательным, учтивым, вызывавшим симпатию своим добрым обращением с людьми», но «его объяснения и суждения были необыкновенно поверхностны, он не пользовался авторитетом и казался жалкой фигурой из-за отсутствия у него Утомленный настойчивостью Александры и, возможно, поколебленный блестящими сообщениями об успехах Протопопова у союзников, Николай сдался, и Дума пришла в замешательство. Как бы многим из них ни нравился очаровательный Протопопов на личном уровне, он был неудачным выбором для портфеля, и они винили в этом царицу.

За шестнадцать месяцев политической карьеры Александры в России было четыре разных премьер-министра, пять министров внутренних дел, три военных министра, четыре министра сельского хозяйства, два прокурора Святейшего Синода и два министра иностранных дел. Николаю пришлось вмешаться, чтобы уволить таких людей, как Штюрмер, когда его поймали при попытке снять 5 миллионов рублей из казны, не объяснив, куда они идут. Даже депутаты-монархисты в Думе, прежде до смерти превозносившие верность престолу, почувствовали себя вынужденными выступить против регентства. Настаивая на том, чтобы их верность императору оставалась неразбавленной, и опасаясь, чтобы любое их слово не было истолковано как критика самой династии, правые политики сосредоточили свое внимание главным образом на Распутине — зловещем сером кардинале императрицы, теневой силе, стоящей за тронном, который был разлагая суд изнутри. Распутин был опухолью в теле политика. Уберите его, и здоровье империи восстановится.

Одну такую речь произнес в Таврическом 20 ноября 1916 года Владимир Пуришкевич, от которого правее была только стена позади него. Пуришкевич был одним из самых популярных политиков-монархистов в Думе, не в последнюю очередь благодаря своей экстравертной личности и ярким речам. Если они ожидали обычных восхвалений любви и преданности Царю и России-матушке, то его коллеги-делегаты, должно быть, были удивлены, когда Пуришкевич в течение двух экстраординарных часов разразился тирадой, в которой критиковал действующее правительство за унижение священного института монархии. «Требуется только рекомендация Распутина, чтобы возвысить на высокие посты самого ничтожного гражданина, — прогремел он. Сидя рядом с французским послом в галерее для посетителей, князь Феликс Юсупов, худощавый и женоподобный молодой человек с высокими скулами и захватывающим лицом, с восторгом наблюдал, как слова Пуришкевича проникали прямо в его сердце. Он уже решил что-то сделать для своей страны, и слова Пуришкевича убедили его в правоте его намерений. Чтобы спасти Российскую империю, ему пришлось бы убить Григория Распутина.

На первый взгляд Феликс Юсупов был маловероятным убийцей. Один знакомый писал, что люди обычно «очень восхищались как его внешним видом, излучавшим невыразимое изящество и воспитанность, так и особенно его внутренним самообладанием». Романовых, вазы в некоторых из многочисленных домов его семьи были наполнены драгоценностями, а не цветами, и на день рождения любимой матери он купил ее любимую горю. Подростком он экспериментировал с переодеванием в одежду другого пола, и в этой области он был настолько убедителен, что на вечеринке в Париже привлек внимание стареющего короля Эдуарда VII, знаменитого жизнелюба, который подумал, что заметил особенно красивую девушку. молодая женщина. Феликс поспешно отступил и вскоре отказался от своей пристрастия к дамским платьям и драгоценностям своей матери. Он поступил в Университетский колледж в Оксфорде, где провел годы между 1909 и 1912 годами, живя жизнью студента, которая, как теперь кажется, пережила нечто большее, чем «Возвращение в Брайдсхед». Он устраивал вечеринки с шампанским в своих комнатах и уклонялся от комендантского часа в колледже, сплетая длинную веревку, чтобы тянуть однокурсников по стенам в свою комнату. Дело приняло неловкий оборот, когда однажды ночью он случайно поднял полицейского и ему пришлось объяснять свое поведение ректору, но в целом это были счастливые годы для Феликса, «самого счастливого в моей ю

развил талант к игре в поло и крикет²². Как и Эвелин Во, оксфордские дни Феликса были шансом для юношеских исследований, и у него было множество романов с однокурсниками. Все улики указывают на то, что он был гомосексуалистом, в этом не может быть никаких сомнений, и его самая важная любовная связь произошла, когда он вернулся в Россию после окончания учебы²³.

Мемуары Феликса отражают его раннее увлечение двоюродным братом Николаем II, гораздо младшим, великим князем Дмитрием. Феликсу он показался «чрезвычайно привлекательным: высокий, изящный, благовоспитанный, с глубокими задумчивыми глазами, он вспомнил портреты своих предков. Он был сплошь порывами и противоречиями; он был одновременно романтиком и мистиком, и его ум был далеко не поверхностным. В то же время он был очень весел и всегда готов на самые дикие выходки. Его обаяние покорило сердца всех...»²⁴ Позже в число сексуальных партнеров Дмитрия входила Коко Шанель, чьи ранние деловые начинания он помогал финансировать, но разговоры русских эмигрантов, которые хорошо знали эту пару, и комментарии, сделанные в собственных письмах Феликса и мемуары подтверждают, что члены императорской семьи и окружения Феликса в Санкт-Петербурге знали, что в какой-то момент в 1912 и, возможно, в 1913 году у Феликса и великого князя были романтические отношения друг с другом. В письмах к мужу Александра, которая любила Дмитрия и чувствовала себя покровительницей его после смерти его матери при родах в 1891 году, лукаво отмечала, что, когда он был в Петербурге со своим полком, он «не выходил в дамские компании» — но с глаз долой [он] попадает в чужие руки»²⁵. Слухи, казалось, все чаще связывали Дмитрия с Феликсом, которому Александра уже не доверяла из-за его репутации человека экстра- «Царь и царица, которым были известны скандальные слухи о моем образе жизни, не одобряли нашей дружбы», — писал позднее Феликс. «В конце концов они запретили великому князю видеться со мной, а я сам стал объектом самого неприятного надзора» . закончилась по наущению Феликса, а не Дмитрия.²⁷

В 1914 году старший брат Феликса был убит на дуэли, и трагедия его смерти сделала Феликса наследником одного из старейших и самых престижных имен русской аристократии. На него оказывалось давление, чтобы он нашел жену, и Феликс, по-видимому, решил оставить свою гомосексуальность позади, положив конец роману с Дмитрием. Казалось, он приобрел пристрастие к

Романовых и перенес свои чувства на единственную племянницу царя, прекрасную и невинную княгиню Ирину. Однажды днем он ехал верхом, когда увидел, что она сидит рядом со своей матерью, великой княгиней Ксенией, в их карете. Он кратко поговорил с женщинами и позже заявил, что был сражен. С его происхождением и богатством Ксения считала его очень привлекательным кандидатом на руку ее дочери, а Ирина, казалось, была очарована навязчивым интересом Феликса к ней. Однако кто-то, возможно, сам царь, сообщил отцу Ирины, великому князю Александру, о любовной жизни Феликса. При этом Дмитрий неожиданно предположил, что хочет сам жениться на Ирине. В то время интерес Дмитрия к Ирине многих удивлял, но было ли это потому, что он хотел сорвать свадьбу для Ирины или для Феликса, сказать невозможно.

Александр посетил Феликса с несколькими друзьями, чтобы обсудить, как мужчина с женщиной, слухи о его личной жизни. Феликс был совершенно откровенен. Он признал, что был гомосексуалистом, но заявил, что отказался от этого, потому что хотел жениться на Ирине. Александр, что неудивительно, не был полностью уверен, что этого достаточно для будущего счастья его дочери или Феликса. Но у Феликса и его матери был козырь в ее дружбе с матриархом Романовых, вдовствующей императрицей Марией, которая пригласила пару присоединиться к ней на обед, пока она отдыхала в Копенгагене. Предполагаемый жених вел себя чудесно, и вдовствующая императрица была полностью очарована. Хотя до нее тоже доходили слухи о романтических похождениях Феликса, она поверила ему, когда он сказал, что влюбился в ее внучку. После обеда она обратила к нему свою лучезарную улыбку и сказала: «Я сделаю все, что в моих силах, для вашего счастья»²⁸. 22 февраля 1914 года пара обвенчалась в резиденции вдовствующей императрицы в Санкт-Петербурге. На Ирине было белое атласное платье с длинным шлейфом и изысканная кружевная вуаль, которая, как говорят, принадлежала Марии-Антуанетте. Затем они отправились в медовый месяц, чтобы столкнуться с неприятностями в Берлине, прежде чем их спасли мольбы наследной принцессы Сесилии и посольства Испании.

Появление фаты Марии-Антуанетты на его свадьбе очень порадовало бы Феликса. Сегодня фотографии Одри Хепберн или Мэрилин Монро повсюду во многих спальнях Европы, Великобритании и Америки. Эти роли, к лучшему или к худшему, избранных икон современной женственности в девятнадцатом и начале двадцатого веков исполнялись призрачными фигурами леди Джейн Грей, во многом такой, какой ее представлял себе Деларош.

Мария, королева Шотландии, и Мария-Антуанетта. Небольшая индустрия, прославляющая Марию-Антуанетту как самый возвышенный символ обиженной женственности, которая сохранила свое женственное поведение, даже когда ее так жестоко замучили до смерти, тронула чувства викторианской эпохи. Большой портрет несчастной королевы висел над письменным столом Александры в Царском Селе, а во дворце на Мойке, одном из нескольких домов, принадлежащих Юсуповым в столице, был еще один ее портрет, к которому присоединялся соответствующий портрет ее мужа, короля Людовика XVI. Они были там по приказу Феликса, и каждый день он расставлял свежие букеты цветов под их изображениями в память об их мученической гибели во время Французской революции.

Это почитание павших короля и королевы дореволюционной Франции намекало на другую сторону Феликса, ибо он представлял собой завораживающую смесь противоречий даже больше, чем большинство людей. Прославленная балерина Анна Павлова, которая была его близкой подругой, считала, что у Феликса всегда был «Бог в одном глазу и дьявол в другом»²⁹. Он был искренним, даже фанатичным монархистом, полностью верившим в монархию как в единственно и объединяющая сила правительства. Его политические убеждения сочетались с его религиозным рвением — он был особенно предан почитанию Девы Марии, и в какой-то момент, в период религиозного экстаза, вызванного посещением беднейших трущоб Москвы и Санкт-Петербурга, его семье пришлось отговорить его от того, чтобы отдавать большую часть своих денег на благотворительность. Даже альтруистичная царица подумала, что он ведет себя неумеренно, и указала, что он принесет больше пользы, если будет разумно и небольшими порциями распределять деньги нужным благотворительным организациям, а не п

Именно в 1916 году эта сторона Феликса, христианского и монархического фанатика, стала доминирующей силой в его жизни. Имперское правительство приняло закон, освобождающий от отправки на фронт только сыновей. Феликс был единственным (выжившим) сыном, и хотя он не вызвался добровольцем, он, кажется, все еще чувствовал, что люди судят его. Если он так думал, то был прав. Старшая дочь Николая и Александры, Ольга, больше времени проводила в Санкт-Петербурге, возглавляя различные благотворительные комитеты, и решила зайти на чай к своей двоюродной сестре Ирине.

Феликс был там, как Ольга сообщила отцу в письме позже той ночью. «Я был у Ирины... Феликс «совершенно штатский», весь в коричневом, болтал по комнате, роясь в каких-то книжных шкафах с

журналы и практически ничего не делают; крайне неприятное впечатление он производит — человек, бездельничающий в такие времена».

Но Феликс не то чтобы бездельничал. Множество порнографических брошюр, изображающих царя рогоносцем и Распутина в постели с императрицей, циркулировали в столице и попадали к солдатам на фронт.

На улицах Александру называли Немецкой блядью, «немецкой шлюхой». Он и Ирина долго говорили об опасениях ее семьи по поводу влияния Распутина и об отказе царицы слушать кого-либо из них.

Когда Феликс попытался высказать подобные опасения одной из подруг Императрицы, она ответила: «Никто не имеет права критиковать действия Императора и Императрицы. То, что они делают, никого не касается. Они стоят сами по себе, выше всего общественного мнения»³¹. Молясь об этом ночь за ночью, он убедился, что единственный способ спасти царя от царицы и царицу от самой себя — это убить Распутина. «Все мои сомнения и колебания исчезли, — утверждал он впоследствии. «Я почувствовал спокойную решимость и отдался поставленной цели уничтожить Распутина»³².

Формулируя свои планы, он снова обратился к Дмитрию. В своих многочисленных интервью и трех сборниках последующих мемуаров, написанных в изгнании, Феликс всегда очень расплывчато объяснял, почему он чувствовал необходимость включить в сюжет великого князя. Возможно, это было потому, что он скучал по нему и хотел вернуть что-то из их прежней близости с общим предприятием. Возможно, как предположили циники, он знал, что Романов не может быть осужден в обычном суде — член императорской семьи и их сообщники подчинялись прямому приговору самого царя. Возможно, Феликс рассчитывал на это и тесные связи его семьи с семьей Николаса, если убийство вызовет негативную реакцию. Или, может быть, потому, что, как он признавал в своих мемуарах, Дмитрий был предприимчивым, смелым и «всегда готовым к самым безумным авантюрам».

Какой бы ни была причина, Дмитрий разделял ненависть других своих родственников к Распутину и, несмотря на свою прежнюю близость к императрице, согласился помочь. Затем Феликс посетил квартиру Владимира Пуришкевича и спросил его, не хочет ли он воплотить в жизнь пламенные слова своего выступления в Думе 20 ноября. Пуришкевич был полон энтузиазма, а также очарован гламуром и твердой уверенностью Феликса. Они завербовали армейского сержанта, доктора Станисласа Лазоверта, которому было поручено отравить жертву после того, как они решили, что это будет лучший способ избавиться от него. Феликс

сначала хотел появиться и застрелить его в его собственной квартире, но, учитывая полицейскую защиту, окружавшую его по настоянию царицы, это было нецелесообразно. Феликсу было очень неудобно, когда другие утверждали, что единственно логичным местом для этого был Дворец на Мойке, что означало бы пригласить человека воспользоваться его гостеприимством, а затем убить его. В конце концов, признав, что они были правы, Феликс связался с Распутиным, заявив, что у него есть проблема, которую ему нужно вылечить. Дочь Распутина Мария позже сказала, что ее отец сказал ей, что это потому, что он хотел вылечить свой гомосексуальность. Предположение некоторых историков о том, что Феликс и Распутин сами были вовлечены в сексуальные отношения, является пределом правдоподобия.³³

Пройдя несколько сеансов с Распутиным, Феликс почувствовал, что установил достаточно дружеские отношения, чтобы пригласить мужика навестить его дома. Часто утверждается, что Феликс использовал возможность романтического свидания Распутина с Ириной в качестве приманки, чтобы заманить его во дворец на Мойке, но это совершенно неверно истолковывает личность Феликса. Он почитал свою жену как принцессу крови и никогда бы не хотел, чтобы кто-нибудь подумал, будто она занесена в список завоеваний Распутина. Что касается чести Ирины, то Феликс упорно защищал ее. Однако он пообещал Распутину поужинать с ней и несколькими друзьями. Учитывая отвращение к нему остальных членов императорской семьи, возможно, Распутин был взволнован перспективой того, что один из них окажет ему знак своей благосклонности. Возможно, он слышал о щедром гостеприимстве Феликса. Как бы то ни было, он отправился на Мойку вечером 16 декабря — ближайшей даты, которую заговорщики могли выбрать из-за плотного светского календаря великого князя Дмитрия. Приглашения в столицу часто рассылались за недели или месяцы вперед, поэтому отмена какой-либо встречи в последнюю минуту могла вызвать подозрения, и поэтому шестнадцатое число, день, когда, согласно раннему прогнозу, на рассвете появились «небольшие розовые облака». утреннее письмо царицы мужу было последним для Распутина.³⁴

Точные детали того, как они убили его, много раз менялись в рассказах, не в последнюю очередь в многочисленных слегка противоречивых отчетах, оставленных самим Феликсом и другими заговорщиками. За исключением великого князя Дмитрия, который никогда не любил говорить о той ночи, но который, возможно, был тем, кто произвел последний смертельный выстрел, все участники оставили отчеты об убийстве. Феликс, с его склонностью к драматизму, мог

преувеличил свою версию событий, в которой Распутин неоднократно выживал после многочисленных стаканов отравленного мадеры и подаренных ему пирожных, но в равной степени он мог говорить правду. Когда яд не подействовал, Феликс произвел первый выстрел, и в течение вечера Распутина гоняли по дворцу, как умирающее животное, душили, били, стреляли, кололи и, наконец, гнали в заснеженный двор с криками, что он расскажет императрице. Там, возможно, после выстрела Дмитрия, он потерял сознание. Его завернули в занавеску, вытащили на лед замерзшей реки Невы, прорубили дыру и засунули в нее тело.

В тот же вечер Анна Вырубова вскользь упомянула императрице, что Распутин едет во дворец на Мойке, чтобы присутствовать на званом обеде, устроенном княгиней Ириной и князем Феликсом. Как и в начале войны, Александра выглядела сбитой с толку тем, что ей говорила фрейлина. Должно быть, она ошибается, Григорий не мог поехать к Ирине, потому что Ирина отдыхала в Крыму с матерью. На следующее утро Александр Протопопов сказал ей, что в полицейском отчете упоминаются беспорядки на Мойке в ранние часы, и дочь-подросток Распутина позвонила Анне, чтобы сообщить ей, что ее отец ушел, но не пришел домой. Несколько дней императрица оставалась спокойной, по крайней мере внешне. Пока продолжались следственные действия, она писала мужу на фронт: «Я все равно буду уповать на милость Божию, что его только увезли куда-то, а я не могу и не поверю, что он убит. ... Господи помилуй, таких полнейшая тоска (я спокоен и не могу в это

поверить)»³⁵. Через несколько дней после убийства водолазы извлекли тело из-под льда. Александра был опустошен, и когда просочились новости о том, кто его убил, толпы хлынули в Санкт-Петербургский собор Казанской иконы Божией Матери, чтобы демонстративно зажечь свечи под иконами святого Дмитрия. Николаю было противно это убийство. «Мне стыдно, что руки моих сородичей обгарены кровью простого крестьянина. Убийство всегда остается убийством». ³⁶ Ольга и Татьяна решили спать в комнате своей матери в ту ночь, когда она приняла большую дозу веронала, популярного барбитурата, используемого для борьбы с бессонницей. Ольга записала в своем дневнике: «Подтверждение того, что отец Григорий убит, скорее всего Дмитрием, и сброшен с Крестовского моста. Они нашли его в воде. Такой ужасный, и не терпится это написать»³⁷.

Но если Татьяна искренне верила, как и ее мать, в святость Распутина, то отношение Ольги к умершему любимцу было более двойственным. Несколько недель спустя, когда она вернулась к работе в больнице, Ольга подняла этот вопрос с другой медсестрой по имени Валентина Чеботарева, с которой у них с Татьяной сложилась крепкая дружба. В ходе их разговора Ольга тихо заметила: «Может быть, надо было его убить, но не таким ужасным способом»³⁸. Из всех детей она больше всех видела и понимала внешний мир. Она регулярно ездила в столицу, чтобы возглавлять благотворительные комитеты, направленные на борьбу с бедностью и последствиями войны. Ольга, возможно, не знала, что наиболее радикальные элементы антимонархической пропаганды заключались в печати непристойных рисунков, в которых она и ее достигшие половой зрелости младшие сестры были переданы Распутину для использования в качестве его гарема при попустительстве их матери, но она была достаточно проницательна, чтобы понять что, что бы присутствие Распутина рядом с ее родителями ни сделало с положением их семьи, оно не было положительным. Генерал Александр Спиридович, герой русско-японской войны, который также помог подавить большевиков в революции 1905 года, теперь работал командиром личной охраны царя и очень восхищался старшей дочерью своего господина. Он утверждал, что, став взрослой, Ольга «инстинктивно почувствовала, что в Распутине есть что-то нехорошее»³⁹. Риск Феликса

окупился — его и Дмитрия просто сослали на окраину империи, что спасло им жизнь, когда грянула революция.

Даже Пуришкевич и Лазоверт, названные в прессе героями, остались относительно одни. Перед лицом общественного восхищения Николай II мало что мог сделать, чтобы наказать преступление, которое его ужаснуло. Убийство, казалось, нанесло гораздо больший ущерб взбунтовавшемуся Николаю, который был особенно ошеломлен, когда члены его более широкой семьи обратились к нему с просьбой проявить милосердие к убийцам, чем Александре. Несмотря на то, на что надеялись ее многочисленные критики, смерть Распутина не сломила ее. Вместо этого, оплакивая его, она, казалось, продолжала жить как обычно, хотя трудно сказать, как долго это продолжалось бы, потому что у монархии осталось так мало времени.

Убийство Распутина было актом отчаяния, совершенным людьми, верными романовскому престолу, которые считали, что их ужасное преступление освободит династию от его пагубного влияния. Это было отражением того, сколько вреда Александра нанесла за шестнадцать месяцев, что это нападение было совершено

монархисты. Но то, что Феликс Юсупов и Владимир Пуришкевич считали проявлением силы, на самом деле было проявлением жалкой слабости. Легитимность и популярность правительства почти испарились, одна из самых холодных зим в истории хлестала по улицам Петрограда и Москвы, железнодорожные пути сгибались от холода, продовольствие не могло добраться до города и надлежащих каналов политической протест достиг такого низкого уровня эффективности, что имперская элита считала, что единственный способ добиться цели — это обмануть полуграмотного крестьянина, затем отравить его, застрелить, заколоть, забить дубинками и засунуть под лед. Убийство Распутина не избавило от гнили; это просто рекламировалось.

Спустя годы младшая сестра Николая II, великая княгиня Ольга Александровна, писала из своей ссылки в Торонто: «В убийстве Распутина не было ничего героического... Подумайте только о двух именах, наиболее тесно связанных с ним и по сей день — великий князь, один из внуков Царя-Освободителя [Александра II], а затем потомок одного из наших величайших домов, жена которого была дочерью великого князя. Они доказали, как низко мы пали»⁴⁰.

Февральская революция и падение Русская монархия

«Да поможет Господь Бог России

Николай II оставался в Царском Селе в течение двух месяцев после похорон Распутина. Тех, кто надеялся, что он воспользуется этим временем, чтобы исправить проблемы в правительстве, ждало разочарование. Николас только и делал, что еще больше погружался в свое недомогание. Участие его двоюродного брата и мужа племянницы в убийстве духовного наставника его жены было страшным ударом по его и без того уязвленному самолюбию. Его собственная семья подняла против него своего рода восстание, когда они убили Распутина, сообщив всей империи, что это был единственный способ, которым Николаю можно доверять в поисках правильного совета. В результате войны погибло около 3 миллионов россиян, ужасные зимние температуры усугубили проблемы с раздачей продовольствия в крупных городах империи, и в результате на улицах, потрепанных льдом и леденящим ветром, образовались очереди за хлебом. Часто утверждается и бойко принимается за правду, голода не было. Цуёси Хасэгава убедительно продемонстрировал, что «в целом эффективность царского правительства в решении этой огромной задачи снабжения продовольствием была не так плоха, как это часто утверждается... в городах никто не голодал. Крах механизма снабжения продовольствием фактически наступил после Февральской революции» 2. Тем не менее, был дефицит, и нормирование поставок значительно усилилось, когда крестьяне-фермеры, обеспокоенные инфляцией, отказались продавать свой урожай правительству. Перемещение доступных ресурсов стало более трудным из-за ущерба, нанесенного железным дорогам

В течение двух лет монархия игнорировала Думу. Николас наложил вето на любую сделку с его Прогрессивным блоком, и враждебность Александры по отношению к нему, а также ее полное игнорирование его мнений хорошо рекламировались ее играми в министерскую чехарду. Шурин Николая, великий князь Александр, несчастный тесть Феликса Юссопова, отправился в Александровский дворец, чтобы поговорить с императорской четой. Единственный из Романовых, он всегда был дружелюбен к Александре, а они с Николаем были близкими друзьями с детства. Его показали в их

частных квартир, где Александра была вынуждена лежать из-за больной спины, а Николай сидел и курил рядом. Великий князь начал с того, что прямо сказал Александре, что, хотя ее намерения были чисты, ее участие в государственных делах скорее навредило ее мужу, чем помогло ему. Затем он сказал, что, хотя его всегда беспокоила идея конституционной монархии, он пришел к выводу, что единственный способ для Короны продолжать функционировать — это назначить правительство, приемлемое для Думы. Тем самым он выкупит поддержку политического класса и избавит Николая от необходимости брать на себя единоличную вину за все проблемы страны.

Александра была возмущена его изменением взглядов. Она сказала ему, что он смешон и что Николай самодержец, от которого нельзя ожидать, что он поделится своими полномочиями с парламентом. Александр указал или позже заявил, что знал, что Николай не был самодержцем с 17 октября 1905 года. Николай хранил молчание, Александра пыталась аргументировать свою точку зрения, и Александр начал кричать: «Помни, Аликс, я молчал тридцать месяцев. ! За тридцать месяцев я ни слова не сказал вам о безобразиях, творящихся в нашем правительстве, лучше сказать в вашем правительстве. Я понимаю, что вы готовы погибнуть и что ваш муж думает так же, но как насчет нас? Мы все должны страдать из-за твоего слепого упрямства?

— Я отказываюсь продолжать этот спор, — заявила Александра. Александру ничего не оставалось, как встать, поцеловать ей руку, поклониться императору и уйти. Александра не подарила ему обычного для родственницы прощального поцелуя, и больше Александр ее не видел³. —

Отчуждение царя от аристократии и членов его большой семьи было полным. Когда его бывший премьер-министр граф Владимир Коковцов прибыл на аудиенцию в Царское Село, он обнаружил, что император смотрит на какие-то военные карты, не зная, какой сегодня день.

Тупиковая ситуация в отношениях между монархией и Думой означала, что у умеренных и либералов отпала инициатива поддерживать режим в условиях кризиса, как это было в 1905 и 1906 годах. Некоторые из них все еще считали, что в их общих интересах найти действенное политическое решение, предотвращавшее тем самым революцию или переворот, но все больше и больше речей с отчетливо республиканским оттенком произносилось на таврическом зале.

Председатель Думы Михаил Родзянко вернулся во дворец, чтобы увидеть

Царь. Несмотря на неприязнь ко двору и нелестное для него прозвище царицы, в более счастливые времена Родзянко приезжал в Царское Село в шутливом настроении – когда царь впервые представил его царевичу Алексею, Родзянко весело представился самым толстым человеком. в Российской империи.

В январе 1917 года он пришел в другом настроении. Согласно его собственным, несомненно, несколько самовозвеличивающим воспоминаниям, он осмелился разглагольствовать о царе и говорил с ним самым грубым языком в надежде, что это выведет Николая из его апатии и вынудит его предоставить кабинет министров, который был утвержден Думой, а не избран императрицей.

Везде царит хаос. Нет правительства, нет системы...

На каждом шагу человек сталкивается со злоупотреблениями и путаницей. Народ понимает, что вы изгнали всех тех, кто был в Думе и кому доверял народ, и заменили их ненадежными и некомпетентными людьми. Для кого не секрет, что императрица издаст приказы без вашего ведома... и что по ее желанию те, на кого она смотрит с неодобрением, теряют работу... Ваше величество, не заставляйте народ выбирать между вами и благом страны.

В конце выступления Родзянко Николай якобы сидел за письменным столом, обхватив голову руками. «Неужели двадцать два года я старался действовать как можно лучше, и все это было ошибкой?» Родзянко кивнул.

«Да, Ваше Величество, в течение двадцати двух лет вы шли неверным курсом».

В конце аудиенции, а именно предыдущий обмен мнениями звучит как наименее правдоподобная часть истории Родзянко, Николай тепло попрощался с Родзянко. и Председатель Думы был рад и тронут тем, что не было никаких признаков гнева или личной неприязни со стороны Государя.

Грозные предостережения Родзянко, какими бы преувеличенными они ни были, когда дело дошло до написания его мемуаров, были поддержаны князем Николаем Голицыным, вторым премьер-министром после Бориса Штюрмера. Он использовал свою дружбу и многолетнюю службу, чтобы умолять императора прислушаться к совету Родзянко и лично отправиться в Думу, чтобы обещать устраивающий их кабинет министров. Старая магия королевской внешности, царь снова в общении со своим народом, может просто сработать и

скептики. Это вдохнет новую энергию в политиков и, что более важно, обеспечит стране более стабильное и более популярное правительство. Николай согласился с его предложением. Если бы он придерживался этого решения, вполне возможно, что монархия Романовых выдержала бы бури 1917 года. А так через час после окончания аудиенции Голицына вызвали обратно в Александровский дворец. Всегда было тяжелое подозрение, что Николай отправился к Александре, чтобы обсудить с ней планы, и она уговорила его не действовать так поспешно, но это предположение, и ее личные письма к Николаю, кажется, противоречат ему⁵. Возможно также, что потому, что — армейская удача на фронте начала отворачиваться, и Николай чувствовал, что ему нужно успеть вернуться к ожидаемым победам. Достоверно известно лишь то, что, когда Голицына вернули в кабинет царя, Николай сказал ему, что собирается вернуться в Ставку.

— Как это, ваше величество? — спросил премьер-министр. 'А как насчет ответственного министерство? Вы собирались завтра идти в Думу.

'Я изменил свое мнение. Я уезжаю в штаб сегодня вечером». —

*

Когда императорский поезд отошел от Царскосельского вокзала, Николай обнаружил в своем купе уже ожидавшее его письмо от Александры. «Моя возлюбленная Солнышко, — писал он, — сердечно благодарю вас за ваше драгоценное письмо — вы оставили его в моем купе — я жадно прочитал его перед сном. Мне было хорошо, в моем одиночестве, после двух месяцев, проведенных вместе, если не услышать твой сладкий голос, то хотя бы — утешиться этими строками нежной любви! , опять же от жены, в которой она сообщила ему, что Ольга и Алексей заболели корью. Николай ответил, что болезнь охватила два кадетских корпуса в Ставке и что Александра не должна встречаться со слишком большим количеством людей, если она кормит их детей, чтобы не передать болезнь⁸. —

Вернувшись в Петроград, погода начала меняться, и потепление вынудило все больше людей выйти на улицу, чтобы протестовать против пережитой ими ужасной зимы, безотчетной некомпетентности правительства, ущерба, нанесенного инфляцией, и, казалось бы, нескончаемой резни населения. война. Премьер-министр Голицын и Александр Протопопов готовились к беспорядкам и строили разумные планы по их сдерживанию,

надеясь, что им придется использовать солдат против протестующих только в крайнем случае. Четыре дня они сдерживались, но к воскресенью 11 марта, через три дня после того, как царь вернулся на фронт, беспорядки в Петрограде уже не поддавались контролю. Александра написала мужу:

Драгоценное, любимое

Сокровище, 8° и нежно снежит — пока я очень хорошо сплю, но скучаю по своей Любви больше, чем можно выразить словами. – Скандалы в городе и забастовки более чем провокационные. Посылаю Вам письмо Калла [прозвище императрицы для Александра Протопопова] ко мне, бумага не стоит, и Вы наверняка получите более подробный фр. начальник полиции. Это хулиганское движение, молодые парни и девушки бегают и кричат, что у них нет хлеба, только для того, чтобы возбудить – а потом рабочие мешают другим фр. работать – если бы было очень холодно, они бы сдохли. вероятно, оставаться в дверях. Но это все пройдет и затихнет, если Дума встанет. только води себя прилично – самых дурных речей не печатают, но я нахожу, что антидинастические должны быть сразу очень строго наказаны, так как сейчас военное время, и тем более. – У меня было такое чувство, когда ты уходишь, вещь влд. нехорошо... Идите к Богородице и молитесь там тихонько год. сладкий себя, чтобы набраться сил для нашей большой победы. Только поставили свечи у [церкви] – устали... Стрелять не надо – только приказать и не пускать, как они, по мостам. – Вопрос еды сводит с ума. Простите скучное письмо, но столько забот кругом.9

В том же письме Александра предположила, что проблема очередей за хлебом может быть решена, если в России будут приняты карточки, подобные системе, действующей в Великобритании. Она также сообщила, что Татьяна подхватила корь и ее отправили в постель, и что она думает, что Анастасия тоже может заболеть с ними. Пока только великая княгиня Мария, к большому облегчению матери, оставалась в относительно хорошем здоровье, и она и Анастасия помогали ей заботиться об остальных.

На четвертый день беспорядков в Петрограде кабинет санкционировал, по-видимому, с большой неохотой, применение огнестрельного оружия для очистки центра города от демонстрантов, несмотря на то, что царица считала, что в этом нет необходимости. Стрельба побудила Родзянко телеграфировать царю в Ставку.

телеграмма была отправлена из Петрограда в восемь минут одиннадцатого вечера и получена Государем через сорок восемь минут. Даже в этот момент «Толстяк Родзянко», человек, которого фракция императрицы изображала тайным республиканцем, показал, насколько он и многие либералы не хотели революции, а хотели лишь какого-то признака сильного лидерства с престола.

Его Императорскому Величеству, Армии в
Полевой Ставке Главнокомандующего Ваш
вернейший слуга докладывает Вашему Величеству, что народные
восстания, начавшиеся в Петрограде, принимают неудержимые и
угрожающие размеры. Их причина – нехватка хлеба и плохая
поставка муки, что сеет панику, но главная причина – абсолютное
недоверие к властям, не компетентным вывести страну из тяжелого
положения.

Из-за этого обязательно будут разворачиваться события, которые
можно временно сдержать за счет пролитой крови невинных
граждан, но сдержать которые в случае повторения будет невозможно.
Вспышки могут перекинуться на железные дороги, и тогда жизнь
страны остановится в самый неподходящий момент. Заводы,
работающие на военных в Петрограде, закрываются из-за отсутствия
топлива и сырья, рабочие остаются без дела, а голодная, безработная
толпа становится на путь стихийной и неуправляемой анархии.

Во всей России железнодорожное сообщение находится в полном
беспорядке. Из 63 доменных печей на юге работают только 28 из-за
отсутствия поставок топлива и необходимого сырья. Из 92 доменных
печей на Урале 44 стоят, а производство чугуна с каждым днем
сокращается, что грозит большим сокращением производства гильз.
Опасаясь неумелых распоряжений властей, народ не везет свои
хлебные продукты на рынок, останавливая мельницы и угрожая
армии и остальному населению всей силой дефицита муки.
Государственная власть полностью парализована и совершенно не
способна навести порядок. Ваше Величество, спасите Россию; ей
грозит унижение и позор. В этих условиях война не может быть
доведена до победного конца, потому что брожение уже перекинулось
на армию и грозит усилиться, если

нельзя положить решительный конец анархии и государственному беспорядку. Ваше Величество, срочно созовите человека, которому может доверять вся страна, и поручите ему формирование правительства, которому будет доверять весь народ. Возродившись верой в себя и своих лидеров, вся Россия будет прислушиваться к такому правительству. В этот страшный час, небывалый по своим ужасным последствиям, другого выхода нет и медлить нельзя.

Председатель Государственной Думы,
Михаил Родзянко10 —

На следующий день петроградский гарнизон взбунтовался и поклялся, что больше никогда не будет открывать огонь по протестующим. Люди, которые могли бы повиноваться приказам правительства, которые погибли бы в последней канаве, защищая монархию, давно погибли на фронте — были срублены в кавалерийской атаке под Танненбургом или погибли в походах по защите Украины.

Эти солдаты обычно были новобранцами, практически не лояльными к царю и его прелюбодейной жене-шпионке, и они не стреляли в людей, чьи взгляды они разделяли. Мятеж гарнизона означал, что имперское правительство потеряло контроль над своей столицей; один генерал из адмиралтейства дошел до того, что написал, что они находятся в осадном положении. Николай наконец решил вернуться домой. Генералу Николаю Иванову был отправлен приказ вернуть часть передовых войск в Петроград и подавить восстание, пока оно не стало еще хуже. Директор Эрмитажного художественного музея в Зимнем дворце писал: «Город сотрясается от самых страшных звуков: битого стекла, криков и выстрелов». II, царя, положившего конец крепостному праву, гоняли по улицам, как футбольный мяч. На уличных фасадах и правительственных зданиях двуглавые орлы династии были сорваны и брошены в сточную канаву. Толпа освободила около 8000 заключенных, большинство из которых были мелкими уголовниками, имевшими все основания способствовать следующей фазе беспорядков — разграблению Дворца правосудия, зданий судов, тюрем и офисов как обычной, так и тайной полиции. Все отчеты этих учреждений благополучно сгорели. В дома среднего класса врывались, их жители часто грабили и нападали воры и

насильников, освобожденных из городских тюрем. Всего за несколько дней только в столице в результате самосуда погибли 1500 человек и около 6000 получили ранения. В то же время премьер-министру сообщили, что царь хочет временно распустить Думу и править с военными, пока не утихнут беспорядки. Когда этот приказ был доставлен в Таврический дворец, депутаты отбросили его в сторону. Василий Шульгин, монархист, повернулся к Родзянко и грустно сказал: «Берите власть. Положение простое; если вы этого не сделаете, это сделают другие». Все бывшие министры империи были арестованы, отчасти для того, чтобы спасти их от линчевания толпой, но также и для того, чтобы создать впечатление, что Дума что-то делает для исправления положения. В другом крыле Тавриды социалистическое движение, наконец, попыталось контролировать ситуацию в свою пользу – обосновался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Две России, стремящиеся к переменам, Либеральная и Левая, были разделены коридором. Подобно Хуану Перону тридцать лет спустя, когда Александр Керенский, придерживавшийся левых взглядов, вышел из Думы, чтобы произнести речь в Совете, он снял пальто и воротник, чтобы больше походить на члена рабочего класса.

Когда царский поезд мчался в сторону Царского Села, путь ему преградили солдаты, сочувствовавшие революции. Ему пришлось отклониться и укрыться в соседнем городе Пскове, где находившиеся на борту пытались решить, как лучше двигаться дальше. Царь послал телеграмму в Петроград, обещая новый кабинет и премьер-министра с значительно расширенными полномочиями, которые будут приемлемы для Думы. Но это было все равно, что пытаться изменить курс корабля, который уже столкнулся с айсбергом. Родзянко телеграфировал одному из генералов: «Вы и его величество, видимо, не в состоянии понять, что происходит в столице. Произошла страшная революция. Ненависть к императрице достигла апогея. Чтобы предотвратить кровопролитие, я был вынужден арестовать всех министров — сам вышусь на волоске. Сила ускользает из моих рук. Меры, которые вы предлагаете, слишком запоздали. Время для них ушло. Возврата нет».13

Наутро за завтраком генерал Рузский преподнес царю телеграммы тех, у кого он запоздало искал совета, — монархистов, либералов, генералов и адмиралов. Его начальник штаба генерал Алексеев писал о «постоянно растущей опасности распространения анархии на всю страну, продолжающемся разложении армии и

невозможность продолжения войны в нынешних условиях... В связи с этим усердно прошу Ваше Императорское Величество соизволить немедленно издать из Ставки следующий манифест...» Бывший главнокомандующий великий князь Николай телеграфировал, что нынешний кризис «требует принятия чрезвычайных мер. По долгу и духу моей присяги верноподданного считаю необходимым умолять Ваше Императорское Величество преклоненно колени спасти Россию и Вашего наследника, зная Ваше чувство святой любви к России и к нему. Совершив над собой крестное знамение, передай ему свое наследие. Другого выхода нет. Известный военный тактик генерал Алексей Брусилов, ответственный за некоторые из самых впечатляющих побед армии над Австро-Венгрией, писал, что «исходя из моей верности и любви к родине и царскому престолу... в данный момент единственный способ спасти положение и создать возможность продолжения борьбы с внешним врагом, без которого Россия погибнет, — это отречься от престола в пользу наследника Его Величества.

Цесаревич с великим князем Михаилом Александровичем в качестве регента. Другого выхода нет. Генерал Алексей Эверт писал, что армия больше не будет следовать за Николаем и что «необходимо немедленно принять решение». Адмирал Балтийского флота Непенин заявил, что больше не может управлять своими войсками или экипажами. Все они были единодушны¹⁴. Единственным способом спасти империю для Николая II было отречение от престола.

Читая эти телеграммы, Николай, весь побледнев, встал из-за стола и прошел в другой конец вагона-ресторана, где закурил и стал смотреть в окно. Предательство, как он это видел, армии ранило его больше всего, и многовековое почитание семьи Романовых армии означало, что он знал, что не может править без нее. Политики и генералы, по-видимому, наконец сошлись во мнении: Николай должен уйти ради России. После нескольких мгновений оглушительно громкой тишины он повернулся к своей свите. «Я решил, что уступлю престол своему сыну»¹⁵. Новость была телеграфирована в Петроград и двум думским политикам: монархисту Василию Шульгину, который советовал Родзянко

захватить власть раньше Совета, и сразу ушел правоцентрист Александр Гучков, бывший министр торговли и коммерции. Они приедут в Псков, чтобы засвидетельствовать акт отречения и вернуть документ.

в Петроград, чтобы Дума могла принять меры для провозглашения воцарения Алексея II.

Пока делегаты ехали в Псков, Николай начал сомневаться. Он вызвал доктора Федорова, члена его бортовой свиты и одного из немногих врачей, знавших правду об истории болезни Алексея. Николай прямо спросил, будет ли Алексей физически способен стать императором в таком юном возрасте, учитывая его гемофилию. Федоров ответил: «Наука учит нас, государь, что это неизлечимая болезнь. Тем не менее, те, кто страдает от него, иногда достигают глубокой старости. Тем не менее Алексей Николаевич находится во власти несчастного случая»¹⁶. Затем Федоров указал, что, если отречение от престола пойдет по плану, Николай, Александра и их дочери, вероятно, будут отправлены жить за границу. Даже если бы им разрешили остаться в России, и учитывая непопулярность Александры, столь же маловероятную, сколь и опрометчивую, было бы очень мало шансов, что им будет разрешен постоянный доступ к Алексею. Так или иначе, ребенок почти наверняка будет изъят из-под опеки матери.

К тому времени, когда Шульгин и Гучков сели в канцелярский поезд в девять часов вечера и были проведены в его вагон-салон, Николай уже передумал. Он пригласил их сесть и объяснил, что теперь намерен отречься от престола за себя и за Алексея. «Я решил отказаться от своего трона.

Сегодня до трех часов я думал, что отрекусь от престола в пользу своего сына Алексея, но теперь я изменил свое решение в пользу моего брата Михаила. Я надеюсь, вы поймете чувства отца». Это было катастрофическое решение, но его можно было понять. Разлучение Алексея с Александрой вполне могло вызвать у нее сердечный приступ, и это подвергло бы жизнь мальчика большой опасности, если бы он снова упал, а Александры не было рядом, чтобы позаботиться о нем. Его восхождение на трон также означало бы, что о своем положении он сообщил бы множеству людей и придворных, которым теперь предстояло служить новому царю и защищать его. Несмотря на это, у Николая технически не было законного права отречься от престола ради Алексея. Монархисты в последующие годы должны были оплакивать двойное отречение, утверждая, что оно отбросило хорошо продуманный план спасения монархии. Сергей Сазонов, бывший министр иностранных дел Николая, выразил горечь многих из них, когда сказал другу: «Мне не нужно говорить вам о моей любви к Императору и о том, с какой преданностью я служил ему. Но пока я жив, я никогда не прощу ему отречения за его

сын. У него не было ни тени права на это. Есть ли в мире свод законов, который позволяет отказаться от прав несовершеннолетнего? Да и что говорить, когда эти права самые священные и августейшие на земле? Представьте себе уничтожение трехсотлетней династии и этого колоссального творения Петра Великого, Екатерины II и Александра I. Какая трагедия! Какая катастрофа!»¹⁸ В Пскове Шульгин и Гучков были встревожены изменением плана. «Мы рассчитывали, что фигура маленького Алексея Николаевича окажет смягчающее воздействие на передачу власти», — сказал Гучков.

«Его величество обеспокоено тем, что если трон перейдет к его преемнику, то его величество будет отделено от него», — пояснил один из генералов. Шульгин признался: «Я не могу дать на это категоричный ответ». Гучков настаивал на том, что их приоритетом было спасение монархии, а не обеспечение будущего счастья императорской семьи: «Мы опасаемся, что если будет объявлена республика, будут междоусобицы». Но вскоре они начали отказываться. Шульгин говорил о Совете, занимавшем фланг Таврического: «В Думе ад, сумасшедший дом. Нам предстоит начать решительную борьбу с левыми элементами, и для этого нам нужна какая-то база. Что касается вашего плана, давайте обдумаем его в течение четверти часа.

Этот план имеет то преимущество, что не содержит мысли о разделении, а с другой стороны, может способствовать дальнейшему спокойствию, если брат ваш, великий князь Михаил Александрович, как полноправный монарх, присягнет на конституцию и одновременно вступит на престол». Николай действительно предложил им еще подумать, но Гучков в конце концов отказался от этого предложения: «Ваше величество, в вас заговорило человеческое отцовское чувство, и политике здесь нет места, поэтому мы не можем возражать¹⁹ против вашего предложения». Шульгин, Гучков, врач и поддержка генералов, после некоторых первоначальных колебаний, по крайней мере, снимают с Николая II обвинение в том, что он подписал двойное отречение вопреки совету монархистов об обратном

Начальнику штаба: В

эти дни великой борьбы с внешним врагом, который вот уже почти три года пытается поработить нашу страну, Господь Бог усмотрел ниспослать на Россию новое суровое испытание. Развивающиеся внутренние народные волнения грозят катастрофическими последствиями для дальнейшего ведения беспощадной войны.

Судьба России, честь нашей героической армии, благо народа, все будущее нашего дорогого Отечества требуют, чтобы

война должна быть доведена до победного конца во что бы то ни стало. Жестокий враг собирает свои последние силы, и близок час, когда наша доблестная армия вместе с нашими прославленными союзниками сможет полностью разгромить врага.

В эти решающие для жизни России дни Мы считали долгом совести способствовать тесному единению Нашего народа и сплочению всех народных сил для скорейшего достижения победы, и, по согласованию с Государственной Думой, Мы считаем благом отречение от Престола Государства Российского и сдачу верховной власти.

Не желая расставаться с возлюбленным сыном Нашим, Назначаем Преемником Нашим Брата Великого Князя Михаила Александровича и благословляем его вступление на Престол Государства Российского. Поручаем Брату Нашему вести государственные дела в полном и непоколебимом единстве с представителями народа в законодательных учреждениях по тем принципам, которые они определяют, и на сем принести нерушимую клятву.

Именем горячо любимой нашей Родины мы призываем всех верных сынов отечества исполнить свой священный долг перед этой землей в послушании Царю в эту трудную минуту народных испытаний и помочь Ему вместе с представителями народа, вести Российское Государство по пути победы, процветания и славы.

Да поможет Господь Бог России.
Николай

Как только Николай подписал, обычно сдержанный Шульгин расплакался. — О, ваше величество, — плакал он, — если бы вы сделали все это раньше, хотя бы до созыва последней Думы, может быть, все это... — Он оборвал себя, не в силах договорить и продолжал плакать. Николас посмотрел на него на удивление бесстрастно и спросил: «Как вы думаете, этого можно было избежать?»²⁰. В изучении истории мало вопросов, — на которые можно было бы ответить более убедительно и определенно: да. Это было 2 марта 1917 года в России, 15 марта, в мартовские иды, на Западе.

В Думе республиканские политики, такие как Александр Керенский, с облегчением встретили известие об отречении, но утверждали, что великий князь

Михаил тоже должен уйти. Толпы за пределами Таврического высмеивали имя Михаила и кричали: «Да здравствует республика!», в то время как другие политики утверждали, что монархию необходимо сохранить, потому что она была единственной силой, скрепляющей империю. Без своих древних законов и прерогатив России пришлось бы освободить такие страны, как Финляндия, Прибалтика и, может быть, даже плодородные равнины Украины. О таких шагах нельзя было и мечтать во время войны.

Другие за пределами Думы были ошеломлены решением Николая, в том числе многие члены его большой семьи. Его зять Александр, который всего несколько недель назад накричал на Александру, подумал, что «Ники, должно быть, сошел с ума. С каких это пор государь отрекается от престола из-за недостатка хлеба и частичных беспорядков в столице?»²¹ В Киеве вдовствующая императрица назвала это «величайшим унижением в своей жизни»²². Она настояла на том, чтобы мчаться на север к сыну, который ему разрешили ненадолго вернуться в Ставку, чтобы собрать свои вещи, собрать слуг и проститься с войсками. «Подумать только, что я доживу до такого ужаса», — сокрушалась она и, пронесшись через заснеженный перрон, чтобы сесть в поезд своего сына в Ставке, чуть не упала в обморок у его ног. Когда фрейлина предложила сделать семейную фотографию, чтобы отметить их воссоединение, Мари не смогла заставить себя написать его как бывшего царя и отмахнулась от камеры. Когда она спросила его, как он мог отказаться от престола, Николай ответил: «Что я мог сделать, когда Николаша [прозвище в семье великого князя Николая] и генерал Алексеев попросили меня уйти в отставку ради страны?»

» его мать поднимает один редко обсуждаемый аспект отречения. Телеграммы, которые генерал Рузский положил на стол царя в Пскове, сводились к согласию, что только его отречение может спасти империю. Эти телеграммы, в свою очередь, были собраны и переданы Рузскому генералом Алексеевым, начальником штаба армии, который несколько дней вел переговоры с Родзянко. Оба мужчины согласились с тем, что Николай должен отречься от престола, если война должна быть выиграна, и Родзянко в частном порядке был убежден, что монархизм, возможно, исчерпал себя в России, потому что он навсегда был испорчен плохими решениями Николая и Александры. Чтобы убедить Николая прыгнуть, они тщательно контролировали информацию, к которой он имел доступ. Почему, если телеграммы могли доходить до великого князя Николая, адмиралов и генералов, не предпри-

членов императорской семьи? Почему никто не попытался связаться с вдовствующей императрицей, дядей Николая, великим князем Павлом, который был в постоянной связи с Думой по поводу предложений по обеспечению будущего монархии, или с великим князем Александром? То, что их всех можно было быстро найти и даже привести на его сторону, показала скорость, с которой вдовствующая герцогиня смогла присоединиться к нему в Ставке через несколько дней после отречения. Те, кто по вполне веским причинам считали, что Николаю II необходимо отречься от престола, сознательно манипулировали потоком информации в эти решающие 36 часов в Пскове и лишали его доступа к мнению тех, кто с такой же искренностью считал, что Николай все еще мог спасти ситуацию, и что любая смена монарха в нынешних обстоятельствах окажется фатальной для выживания и

В Царском Селе императрица все еще суежилась в больницах своих детей. Она была права, опасаясь, что Анастасия заболела корью, как ее брат и старшие сестры. Она тоже была сейчас в постели. Мария, почувствовав, что с внешним миром что-то не так, бегала вокруг, помогая матери, и ее вес, как у щенка, быстро уменьшался. Однажды поздно ночью Александра, Мария и одна из фрейлин императрицы вышли поговорить с гвардейцами в шубе, накинутой поверх белой формы Александры. Она поблагодарила их за верность ее семье и послала им чай, пока они занимали свои позиции, готовясь защищать дворец, если на него нападут глубокой ночью. На следующее утро прибыли двое дворцовых слуг с листовками из столицы, возвещавшими об отречении императора. Александра отвергла это как республиканскую ложь, пока дядя Николай Павел, отец Дмитрия, убийцы Распутина, не отправился в Царское Село, чтобы сказать ей правду. Она собиралась отправиться в больницу и была одета в униформу медсестры, когда его впустили внутрь. Как только он сообщил эту новость, по ее лицу покатились слезы. К его удивлению, в нем не было гнева, только великая печаль. Она оплакивала агонию, которую, должно быть, перенес Николай в последние несколько дней: «Если Ники сделал это, то это потому, что он должен был это сделать...» Она приняла положение своего зятя как нового царя и строила планы, чтобы перевезти свою семью на юг, в их летний дворец в Крыму. Александра вышла с их встречи с налитыми кровью глазами и искаженным потрясением лицом. Ее фрейлина Лили Ден подумала, что она странно ходит. Она бросилась вперед и поддерживала ее, пока та не достигла письменного стола между окнами.

Она тяжело прислонилась к нему и, взяв меня за руку, отрывисто сказала:

«Abdiqué». 25 Императрица отправилась на поиски Марии, а фрейлина позже обнаружила мать и дочь в углу спальни Марии, обнявшимися и жалобно плачущими. На следующий день Виктор Зборовский, один из дворцовых стражей, много лет знавший великих княжон, написал, что прежняя наивность Марии исчезла, и на ее место пришла «серьезная, рассудительная молодая женщина, глубоко и вдумчиво отвечавшая на Весть об отречении —

была доведена до великого князя Михаила, который впоследствии присутствовал на митинге на Миллонной улице в Петрограде, на котором Родзянко сообщил ему, что решение Николая отречься от престола в пользу Михаила, а не Алексея, не сошел хорошо. Тем временем было объявлено временное правительство для разрешения кризиса, и они, к сожалению, не могли контролировать, какие неформальные полномочия Совет уже приобрел для себя или как гарнизон отреагирует на известие о другом взрослом Романове на троне. Демонстрации антимонархического насилия и осквернения символов монархии по всей столице говорили сами за себя. Тот факт, что Совет знал о выдвижении Михаила на престол и уже призывал к его аресту и возможной казни, испугал остальных. В каминной решетке гостиной бушевал огонь, когда Родзянко, Керенский и другие собравшиеся политики сообщали Михаилу о тяжелом положении, в котором оказались все они, и он в частности. Присутствовавшие Шульгин и Гучков были удивлены тем, что то, что казалось таким разумным в царском поезде в Пскове, в Петрограде сочли невозможным. В очередной раз информация, поступающая к главе Дома Романовых, очень жестко контролировалась. Князь Георгий Львов, левоцентристский аристократ, сказал: «Я не могу поручиться за жизнь Вашего Высочества». «Величество». Заседание затянулось на два часа, на котором были выставлены гипотетические сценарии гражданской войны между Думой и Советом и подробно обсуждались уличные беспорядки.

Михаил, на десять лет моложе Николая II, был высоким и худощавым джентльменом с резким чувством юмора, уже зарекомендовавшим себя на Восточном фронте как компетентный и храбрый человек²⁸. Несмотря на прежнюю популярность среди родственников, он был отчужден от многих из них более десяти лет, когда он вызва

morganatic marriage with Natalya Brasova, a divorced aristocratic lioness, daughter of an attorney from Moscow. Family enmity because of Natalya led to the fact that another blood relative could not pass on the advice to Nicholas II in the years leading up to the revolution. Now Mikhail was called to occupy the throne of his ancestors practically without warning from the side of his brother. For some monarchists in his appointment there was something poetic, because Mikhail was called the first tsar of the Romanovs, who also saved the country from the disasters of foreign invasion on its western borders and restored law and order. It is not true, as later Rodzyanko affirmed, that Mikhail was afraid for his safety or that he was not interested in becoming emperor. On the way to the assembly Mikhail said to one of his half-brothers: «I will go as emperor from the same house, where I was accepted as a great prince». The brother (the British consul in Petrograd considered him «a prince, from whom one could get a beautiful constitutional monarch»), and at the assembly on Millionnaya Street he listened to the advice given to him by the Provisional Government³⁰. To the new regime it was necessary to give time to stabilize. As soon as this would be done, they would officially offer Mikhail the crown, which would remove any assumptions about the fact that he was a successor to the hated court politics of the last two years. In the hall there were also such people as Pavel Milyukov, leader of the Constitutional Democratic Party, who considered that monarchy could and should be saved, but he was in the minority. Under great pressure Mikhail agreed to temporarily refuse the advancement of his brother and made the following statement:

По воле брата на меня легло тяжкое бремя при возведении меня на Всероссийский Императорский Престол во время невиданной войны и народных волнений.

Вдохновленный вместе со всем народом верой в то, что благо нашей страны должно быть поставлено превыше всего, я принял твердое решение взять на себя верховную власть только тогда и когда наш великий народ, избрав всеобщим голосованием Учредительное собрание для определения формы правления и установления основного закона нового Российского государства, наделит меня такой властью.

Призывая на них благословение Божие, я поэтому прошу всех

граждан Российской империи подчиняться Временному правительству, учрежденному и наделенному полной властью Думой, до тех пор, пока Учредительное собрание, избранное в кратчайший срок всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, не проявит волеизъявления народа путем принятия решения о новой форме правления³¹.

Это был непреднамеренный документ, который прекратил существование Императорской России. В конце концов Михаила поместили под домашний арест, и он был первым Романовым, погибшим во время революции, когда он и его английский секретарь Николас Джонсон были отправлены в леса вокруг Перми и расстреляны большевиками в июне 1918 года. Михаил, раненый до того, как был убит, подполз к своему секретарю и сказал охранникам: «Позвольте мне попрощаться с моим другом». Их тела так и не были обнаружены³².

Не в силах заставить себя рассказать Алексею о том, что сделал его отец, Александра попросила его наставника сделать это за нее. Жильяр подошел к постели больного молодого человека, где нашел Алексея, как сказала его мать, с «одной сыпью, покрытой, как леопард», благодаря кори. Он начал с того, что сообщил ему, что Николай возвращается домой и что времени не было бы возврата в Ставку. Когда он сказал ему, что это потому, что Николай больше не хочет быть царем, Алексей «удивленно посмотрел на меня, пытаясь прочитать в моем лице, что произошло. "Что! Почему?»

Жильяр ответил: «Он очень устал, и в последнее время у него много неприятностей». Алексей кивнул: «О да! Мать сказала мне, что они остановили его поезд, когда он хотел приехать сюда. Но не будет ли папа после этого снова царем? Жильяр объяснил двойное отречение и решение своего дяди Михаила временно отказаться от престола. — А кто тогда будет царем? — спросил Алексей.

— Не знаю, — ответил наставник. «Возможно, теперь никто...»³⁴

Николаю потребовалась неделя, чтобы вернуться в Царское Село после прощальной поездки в Ставку. За эти несколько дней Александра, казалось, наконец уступила плохому здоровью и плохим нервам, с которыми она так долго боролась. Даже те, кто хорошо ее знал, были ошеломлены реакцией ее тела на взрыв монархии. Елизавета Нарышкина, ее Хозяйка мантий, служившая при дворе со времен царствования Александра II, испугалась того, как говорила Александра. Ее речь была

бессвязный и бессвязный; она не имела особого смысла. Наблюдая за ней с близкого расстояния, семейный врач, доктор Евгений Боткин, рассердился на то, что не заметил раньше, какой ущерб был нанесен ей стрессом. Елизавета писала: «Теперь он чувствует то же, что и я, когда видит состояние, в котором находится императрица, и ругает себя за то, что не понял этого раньше».

22 марта Николай приехал домой. На вокзале делегаты Временного правительства официально передали его новой дворцовой страже, сообщив, что экс-император и его домочадцы находятся под домашним арестом в Александровском дворце. Его под охраной отвезли с вокзала к дому, где ждала Александра с детьми, а Алексей нервно поглядывал на часы, не задержали ли его отца. Ворота дворца были закрыты, когда подъехала машина, и председательствующий часовой сделал вид, что не знает, кто находится внутри, чтобы он и его товарищ могли представить его как «Николай Романов». Некоторые из оставшихся придворных видели все это из дворцовых окон; в своих мемуарах возмущенный главнокомандующий охарактеризовал случившееся как «оскорбительную комедию»³⁶.

Гранд-маршал быстро спустился, чтобы поприветствовать Николая, и поклонился охранникам. Николай вежливо пожал ему руку и не выказал признаков запугивания, когда он и один из его наиболее верных помощников, князь Василий Долгорукий, прошли через вестибюль и вестибюли, которые теперь были полны враждебно настроенных солдат, симпатизирующих республиканцам. Когда он достиг входа в личные покои императорской семьи, слуга решил проигнорировать угрозу возмездия и распахнул двери с гулким объявлением: «Его Величество Император!» Александра вскочила на ноги и подбежала к мужу. Она бросилась в его объятия, и Николай, наконец, заплакал.

Триумф военного правительства в Имперская Германия

«Военная диктатура уже почти не скрывала

Кронпринцесса Сесилия родила своего пятого ребенка и первую дочь весной 1915 года в Мраморном дворце в Потсдаме, элегантном здании, построенном во время правления короля Фридриха Вильгельма II, монарха с «глубокими и широкими культурными интересами», который правил Пруссией с 1786 по 1797 год.¹ Ребенка окрестили Александриной в честь старшей сестры Сесилии, тогдашней королевы-консорты Дании.² У новой принцессы был синдром Дауна, и поэтому ее редко видели на публике. Однако неправда, что она была спрятана полностью. Время от времени ее изображали на памятных открытках, как и всех других внуков кайзера, а на частных семейных фотографиях Александрина, вопреки обычным стандартам той эпохи, которая часто превозносила институционализацию, счастливо позирует в поместье своих родителей рука об руку со своими братьями Вильгельмом, Луи Фердинандом, Хубертус и

Фридрих, а также ее младшая сестра Сесилия, родившаяся двумя годами позже.³ Между рождением двух принцесс политическая ситуация в империи их деда значительно изменилась. В июне 1916 года британский и немецкий флот наконец сошлись в битве при Ютландии в Северном море. Хотя британцы на самом деле потеряли — больше валового тоннажа, не было никаких сомнений в том, что это стало «однозначным поражением» Второго рейха. В порту Вильгельмсхафен через четыре дня после его завершения он заявил, что оно затмило британскую победу при Трафальгаре в 1805 году⁵. (Он признал, что это было поражение много лет спустя.) В 1916 году также произошли большие неудачи на Западном фронте. Сражения при Вердене и Сомме почти ничего не дали. В результате последнего союзники приобрели шесть миль территории в битве, которая унесла в общей сложности чуть более 1 миллиона жизней. Обе стороны бросили в эти сражения почти все, что у них было, в попытке выйти из тупика. Танк

И все же, казалось, ничего не изменилось на кровавых полях Фландрии, где теперь росли только маки, а в воздухе стоял густой дым и запах крови.

Первомай 1916 года Карл Либкнехт, лидер ультралевых союзников Спартака, был арестован на антивоенной демонстрации в Берлине. Несогласие также исходило от правых: баварские роялисты призывали свой двор возглавить отделение Баварии от Рейха и восстановить ее независимость до 1871 года. Учитывая все это, а также их собственные частые связи с повстанцами во враждебных странах, немецкое правительство, возможно, считало, что ему повезло, что вооруженное восстание не вспыхнуло, как это произошло в Соединенном Королевстве, когда Ирландское республиканское Братство попыталось начать националистическую революцию на улицы Дублина. Так называемое Пасхальное восстание было подавлено с большей силой, чем многие в Ирландии, даже его критики, считали необходимым, но захват немецкого траулера в заливе Трали с 20 000 винтовок, предназначенных для юнионистам-повстанцев, позволил правительству и его сторонникам-изобразить восстание как таковое имело враждебную поддержку. Ходили даже слухи, что некоторые ирландские националисты иностранной державы. хотел предложить независимый ирландский трон принцу Иоахиму, младшему сыну Вильгельма. Идея Гогенцоллерна, короля Ирландии, безусловно, захватывающая гипотетика, но она особенно ненадежна даже в качестве полета контрреальной фантазии. Лишь в 1917 году, через год после восстания, ирландские сепаратисты окончательно отвергли всякий прежний интерес своего движения к монархизму, но и до этого большинство его лидеров были в душе республиканцами, и трудно себе представить, как протестантскому князю нравилось Иоаким, возможно, мог бы быть принят королем в такой преимущественно католической стране, как Ирландия, особенно потому, что многие националисты уже планировали предоставить особый статус католицизму после обретения независимости. , если судить по их реакции.

Гораздо более серьезное предложение о троне Гогенцоллернов за границей поступило из Финляндии в конце 1917 года, когда страна провозгласила независимость после русской революции. В то же время в новой независимой Грузии шептались слухи, опять же о возможности предложить корону Иоахиму, в то время как финский парламент избрал предложение предложить свою корону зятю Вильгельма, принцу Фридриху Карлу Гессену.

женат на младшей сестре Вильгельма Маргарите⁸. Был даже составлен проект новой финской короны, но события вскоре обогнали планы новых монархий стран, освободившихся от руин Российской империи, и ко времени перемирия 1918 г. Союзники, особенно Франция и Соединенные Штаты, никогда бы не позволили немецкому принцу занять трон Финляндии⁹.

Мечты о будущих монархиях в государствах, планирующих независимость от России или Британии, множились, и даже Габсбурги продвигали не совсем неосуществимую идею передачи короны независимой Украины дальнему и фантастически харизматичному двоюродному брату Карла, эрцгерцогу Вильгельму, но реальность для существующих корон было далеко не многообещающим. Весной 1916 года канцлер фон Бетманн-Хольвег попытался успокоить свою либеральную базу и громогласные элементы социализма, пообещав значительные реформы избирательной системы после войны, что было резко осуждено наследным принцем. В то же время популярность фон Гинденбурга и генерала Людендорфа справа казалась непреодолимой. Несмотря на публичное почтение фон Гинденбурга к кайзеру, он все же был более чем готов подорвать его авторитет, когда сочтет это необходимым. По мере того как их власть и престиж росли, авторитет Вильгельма уменьшался. Между ними возникла значительная ссора по поводу будущего Эриха фон Фалькенхайна на посту начальника штаба - клика фон Гинденбурга хотела, чтобы он ушел, кайзер хотел, чтобы он остался. Фон Гинденбург, очевидно, считал, что приоритетом военных усилий должен быть прорыв Восточного фронта, в то время как фон Фалькенхайн считал более важным прорваться через британские и французские окопы во Фландрии. Тот факт, что эти двое часто рассматривались как оппозиционные программы, показывает разобщающий эффект эго фон Гинденбурга и Людендорфа. Как обычно, императрица и наследный принц лоббировали фон Гинденбурга, и Вильгельм, сопротивлявшийся им в 1914 году, уступил в 1916 году. как всегда Людендорфом.

Вместо того чтобы ограничиваться исключительно военными вопросами, фон Гинденбург использовал свое новообретенное положение и для решения политических задач. Он и Людендорф затеяли драку с канцлером, которому они и большинство товарищей-юнкеров фон Гинденбурга очень долгое время не доверяли. В марте 1917 года два генерала добились возобновления неограниченной подводной войны в Северном море и водах Атлантики вокруг

Британские острова. Это прямо противоречило желанию кайзера.

Весной прошлого года он ужесточил ограничения на атаки подводных лодок до такой степени, что их активность в Атлантике и Ла-Манше была фактически прекращена на какое-то время. Тем самым кайзер показал, что он внимательно следил за международной ареной и прежде всего за тем, чтобы удержать Америку от войны, где еще были свежи воспоминания о Лузитании, но он больше, чем когда-либо, бросал вызов немецкому населению, которое сильно страдало из-за британской блокады. В то же время восстание в Рейхстаге, возглавленное социал-демократами в знак протеста против неконтролируемой власти военных в правительстве, означало, что фон Бетманн-Хольвег больше не имел значительной силы в немецком обществе, которая его поддерживала. Только Император мог спасти его, и то, что он этого не сделал, свидетельствовало об уменьшении политического значения Вильгельма. Последняя ссора произошла из-за планов фон Бетманн-Хольвега по избирательной реформе, когда и Людендорф, и фон Гинденбург пригрозили уйти в отставку, если кайзер продолжит поддерживать своего канцлера.

Как довольно излишне указал наследный принц, Вильгельм не мог надеяться противопоставить фон Бетманн-Хольвег фон Гинденбургу в глазах общественности и ожидать, что первый победит. На самом деле на карту была поставлена популярность кайзера, поскольку канцлер осуществлял власть исключительно по усмотрению монарха. Таким образом, сила фон Бетманн-Хольвега была отражением силы его имперского хозяина. Наследный принц был прав: ничто не могло превзойти фон Гинденбурга, когда дело касалось доверия и привязанности публики. Чувствуя, что наследный принц собирается развернуть кампанию по убийству репутации, надеясь спасти императора от дальнейшего смущения и измученный разочарованием в состоянии немецкой политики, канцлер подал в отставку. Наследный принц и два генерала прибыли во дворец, готовые к всемогущей схватке, после чего утомленный кайзер сообщил им, что они уже победили: фон Бетманн-Хольвег ушел. Они убедили Вильгельма заменить его Георгом Михаэлисом, политическим ничтожеством, работавшим в отделе, отвечавшем за распределение пшеницы и кукурузы в Пруссии во время войны. Как и Людендорф, он был простолудином, и Вильгельм пытался остановить его продвижение на пост канцлера на этом основании. В очередной раз ему помешали. Надежно молчаливый Михаэлис понравился высшему командованию, поэтому он получил задание. Он был назначен в День взятия Бастилии, и кайзер, кажется, расценил это как еще один день, когда нежелательные просто

Императрица сказала ему не волноваться. Она знала Михаэлиса благодаря его поддержке одной из ее протестантских благотворительных организаций.

В июле 1917 года Вильгельм получил известие о том, что его английские кузены сменили фамилию с Саксен-Кобург-Гота на Виндзор. С момента затопления «Лузитании» Вильгельм занимал видное место в потоке антинемецкой пропаганды, захлестнувшей Британию и Америку, большая часть которой изображала его почти демоническим военачальником. Он с трудом мог понять, насколько глубоко его ненавидят на родине его матери. Фигура «Кайзера Билла» была аксиомой зла, и нарастающая волна ксенофобии в Британии с ее ненавистью ко всему германскому начала расшатывать основы британского престола. Хотя король Георг был сыном датской принцессы, а его собственная жена родилась в Англии, каждый британский монарх, начиная с Георга I, вступившего на престол в 1714 году, и заканчивая королевой Викторией, умершей в 1901 году, женился на немке. В результате у британского королевского дома было множество немецких родственников, немецкое династическое имя и множество тевтонских связей, от которых им нужно было избавиться.

За месяц до смены названия немецкие цеппелины начали воздушные налеты на Лондон, и подводные лодки снова оказались бесконтрольными в открытом море. В статье для The Times Герберт Уэллс назвал семью Георга V «импортированной династией». Он утверждал, что «европейская династическая система, основанная на смешанных браках группы преимущественно немецких королевских семей, сегодня мертва. Оно только что умерло, но оно так же мертво, как правление инков. Британская империя сейчас очень близка к пределу своей выносливости с королевской кастой германцев. Выбор британской королевской семьи между ее народами и ее кузенами не может быть определенно [sic] отложен. Если бы это решение было принято сейчас, публично и смело, не могло быть никаких сомнений в том, что это решение означало бы возрождение монархии и огромную вспышку роялистского энтузиазма в империи». придворному: «Возможно, я не вдохновляю, но будь я проклят, если я инопланетянин».

«Публично и смело» — именно так поступила британская королевская семья. Все немецкие связи были разорваны, те родственники, которые встали на сторону Британии, должны были переименовать себя из Баттенбергов в Маунтбаттенов, а само династическое имя было изменено публичным провозглашением на Виндзор, в честь замка, впервые построенного королем Вильгельмом Завоевателем и связанного с ним. с монархией Англии для

лучшая часть 900 лет. Когда Вильгельм услышал эту новость, он иронично спросил, не хочет ли кто-нибудь пойти в театр на представление «Веселых жен из Саксен-Кобург-Готы». (Немецкие связи британского королевского дома сегодня еще более тонкие, с последующими браками будущего короля Георга VI с шотландской аристократкой леди Элизабет Боуз-Лайон в 1923 году, принца Чарльза с английской леди Дианой Спенсер в 1981 году и принцем Уильямом с Кэтрин Миддлтон в 2011 году. Несмотря на любопытное упорство ксенофобной шутки о том, что Дом Виндзоров по сути является немцем, в последний раз член ближайшей королевской семьи женился на немецком коллеге, когда принцесса Беатрис вышла замуж за принца Генриха Баттенбергского в 1885 году.)

Георг V сделал шаг, на который Вильгельм II, казалось, был неспособен; он делал все, что в его силах, чтобы британская монархия шла в ногу с изменчивым настроением ее империи, и если это означало принятие трудных или даже иногда смущающих решений, то пусть будет так. В отличие от Георга V, руководство Вильгельма считалось многими людьми совершенно несовместимым с армией, флотом и Рейхстагом, что было сложной задачей, учитывая, что эти трое также часто расходились друг с другом. Курт Рицлер, секретарь бывшего канцлера фон Бетман-Хольвега, отмечал в своем дневнике: «Император ужасающе непопулярен среди высших слоев общества, консервативен и либерален». Как и в случае с Николаем II, постоянные визиты Вильгельма на фронт и отсутствие Берлин удалил его из поля зрения общественности, и, поскольку всем было известно, что фактическими операциями руководили Людендорф и фон Гинденбург, Вильгельм выглядел избалованным и немного смешным дилетантом, который не давал армии ничего, кроме расходов своего окружения. Прежнее убеждение фон Бетманн-Хольвега в том, что держать короля Гогенцоллернов подальше от его солдат, повредит его популярности, больше не имело значения, поскольку война затягивалась, и мнения о ней в Германии еще больше разделились. Если бы Вильгельм провел больше времени в Берлине, у него могло бы сложиться впечатление, что доминирование фон Гинденбурга и Людендорфа в высшем командовании было преднамеренной политикой, когда генералы командовали одним полем, потому что государь должен был оставаться в столице, чтобы А так Вильгельм производил впечатление собаки, гонящейся за фон Гинденбургом по пятам и надеющейся на крохи славы, упавшие с его стола.

1917 год ознаменовался триумфом «безмолвной диктатуры» во Втором рейхе с правительством, в котором доминировало высшее командование, которое играло мускулами, меняя политику и министров, и которое теперь обладало практической властью, намного большей, чем что-либо, которым обладало правительство. два института, специально признанные конституцией, монархия и Рейхстаг. Новое прозвище Людендорфа было «Генерал, что вы скажете», потому что все так охотно подчинялись его командам. Говоря о будущем, генерал Что скажешь, продвигал идею о том, что у Германии есть только два варианта: либо полная победа, либо гибель. Столь сильной и фанатичной была его упорная решимость столкнуться с гибелью и навлечь ее на миллионы своих соотечественников, если они не смогут победить, что даже наследный принц начал смотреть на Людендорфа с ужасом. В конце концов, Людендорф должен был уступить, а затем обвинить в поражении всех остальных, но никто не мог быть уверен в 1917 году, что он не воспользуется своим влиянием, чтобы затянуть войну до последней капли доступной крови. Опасения наследного принца особенно усилились, когда возобновление тотальной войны на море вызвало кошмар, которого так долго боялся его отец, — Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну на стороне Британии и ее союзников. Тысячи новобранцев хлынули через Атлантику, чтобы пополнить союзные войска и броситься через окопы на осажденных немецких солдат во Фландрии.

В Вене новости убедили императрицу Зиту, что пришло время прыгнуть и оставить Германию наедине с поражением. Члены немецкого высшего командования внимательно наблюдали за ней и подозревали, в чем заключалась ее лояльность, но пока ничего не могли доказать. На официальном обеде, устроенном для гостей посольства Германии в Вене, адмирал Хеннинг фон Хольцендорф, член немецкой делегации и решительный сторонник неограниченной деятельности подводных лодок, не сделал ничего, чтобы рассеять низкое мнение Зиты о манерах ее союзников, когда он бросил ей вызов через стол: «Я знаю, что вы против войны подводных лодок, как и против войны вообще».

— Я против войны, как и любая женщина, которая предпочитает видеть людей счастливыми, а не страдающими, — гладко ответила императрица.

Затем, вторя убеждениям своего друга Людендорфа, фон Хольцендорф насмешливо рассмеялся. «Страдание — какое это имеет значение? Я работаю лучше всего, когда

у меня пустой желудок; тогда нужно затянуть пояс и продержаться».

Зита ответила, многозначительно взглянув на громадный живот адмирала и заявив: «Мне не нравятся разговоры о «выдержке», когда человек сидит за полностью накрытым столом». Затем императрица погрузилась в приличное молчание. Пять дней назад она и ее муж впервые с начала войны вступили в контакт со своими братьями в бельгийской армии. война.

OceanofPDF.com

Дело Сикста и попытки положить конец войне

«Мне кажется, мы бы с радостью заключили с вами мир

Граф Оттокар фон Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии с 1916 по 1918 год, был первым крупным политическим назначением, которое император Карл сделал после своего вступления на престол. Фон Чернин имел предыдущий опыт работы послом за границей, работая в посольствах в Париже, Гааге и Бухаресте; он был вежлив, хотя и несколько эмоционален, и очень умен. Потомок древнего аристократического дома, он был большим фаворитом эрцгерцога Франца Фердинанда, потому что разделял стойкий монархизм эрцгерцога, а также его враждебность по отношению к венгерскому национализму. В течение нескольких недель после своего назначения министром иностранных дел граф неохотно боролся с решением Германии возобновить неограниченную деятельность подводных лодок в открытом море. И он, и Карл были категорически против этой политики в принципе, но чувствовали себя бессильными остановить ее на практике: «Я обнаружил у императора такое же неприятие этого нового метода борьбы и ту же озабоченность его последствиями. Но мы знали, что Германия уже твердо решила начать усиленную подводную войну во что бы то ни стало, и что все наши —

доводы, следовательно, не имели практического веса». Между австро-венграми и немцами состоялись две конференции о проблеме подводных лодок, и, по словам биографа Зиты Гордона Брук-Шеперда, в обоих случаях «испуганные взывали к глухим»². Морально католицизм императора и императрицы был оскорблен идеей гражданских лиц, особенно выходцев из нейтральных стран, погибающих из-за стратегии. На более прагматическом уровне, как и кайзер, они считали, что его повторное введение приведет к тому, что Соединенные Штаты вступят в войну против них. Имея это в виду, Зита использовала свое значительное обаяние, чтобы подружиться с Фредериком Кортлендом Пенфилдом, послом США в Вене, и его женой Энн. Получив в молодости образование в частных школах Англии и Германии, Пенфилд пользо

его жена была дочерью покойного промышленного магната Уильяма Вейтмана I, который отвечал за внедрение хинина в Соединенные Штаты. Таким образом, миссис Пенфилд была чрезвычайно богатой женщиной, сегодня ее отец был бы несколько раз миллиардером, и она могла позволить себе развлекаться в мире венского бомонда. Кроме того, она была — что необычно для американских дипломатов и их жен, которые почти всегда были выходцами с Восточного побережья или из старых протестантских семей Юга, — набожной католичкой, которая недавно завещала знаменитый пенсильванский особняк своего отца монаху Успения Пресвятой Богородицы. учительский орден монахинь.

Если Зита надеялась, что ее дружба с Пенфилдами может помочь тонко передать сообщение о том, что Австро-Венгрия по-прежнему ценит дружеские отношения с Великой Республикой, это была глупая затея в том смысле, что, хотя ее мужа никогда не ненавидели так, как Вильгельма II, в конечном счете, она или кто-либо другой не могли ничего сделать, чтобы остановить вступление Америки в войну, как только подводные лодки снова начали стрелять в Атлантику. Невероятная грубость адмирала фон Хольцендорфа по отношению к ней за обедом и его пренебрежение дворцовым этикетом свидетельствовали о гораздо более широкой проблеме, с которой столкнулась Австрия к 1917 году. Их империя и их вооруженные силы теперь рассматривались как младший партнер Германии, и это восприятие укрепило реальность. Контроль фон Гинденбурга над Восточным фронтом был настолько полным, что он мог доминировать над армиями других центральных держав так же, как и над Германией. Центральным компонентом стратегии фон Чернина на посту министра иностранных дел была политика, согласно которой Австро-Венгрия не должна пытаться добиваться сепаратного мира или отказываться от своего союза с Германией, потому что это приведет к катастрофе. Когда Карл и фон Чернин посетили кайзер в январе 1917 года, чтобы неохотно согласиться, что они будут поддерживать неограниченную подводную войну, это было сделано потому, что ни один из них не видел никакого способа выйти из войны, не обрушив на свои головы весь гнев фон Гинденбурга и Людендорфа. .

Императрица не разделяла взглядов министра иностранных дел. Она знала, что два других их союзника, Болгария и Османская империя, были бесполезны: Болгария, потому что она была слишком маленькой и экономически отсталой, Османская империя, потому что она разваливалась изнутри, и так продолжалось годами. Она опасалась американского вмешательства, не доверяла немцам и ненавидела использование подводных лодок. Она также была достаточно проницательна, чтобы понять, что империя не сможет пережить еще одну зиму, как в 1916 году, и что в ней много этническ

националистическое соперничество делало невозможным скоординировать военную стратегию намного дольше. Ее брат Сикст, в настоящее время служащий в бельгийской армии, разделял ее взгляды, и в 1915 году он даже говорил с Папой Бенедиктом XV о своей вере в то, что мир может быть достигнут, если только Австро-Венгрия можно будет освободить из орбиты Германии. Святейший Отец, по-видимому, не обескураживал. Следующим шагом было обращение к одной из держав Антанты, которая могла принять мирное предложение Габсбургов.

Печать бурбонского происхождения Сикста по-прежнему имела большое значение в такой стране, как Франция, где многие люди сохраняли сильную симпатию к роялизму на протяжении большей части конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. Положение его сестры как жены будущего императора также сделало его достойным интереса для нескольких французских политиков, которые были заинтригованы слухами о том, что Австро-Венгрия может выйти из войны досрочно, предоставив Германии возможность принять окончательное решение самостоятельно. Одним из таких людей был Шарль де Фрейсине, бывший премьер-министр Франции, который пригласил Сикста встретиться с ним в Париже во время его ухода из бельгийской армии осенью 1916 года, незадолго до смерти Франца-Иосифа. Последующее интервью с нынешним премьер-министром Аристидом Брианом вселило в Сикста надежду, что теперь, когда Карл унаследовал трон, возможны какие-то переговоры между Парижем и Веной. 21 января 1917 года, за пять дней до унижительного обеда, на котором императрица была оскорблена адмиралом фон Хольцендорфом, Карл связался со своим военным атташе в Швейцарии и попросил его в строжайшей тайне связаться с Сикстом. Восемь дней спустя мать Зиты, Мария Антония Португальская, вдовствующая герцогиня Пармская, села на поезд, направляющийся в Невшатель в Швейцарии, с частным письмом от Зиты, в котором Сикст и их младший брат Ксавьер официально приглашались в Вену инкогнито и в нарушение условий, на котором Франц-Иосиф позволил им покинуть империю, когда началась война.

Было много причин, по которым братья и сестры были готовы пойти на такой серьезный риск, чтобы воссоединиться. Первая и самая важная причина заключалась в том, что они оба искренне хотели, чтобы война закончилась. То, что Зита сказала фон Хольцендорфу, было правдой. Она выступала против всего, что причиняло страдания стольким людям. Во-вторых, их близость к Карлу: Зита как его любимая жена и Сикст как один из его ближайших друзей. Они оба знали, что, несмотря на заверения, которые он давал Берлину, Карл хотел уйти. В-третьих, нужно было подумать о будущем монархии Габсбургов, которое, как справедливо полагала Зита, становилось все менее определенным с каждой новой бойней на поле боя.

Кроме того, не только австрийская монархия побудила братьев и сестер приступить к их предполагаемой мирной миссии. Они также обдумывали будущее своего родового дома Бурбонов.

Уже упоминалось, что Сикст, Зита и Ксаверий были членами очень большой семьи. Их отец, герцог Роберто I, был дважды женат. Во-первых, принцессе Обеих Сицилий Марии Пиа, от которой у него было двенадцать детей, трое из которых умерли в младенчестве. После смерти своей первой жены, родившей двенадцатого ребенка в 1882 году, Роберто женился на матери Зиты, Марии Антонии, дочери покойного короля Португалии. У них было еще двенадцать детей — когда семья переезжала из одного дома в другой, включая великолепный Шато-де-Шамбор во Франции, им понадобилось более дюжины железнодорожных вагонов, чтобы перевезти их и их слуг.

Из двенадцати детей, рожденных Роберто и Марией Антонией, все выросли во взрослую жизнь. В семье Бурбон-Парма детям прививались ценности веры и семьи - постоянно подчеркивалась двойная слава правления их семьи в Старом режиме Франции и возвышенные тайны католицизма. Никто из братьев и сестер никогда не забывает эти уроки; четыре сестры Зиты - Мария делле Неве Аделаида, Франческа, Мария Антония и Изабелла - стали монахинями, и в молодости она сама думала о подобном призвании. Нельзя сбрасывать со счетов возможность того, что и Сикст, и Зита надеялись, что успешные переговоры о мире между Австро-Венгрией и Францией возродят состояние линии Бурбонов в последней.

В 1917 году это не было такой надуманной идеей. После свержения в 1792 году семья трижды возвращалась на французский престол в течение девятнадцатого века, а в 1871 году они мучительно приблизились к четвертому. Напряженность между роялистами и республиканцами была постоянной чертой французской политической жизни на протяжении большей части существования Третьей республики. Роялисты могли занимать и занимали видные посты в вооруженных силах и правительстве. Знаменитый предок Зиты король Генрих IV стал первым королем Франции из династии Бурбонов в 1589 году, потому что он смог положить конец французским религиозным войнам. Если бы Сиксту удалось сыграть ведущую роль в освобождении страны от еще более кровавого конфликта в двадцатом веке, это могло бы возродить состояние роялистского движения во Франции или, по крайней мере, проложить путь к отмене некоторых законов, препятствующих князьям старой королевской линии от участия во французских общественных делах.

На встрече матери и братьев в Невшателе Зита узнала о французских условиях сепаратного мира. Первый заключался в том, что провинции Эльзас-Лотарингия должны быть возвращены Франции, отменив их аннексию Германией в 1871 году. Вторым заключался в полном восстановлении независимости Бельгии и ее колоний в Конго. Третьей была гарантия Австрии уважать независимость Сербии, а четвертой была передача османского города Константинополя (ныне Стамбул) России, что осуществило вековые амбиции Романовых вернуть себе древнюю цитадель православной веры. Она передала это предложение своему мужу, и они вместе работали над его ответом.

Неделю спустя Карл и Зита попросили графа Тамаша Эрдеди, венгерского аристократа, который был товарищем Карла в детстве, впоследствии другом на всю жизнь и человеком почти без политических амбиций, присоединиться к ним для частной встречи. Императорской чете был нужен не его интерес к правительству. Это была его преданность и его благоразумие. Зита дала ему небольшую карту Невшателя и посоветовала встретиться с ее братьями на улице Поммье, 7, в доме, расположенном в нескольких улицах от набережной. Он не должен был вступать в какие-либо дискуссии ни с одним из двух мужчин, просто передать пакет с несколькими документами, и, несмотря на ее привязанность к своим братьям, Зита также предупредила Эрдеди, чтобы он не говорил ни слова об ухудшении ситуации в Вене, чтобы это ослабляет позиции империи на переговорах с французами. По словам Эрдеди, на этой аудиенции именно Зита дала большую часть инструкций, а Император, наконец, заговорил в конце, когда умолял своего друга не предавать их доверия к нему. Единственными, кто знал об этом, кроме него, были Карл, Зита и граф фон Чернин. Если суждено было достичь мира, Германия не должна об этом узнать; секретность бы

Граф Эрдеди добрался до Невшателя за день до праздника Святого Валентина и передал документы, в которых Карл согласился на все французские условия, кроме пункта о Сербии. Хотя он признавал право Сербии на существование, он не брал на себя никаких обязательств, которые могли бы позволить ей расшириться либо в Боснии и Герцеговине, либо, как, казалось, предлагали французы, в Албанию. В пакете Эрдеди также было письмо от Зиты, в которой Сикст и Ксаверий снова просил лично приехать в Вену, несмотря на риск, потому что, как сказал фон Чернин, «полчаса разговора лучше, чем дюжина поездок»: на этом этапе у них были регулярные встречи с Зитой для обсуждения мирных предложений, но Император и Императрица разыгрывали свои карты очень близко к груди. Хотя непонятно как

Поскольку все, кто участвовал в этом, действительно знали, создается впечатление, что фон Чернина намеренно держали в неведении относительно некоторых подробностей французских условий. Он все еще стремился не рассердить Германию, и, поскольку его предпочтение миру, заключенному между всеми воюющими странами, было общеизвестно, он, кажется, полагал, что на данном этапе не обсуждается ничего более существенного, чем открытие дипломатических каналов. Как только они станут более прочными, они смогут принять предложение о мирных переговорах с немцами, которые, возможно, будут более склонны согласиться, если планы будут более конкретными. Очевидно, он понятия не имел, что Карл уже взял на себя обязательство поддержать французское завоевание Эльзаса-Лотарингии, и он пришел бы в ужас, если бы узнал об этом. Фон Чернин даже не подписывал никаких документов, содержащих такую безобидную фразу, как «если Германия желает отказаться от Эльзаса-Лотарингии, то Австро-Венгрия, естественно, не будет стоять на пути», несмотря на неоднократные предложения Карла сделать это. Он был с фон Черниным, Карл все еще на словах поддерживал теорию союза с Германией, но наедине он уже сказал своей жене: «Мы будем поддерживать Францию и будем использовать все средства, которые в наших силах, — чтобы оказать давление на Германию». В отличие от фон Чернина, императрица поверила Людendorфу на слово и поэтому скептически отнеслась к готовности немецкого высшего командования к миру в любом его проявлении.

Дополнительная информация была переправлена обратно в Невшатель с графом Эрдеди 21 февраля, с некоторыми мыслями фон Чернина по этому поводу и меморандумами, лично аннотированными Императором. Сиксту прямо сказали сжечь все после того, как он ее прочитает, но он чувствовал, что ему нужна копия, чтобы показать французам в качестве доказательства приверженности Габсбургов прекращению войны, поэтому он перевел некоторые из писем своего зятя и фон Чернина. документы на французский, прежде чем сжечь оригиналы. Переводы были переданы президенту Пуанкаре в Елисейском дворце 5 марта. Увидев, что сам Карл оставил личные комментарии к предложениям, Пуанкаре убедился, что это нечто значительное. Он посоветовал Сиксту и Ксаверию принять приглашение их сестры в Вену и информировать правительство о своих обсуждениях.

Братья были переодеты и провезены через Австрию, одетые как гражданские, чтобы остановиться в таунхаусе графа Эрдеди в Вене. Было не по сезону холодно, и, несмотря на то, что была последняя неделя марта, шел снег, когда их везли в замок Лаксенбург, один из имперских имперских дворцов.

семейные дома на окраине города. Когда они прибыли, было восемь часов вечера, и свет уже гас, когда их впустили через маленькую боковую дверь, ведущую в апартаменты Зиты. Императрица была вне себя от радости, увидев их после двухлетней разлуки, и в течение следующих девяноста минут она и ее муж узнавали семейные новости. В половине десятого прибыл граф фон Чернин, и Зита чинно удалилась. Даже она не могла оставаться на политической конференции между представителями иностранной державы, ее императором и министром иностранных дел его страны.

Карл, фон Чернин и Сикст так и не записали, что произошло той ночью в «Лаксенбурге», но это сделал Ксаверий, которому на момент миссии было двадцать девять лет. В свете отречения царя восемью днями ранее предложение о передаче Константинополя русским было отклонено. Возвращение византийского центра и повторное освящение собора Святой Софии всегда были навязчивой идеей Романовых. Теперь, когда они ушли, Карл и фон Чернин не видели причин, по которым Константинополь должен фигурировать в качестве условия любых мирных переговоров. Пункты о Бельгии и Сербии с вышеупомянутыми оговорками Карла были приняты, но когда были выдвинуты требования Франции об Эльзасе-Лотарингии, фон Чернин отказался. Нельзя было ожидать, что Австрия пообещает отдать участки земли, которые ей не принадлежали. Это было не только бесчестно, но и безумно. Владение Эльзасом-Лотарингией было острым вопросом между французскими и немецкими националистами задолго до 1914 года, и поэтому даже мысль о том, чтобы вмешаться, не говоря уже о том, чтобы встать на сторону Франции, вызвала бы ярость в Берлине. Таким образом, переговоры закончились безрезультатно, увязнув в вопросе Эльзаса-Лотарингии. Сикст и Ксаверий вернулись в свой безопасный дом под покровом темноты, где они обсуждали, как расположить к себе графа фон Чернина. Им удалось договориться с ним о встрече у Эрдеди на следующий вечер, 24 марта, на которой он пообещал подчиняться приказам своего государя, какими бы они ни были, но продолжал говорить о «могуществе Германии» и вреде, который она—

может нанести ей. Австро-Венгрия, если эти переговоры пойдут не так». Вернувшись в замок, Карл решил действовать без полного соучастия своего министра иностранных дел. Весь 25 марта, праздник Благовещения, был потрачен на составление твердого и письменного обязательства по условиям мира, которое Сикст мог принести в Париж, включая обещание поддержать французскую повторную аннексию Эльзаса-Лотарингии. Императрица присутствовала при составлении большей части документа, как и два ее брата. Тот факт, что п

написать документ стало намного проще, и Сикст уехал с ним, сев на вечерний поезд обратно в Швейцарию, а оттуда отправившись обратно в Париж. Пока писалось письмо, по предложению императрицы время от времени фон Чернину звонили по телефону, якобы для того, чтобы обсудить некоторые тонкости дипломатического языка. Эти телефонные звонки доказывают, что фон Чернин знал, что 25 марта 1917 года в замке Лаксенбург составлялся документ, и что в нем содержались по крайней мере некоторые пункты, которые обсуждались там двумя днями ранее. Возможно, он даже знал или подозревал, что обязательство Австро-Венгрии решить проблему Эльзаса-Лотарингии было включено, несмотря на его опасения. Его разговор с двумя братьями в доме графа Эрдеди накануне вечером, в котором он пообещал следовать примеру Карла в этом вопросе, почти подтверждает, что он знал, что Эльзас-Лотарингия должна быть упомянута в любой переписке с Францией, которая поставила вопрос о возвращении из «Потерянных провинций» в их списке целей войны.

Однако граф фон Чернин не знал, что центральная часть условий Франции заключалась в том, что не будет никаких переговоров, которые включали бы возможный мир для Германии. Предлагаемая сделка была только для Австро-Венгрии. Настойчивость фон Чернина в том, что они не могут решить проблему Эльзаса-Лотарингии без участия Германии, возникла потому, что он считал, что Сикст несет сообщение, которое коррелирует с его собственными взглядами на то, как лучше всего закончить войну, ряд компромиссов между всеми державами. . Насколько ему известно, это мнение разделял император, и Карл намеренно поощрял его в этом убеждении. Если бы фон Чернин понял, что на самом деле они планировали покинуть Германию при первой возможности, он бы никогда не участвовал ни в одной из встреч. Как полуконституционному монарху Карлу нужно было действовать с одобрения хотя бы некоторых министров своего кабинета; Таким образом, фон Чернин был обманут тем, что получил только половину соответствующей информации, а неоднократные просьбы Карла получить его подпись на некоторых документах позволяют предположить, что он рассматривал роль своего министра иностранных дел не более чем конституционное требование, которое позже можно было использовать для узаконивания полномочий императора. тайные действия при ведении переговоров с вражеской державой. То, что ни в одной из дискуссий в Лаксенбурге или позже в доме графа Эрдеди не поднимался довольно важный вопрос о сепаратном мире, убедительно свидетельствует о том, что Зита, Сикст и Ксаверий также были в заговоре, или, поскольку они видели в этом необходимость, одурачить фон Черн

что Карл точно знал, что делает, и сознательно следовал своей стратегии с фон Черниным. Ранее на переговорах Сикст писал своему зятю:

Мне кажется, что мы охотно заключили бы с вами мир на предложенной основе, но в то же время вся Франция твердо намерена вести войну с максимальной энергией против Германии, пока она не будет окончательно и решительно побеждена. Я обязан обратить ваше внимание на этот важнейший момент. Никто не готов вести переговоры с Германией до того, как она будет разбита⁸.

Хотя позже Карл отрицал это, «этот самый важный момент» был ему ясно известен с самого начала: мир с союзниками будет достигнут ценой разрыва всех связей с Германией. Его полное понимание проблемы ясно изложено в письме, которое он отправил Сиксту после их встречи в Лаксенбурге:

Прошу Вас передать Президенту Французской Республики М. Пуанкаре, секретное и неофициальное сообщение о том, что я буду использовать все средства и все свое личное влияние, чтобы поддержать оправданное возвращение Францией Эльзаса-Лотарингии. Бельгия должна быть восстановлена как независимое государство, сохраняя все свои африканские территории отдельно от компенсации за понесенные ею потери. Суверенитет Сербии будет восстановлен, и, чтобы продемонстрировать нашу добрую волю, мы готовы гарантировать ей соответствующий естественный доступ к Атлантическому морю, а также экономические уступки...⁹

Через несколько недель после того, как он написал это, Америка вступила в войну, что только усилило ощущение безотлагательности и разочарования Императора. Планы Габсбургов натолкнулись на препятствие, когда правительство премьер-министра Бриана пало во Франции и его сменил Александр Рибо, который был менее заинтересован в переговорах с австрийцами о сепаратном мире, но когда письмо Карла было показано его британскому коллеге Ллойд Джорджу. , 11 апреля 1917 года, он был полон энтузиазма, но беспокоился о том, как отреагируют итальянцы на потерю своего шанса разделить части южной империи Габсбургов. 8 мая Сикста тайно переправили обратно в Вену для дальнейших переговоров, в то время как неудача нового российского правительства на Восточном фронте заставила немецкое высшее кома

уверен, что конец уже близок. Если бы Временное правительство в России рухнуло, это дало бы Центральным державам возможность направить большую часть своих объединенных сил на Запад, и если бы это произошло, невмешательство Австрии, очевидно, было бы огромным преимуществом для Антанты. Ллойд Джордж заинтересовался предложением императора; Сикста пригласили на встречу с ним на Даунинг-стрит, 10, а затем предоставили аудиенцию в Букингемском дворце. Карл продолжал молиться и молиться о мире, но в течение нескольких месяцев ничего не происходило, поскольку союзники обсуждали между собой, стоит ли рассматривать это предложение. В конце концов, не лучше ли просто добиваться победы над Австро-Венгрией так же, как и над Германией?

Той осенью Жорж Клемансо стал новым премьер-министром Франции. Он был огнедышащим националистом, получившим прозвище «Тигр» за враждебность к врагам своей страны, и он хотел полной победы не меньше, чем Людендорф в Германии. Весной 1918 года фон Чернин совершил ошибку, публично раскритиковав Клемансо, назвав его политику главным препятствием на пути к миру в последние месяцы. Клемансо ответил на оскорбление, мстительно передав все письма Карла в прессу, которая опубликовала их в журналистском перевороте десятилетия.

Реакцию в Германии можно охарактеризовать только как истерическую. Карла и «итальянского интригана» осуждали слева, справа и в центре. В политическом смысле, в буквальном смысле. Фон Чернин бросился во дворец на лихорадочную аудиенцию у императора, на которой министр иностранных дел потребовал от Карла подписать документ, в котором отрицалось, что какое-либо из писем Сиксту было отправлено в официальном качестве и что ни в одном из пунктов обсуждения не участвовали Бельгия или Эльзас. -Лотарингия даже упоминалась. Почему Карл подписал это заведомо ложное опровержение, до сих пор вызывает удивление. Возможно, как полагал биограф Зиты Гордон Брук-Шепард, супругов подвергли шантажу по поводу безопасности ее братьев или, что гораздо более вероятно, они были запуганы и солгали из-за возможного поддерживаемого Германией ответный переворот в Вене.¹⁰ Другие полагали, что реакция фон Чернина была настолько неуправляемой, что у Карла не было другого выбора, кроме как подписать нечестное обязательство в надежде успокоить его, или что фон Чернин убедил Карла, что Людендорф будет настаивать на немецкой оккупации Австрии без полное опровержение утверждений, сделанных во французской прессе. С другой стороны, возможно, Карл просто солгал, потому что это было проще всего сделать в очень сложных обстоятельствах.

Какой бы ни была его мотивация, это была ошибка. После его опровержения были опубликованы дополнительные документы из переписки, доказывающие, как много он знал и одобрял. Разгневанный тем, что его обманули из-за пункта, который основывал все переговоры на предпосылке сепаратного мира, и напуганный ситуацией, в которой они все теперь оказались из-за этого, граф фон Чернин попросил уйти в отставку, и Карл согласился. Но прежде чем подать заявление об отставке, фон Чернин нарушил все правила аристократического этикета, когда пытался убедить Карла сделать то же самое. Императрица записала в своем дневнике «ужасную сцену с Черниным». Он снова пытается убедить Императора отступить, и когда это ему не удастся, у него случается нервный срыв, он плачет и внезапно предлагает свою отставку, которую Его Величество принимает». удивительно обаятельный граф Леопольд фон Берхтольд с иронией заметил, что в былые времена аристократы были подняты, чтобы пожертвовать собой, чтобы защитить стабильность правления монарха, но, увы, с фон Черниным «такое величие древних времен было далеко за его пределами».

Главным результатом дела Сикста стало дальнейшее ослабление позиций Австрии в войне. Чтобы предотвратить возмездие со стороны своих союзников к северу от границы, Австро-Венгрия должна была еще теснее связать себя с Германией. Великая авантюра дела Сикста провалилась, и теперь Габсбургам оставалось только погибнуть или восторжествовать вместе со Вторым рейхом.

Убийство Романовых

«Наши души в мире

Большинство руководителей России в 1917 году преследовали опасения, что их революция пойдет по образцу, заданному французами в 1789 году, и Александр Керенский, блестящий оратор, ставший премьер-министром Временного правительства через несколько месяцев после Февральской революции, не был исключением. Керенский был республиканцем, но он не хотел, чтобы насилие постигло свергнутую императорскую семью. Когда при новом режиме были сняты старые законы о цензуре, в российской прессе начался сезон Романовых, и вся старая ложь о «Николае Кровавом» и его жене получила новое дыхание. Многие, особенно в Петроградском Совете, хотели, чтобы их наказали или расстреляли за измену. Председатель Совета Ираклий Церетели выступил в Таврическом с речью, в которой утверждал: «Республику необходимо оградить от возвращения Романовых на историческую арену. Это означает, что опасные лица должны находиться непосредственно в руках Петроградского Совета». Керенский отказывался предпринимать какие-либо действия против них и неоднократно настаивал на том, что он не хочет быть —

Жан-Полем Маратом этой революции. Утверждения Совета о том, что в Александровском дворце происходили оргии или что Романовы все еще шпионили в пользу немцев, Керенский отправился в Царское Село, где впервые встретил семью в их гостиной. Он инстинктивно почувствовал страх семьи перед тем, что останется наедине с революционером, чьи намерения ворваться к ней были неизвестны. С ответной улыбкой я поспешно подошел к Государю, пожал ему руку и резко сказал: «Керенский», как всегда делаю при представлении... Николай II крепко сжал мою руку... и, еще раз улыбаясь, повел меня к своей семье. 3

Керенский вскоре сблизился с большей частью семьи, чья доброта и уязвимость в равной мере коснулись его, но ему потребовалось гораздо больше времени, чтобы полюбить императрицу. «Царь и царица представляли полную противоположность во всех мелочах, — вспоминал он, — в осанке, в мелких манерах, в отношении к людям; на словах, еще больше в мыслях. Царь говорил [со мной]; но в том и был смысл молчания царицы, что

мне было более ясно. Рядом с приятным, несколько нескладным гвардейским полковником, самым обыкновенным, если не считать пары чудесных голубых глаз, стояла прирожденная императрица, гордая, негибкая, вполне сознающая свое право на власть». Их, чтобы выяснить, были ли правдивы обвинения в измене или шпионаже, в которых он стал восхищаться Александрой за «ясность, энергию и откровенность ее слов». Граф Бенкендорф, присутствовавший на допросе Александры, позже вспоминал, что на нападки Керенского по поводу ее непопулярного участия в правительстве «Ея Величество ответила, что государь и она сама — наиболее сплоченные пары, вся радость и наслаждение которых заключаются в их семейной жизни и что у них нет секретов друг от друга; что они обсуждали все и что неудивительно, что в последние годы, которые были такими смутными, они часто обсуждали политику». манеры и тактичность. Покидая дворец, Керенский нашел время, чтобы сказать Николаю, какое впечатление произвела на него императрица : «Ваша жена не лжет»⁷. , то обаяние, которое еще больше усиливалось его чудесными глазами, глубокими и скорбными... бывший император ни разу не потерял равновесия, никогда не переставал вести себя как учтивый светский человек». По возвращении в Петроград он сообщил своим коллегам по правительству . что кампания газет и Совета против Романовых была тканью лжи.

—

Даже новоприобретенная симпатия Керенского к императорской семье не смогла спасти их от тяжелого положения, в котором они оказались. Пятнадцатилетняя Анастасия гораздо более сдержанно относилась к тому, что писала в своих письмах даже близким друзьям, потому что считала, что их почта 9 Дети выздоровели от кори, но всем девочкам обрили головы, чтобы их волосы снова отросли одинаковым образом, и они все еще были очень слабы. С тех пор Мария тоже заболела и выздоровела последней. У Ольги развился посткоревой ревматизм, у Анастасии был плеврит, от которого заболели уши, а Мария подхватила пневмонию, оставив ее настолько слабой, что несколько дней Александра думала, что умрет. Самой императрице теперь приходилось проводить большую часть времени в инвалидной коляске, так как ее зд

Весной только Татьяна и Анастасия были достаточно сильны для регулярных прогулок по саду или посещения пасхального причастия. Когда семье разрешили выйти в дворцовые сады подышать свежим воздухом, у ограды собралась толпа, чтобы улюлюкать и насмехаться над ними, большинство из которых подкупило охрану за привилегию находиться так близко к императорской семье. Если бы кто-нибудь из этих зрителей захотел убить кого-нибудь из Романовых, они были бы совершенно беззащитны. Охранники все больше становились проблемой. Однажды ночью они ворвались в гостиную семьи с криками о том, что поданы сигналы для содействия заговору монархистов о побеге — оказалось, что великая княгиня Анастасия шила, пока ее отец читал им вслух, когда она наклонилась, чтобы подобрать ткань. ее тело закрыло, а затем обнажило настольную лампу, которую охрана приняла за код воображаемых монархистов, прячущихся в поместье. непристойные сексуальные жесты в их адрес. Домашняя коза Алексея была убита, как и лебеди на искусственном озере дворца. Некоторые солдаты испражнялись в детскую весельную лодку и вырезали на ней порнографические рисунки¹¹.

Вдобавок к огорчению семьи Временное правительство считало, что в Царском Селе по-прежнему проживало слишком много придворных, некоторые из которых были названы в прессе членами вымышленной немецкой шпионской сети царицы. Две любимые фрейлины Александры, Лили Ден и Анна Вырубова, были среди арестованных и доставленных из Царского Села в тюрьму в Петрограде. Вырубову, все еще слабую после крушения поезда, в котором она чуть не погибла в 1915 году, а также выздоравливающую от той же болезни, что и великие княгини, пришлось снять с больничной койки, чтобы доковылять до ожидающего вагона на костылях. Татьяна была особенно расстроена разлукой и в качестве прощального подарка подарила двум женщинам альбом с семейными фотографиями. Ден, привыкший к невозмутимому хладнокровию Великой княгини, был удивлен и тронут рыданиями Татьяны, когда их увозили из дворца.

Керенский попытался исправить положение, назначив нового капитана гвардии в лице полковника Евгения Кобылинского, тридцатидевятилетнего ветерана и монархиста. Условия плена улучшились, и позже Николай называл Кобылинского «моим последним другом» .

сразу после отречения, такие как разделение их друг от друга между приемами пищи и ограничение их возможности разговаривать друг с другом, были исключены. План разлучить царицу с ее детьми был отложен, когда ее Хозяйка мантй указала, что разлука может убить Александру: «Это означало бы для нее смерть. Ее дети — ее жизнь».13

Керенский хотел, чтобы семья уехала из России как можно скорее. Это гарантировало бы их безопасность и в то же время сняло бы большую проблему для Временного правительства. Их постоянное присутствие раздражало как монархистов, так и их самых крайних противников, очевидно, по совершенно разным причинам. В апреле Владимира Ленина тайно переправили обратно в Россию с помощью Германии в надежде, что успешная коммунистическая революция выведет Россию из войны, а если это не удастся, то ему, по крайней мере, удастся разрушить политическую ситуацию настолько, чтобы ослабить все еще действующую Россию. -неудачное выступление на Восточном фронте. Несмотря на ту роль, которую война сыграла в разрушении монархии, республика невероятно предпочла продолжать борьбу с ней в надежде сохранить англо-французскую добрую волю и инвестиции, а также потому, что они не видели никакого выхода из войны, который не оставил бы Германия свободна навязать им карательное мирное соглашение. Давление большевиков росло с ростом числа погибших на фронте, и Керенский не питал иллюзий относительно того, что произойдет с семьей Николая, если крайне левые станут более могущественными. Были составлены планы отправить их за границу, что Александре поначалу было неудобно, потому что она не хотела порхать по континенту из одного фешенебельного места в другое, фотографируясь для светских страниц всего мира, как многие свергнутые члены королевской семьи были счастливы делать в прошлое и будет делать в будущем. Такое существование было бы для нее анафемой. Однако забота о своих детях победила ее, и она, по-видимому, предложила им переехать в Норвегию, прекрасную страну, нейтральную в войне и климат, который, по ее мнению, был выгоден для Алексея. Франция, Испания, Италия и Швейцария были кратко упомянуты как возможные места убежища для Романовых, но все более очевидным выбором казалась Британия.

В Царском Селе Николай несколько раз поднимал эту тему с учителем английского языка своих детей Сидни Гиббсом, сыном управляющего банком из Роттерхама, которого наняли несколькими годами ранее, когда дядя Александры Эдуард VII сказал ей, что ее дети подхватывают непривлекательную местную жизнь.

гнусавость от их тогдашнего учителя, мистера Эппса.¹⁴ Кайзер, стремясь помочь, раздражал своих генералов, когда обещал, что любому поезду или кораблю, перевозящему Романовых за границу, будет гарантирован безопасный проезд через Германию. Семья начала собираться, готовясь к переезду, и тут совершенно неожиданно огорченный сэр Джордж Бьюкенен, британский посол в Петрограде, сказал Керенскому, очевидно со слезами на глазах, что его страна больше не желает принимать свергнутого царя и его семья. Им придется уйти куда-то еще.

Отказ Великобритании предоставить Романовым убежище в 1917 году печально известен, и в течение многих лет вина возлагалась на левого премьер-министра страны Дэвида Ллойд Джорджа, чьи политические сомнения якобы помешали ему предложить помощь свергнутому самодержцу. Эту выдумку поддерживали даже некоторые из ближайших общих родственников Романовых и Виндзоров, такие как лорд Луи Маунтбеттен, который, возможно, знал правду, и Эдуард VIII, который, очевидно, искренне верил, что «как раз перед тем, как большевики схватили царя, мой отец лично планировал спасти его, но каким-то образом этот план был заблокирован. В любом случае, моего отца обидело, что Британия не подняла руку, чтобы спасти его кузена Ники. «Эти политики, — говорил он. «Если бы это был один из их вида, они бы действовали достаточно быстро. Но только потому, что бедняга был императором — ¹⁵

Но Ллойд Джордж на самом деле поддержал прием бывшего царя в Англии, чтобы помочь Временному правительству и потому, что он не мог придумать, каким образом он мог отказать Николаю, который был двоюродным братом Джорджа по материнской линии, и Александре, внучка уважаемой королевы Виктории. Не все разделяли мнение премьер-министра о том, что Романовых нельзя разумно отвергать.

Британский посол в Париже лорд Берти сказал, что союзникам следует избегать помощи императорской семье, потому что «императрица не только бош [уничижительный термин для немца] по рождению, но и по чувствам». Она сделала все возможное, чтобы добиться взаимопонимания с Германией. Она считается преступницей или преступной сумасшедшей, а экс-император — преступником из-за его слабости и подчинения ее побуждениям». Левые демонстрации в Альберт-холле в Лондоне, вступление Соединенных Штатов в войну, которая теперь представлялась демократией против последних остатков абсолютизма, а недавняя волна проблем с общественностью британской короны из-за ее многочисленных иностранных родственников заставила короля беспокоиться

о политических последствиях убежища, и он обратился за советом к своему личному секретарю лорду Стэмфордхэму. Его взвешенное мнение заключалось в том, что предоставление убежища Романовым свяжет британскую конституционную монархию с гнетущей иностранной автократией и спровоцирует «всех людей, которые в настоящее время требуют республики в Англии»¹⁷. На второй неделе апреля Его Величество Министерство иностранных дел в Лондоне коротко сообщило Временному правительству в Петрограде, что «правительство Его Величества не настаивает

на своем прежнем предложении гостеприимства императорской семье». остальное вне досягаемости Петроградского Совета. Они были бы в безопасности в Швеции или Норвегии, как надеялась императрица, но для того, чтобы пересечь эти границы, нужно было посадить их на поезд, который должен был пройти через Петроград или рядом с ним. Что, если бы кто-нибудь сообщил Совету, что Романовых перебрасывают и петроградский гарнизон помог им перехватить поезд? На честность охранников семьи нельзя было положиться. Нельзя исключать возможность того, что их всех будут линчевать.

Именно в этих условиях Александр Керенский подумывал о переводе семьи в место временной внутренней ссылки, подальше от столицы. Царь предложил Крым, где они могли бы разместиться на своей старой даче в Ливадии, любимой семье. Керенский признал, что у этой идеи есть достоинства. Население Крыма по-прежнему относилось преимущественно к императорской семье, и туда уже пробирались другие члены рода Романовых, в том числе вдовствующая императрица и обе сестры Николая. Если бы ситуация еще больше ухудшилась и разразилась бы гражданская война, чего многие опасались, Крым был бы легко доступен по морю, и Романовы могли бы быстро переехать за границу. Обдумывалась и возможность отправить их в одну из загородных усадеб, принадлежавших брату Николая Михаилу, но в обоих случаях это потребовало бы перемещения императорской семьи через районы России, охваченные революционным насилием и беззаконием.

В своих мемуарах Керенский оправдывал окончательное решение, принятое в августе 1917 года, о переезде семьи в город Тобольск в Сибири, хотя до сих пор неясно, была ли, даже не оглядываясь назад, Ливадия более разумным выбором. К моменту написания мемуаров в

1935 г., ужасная судьба, постигшая семью, тяжело тяготила Керенского; он стремился снять с себя обвинение в том, что он сделал недостаточно для их спасения и фактически случайно отправил их на смерть. «Я выбрал Тобольск, потому что это была захолустье... [без] промышленного пролетариата, с населением зажиточным и довольным, если не сказать старомодным... Резиденция губернатора, где императорская семья могла бы жить с некоторым комфортом. Он смутился, когда прибыл в Царское Село, чтобы сказать Николаю, что они едут в Сибирь, а не в Крым, но царь успокоил его. 'Я не боюсь. Мы верим вам. Если вы говорите, что мы должны двигаться, так и должно быть. Мы доверяем вам».19

Их жизнь в Царском Селе была насыщенной. За день до их отъезда было тринадцатилетие Алексея, и по просьбе Александры во дворец была доставлена икона Знаменной Божией Матери, чтобы отметить это событие. Пока священники возвращали его обратно через территорию, Романовы стояли на балконе и смотрели, как он уходит. Некоторые плакали, и граф Бенкендорф, наблюдая за ними, думал: «Как будто прошлое уходит, чтобы никогда не вернуться».

Вечером отъезда Керенский устроил так, чтобы великий князь Михаил пришел попрощаться. Братья обнялись и тихо поговорили. Керенский, который почему-то чувствовал, что должен наблюдать за встречами, заметил, что оба брата казались настолько ошеломленными потенциальной окончательностью ситуации, что не знали, как выразиться.

Спустя годы Керенский был тронут воспоминанием о том, как они то и дело «хватали друг друга за руку или за пуговицу пальто»²¹. его каблуки.

Александра была в своем сиреневом будуаре и плакала, а Керенский уверял группу придворных, что после ноябрьских выборов политическая ситуация стабилизируется и Романовы смогут покинуть Тобольск либо для жизни за границей, либо в Крыму. Он также нашел время, чтобы обратиться к солдатам, которые направлялись в Тобольск с семьей: «Вы охраняли здесь Императорскую семью; теперь вы должны охранять его в Тобольске, куда он переводится по распоряжению Временного правительства. Помните: нельзя бить человека, когда он лежит. Ведите себя как джентльмены, а не как хамы. Помните, что он бывший император и что ни он, ни его семья не должны испытывать никаких лишений».

Машины прибыли незадолго до шести утра. Взошло солнце — прекрасный рассвет, как позже отмечал Николай, — когда Керенский отдал приказ конвою отправиться на станцию. Те, кто остался во дворце, вышли попрощаться и молча помахали, когда Романовы и сопровождающие их лица отъехали. Их посадили в вагоны под видом представителей Красного Креста и сказали, что город, в который они переезжают, называется Тобольск. Спина императрицы не выдержала, когда ее втащили на борт. Когда поезд набрал скорость, великая княгиня Анастасия написала своему наставнику по английскому языку записку, которая заканчивалась словами «До—

свидания». Не забывай меня». 23 Путь в Сибирь был долгим и неудобным. К изумлению великих княжон, за их небольшой группой наблюдали 336 солдат²⁴. Охрана была строгой. Несмотря на летнюю жару, приходилось задергивать шторы и закрывать окна всякий раз, когда поезд проезжал через город или деревню. Однажды вечером поезд остановился возле небольшого уединенного дома, и, поскольку станции не было, путешественникам разрешили нарушать правила и размять ноги. Анастасия высунулась из окна, чтобы подышать воздухом, когда из дома выбежал мальчик, чтобы поприветствовать поезд. Волосы Анастасии еще не полностью отросли, так как они были сбриты после того, как она переболела корью, и маленький мальчик принял ее за мужчину. «Дядя, — попросил он, вероятно, ожидая новостей о том, что происходит с революцией, — пожалуйста, дайте мне, если у вас есть, газету». Какое-то мгновение Анастасия не могла понять, почему к ней обращаются как к мужчине, прежде чем вспомнила свои остриженные волосы. «Я не дядя, а тетушка, и у меня нет газеты», — ответила она. Пока мальчик рысью возвращался к своему дому, Анастасия и несколько солдат конвоя расхохотались над —

недоразумением, которое, как с сожалением признала Анастасия, было вполне разумным, учитывая ее нынешний вид. Станции в Тюмени, где они высадились, чтобы сесть на паром в Тобольск, где не было железнодорожной станции. Путешествие заняло несколько дней; что касается Керенского, абсолютная удаленность города была бы их лучшей безопасностью, если бы зима была трудной с политической точки зрения для новой республики, потому что к нему вообще нельзя было добраться, когда лето закончилось. Одной из горничных, Анне Демидовой, было противно разме-

осмотреть дом, в котором им всем предстояло жить. Бывший губернаторский особняк был захвачен местным советом во время революции; они переименовали его в «Дом свободы» и сняли с него всю мебель. Их выселили всего за несколько дней до приезда Романовых, и дом был в отвратительном состоянии. На то, чтобы сделать его пригодным для жизни, ушла почти неделя, в течение которой царь и его семья оставались на борту парома.

Несмотря на бесперспективное начало, жизнь в Tobolske была для Романовых сносной. Иногда даже почти приятно. Остальным придворным и слугам разрешили жить с ними в особняке или выделили вполне приличное жилье в доме на противоположной стороне улицы. Сочувствовавший Романову полковник Кобылинский организовал для семьи посещение службы в ближайшей церкви, где толпа часто приветствовала или благословляла их. Когда наступили осенние холода и зимние снегопады, Анастасия стала устраивать репетиции в помещении, после которых она и ее сестры разыгрывали сцены из разных спектаклей на французском, русском и английском языках, призванные поднять всем настроение по вечерам. Театральное искусство быстро стало домашним занятием: репетиторы взяли на себя задачу режиссуры, царь и царица написали программы для небольшой аудитории, семейный врач сыграл роль в одной драме, а сам Николай, наконец, взялся за роль. Смирнова, помещика средних лет, в одноактной комедии Чехова «Медведь». Однажды ночью Анастасия, которая, казалось, была полна решимости поднять всем настроение, после ужина проскользнула в гостиную в отцовских кальсонах Jaeger и начала гарцевать по комнате, представляя такое неожиданное и веселое зрелище, что даже Александра содрогнулась от смеха. какое-то время это было редкостью²⁶. В течение дня Александра присматривала за уроками своих детей и устраивала несколько собственных, когда, к своему удивлению, поняла, что почти забыла, как говорить по-немецки, на языке своего раннего детства. Жители Tobolska присылали в дом подарки в виде одежды, еды и мелких предметов роскоши, монахини местного монастыря пекли им пироги, и многие охранники теперь установили отношения со своими заключенными. Они даже начали разрешать им доступ к письмам от их далеких друзей и родственников, которые отчаянно нуждались в новостях о них.

Александра воспользовалась возможностью написать Anne Vyubovoy, сейчас освобожден из плена в Петрограде, но по-прежнему находится под наблюдением.

В полдень на уроки религии с Татьяной, Марией, Анастасией и Алексеем. У меня три раза в неделю уроки немецкого языка с Татьяной и один раз с Марией... Также я шью, вышиваю и рисую в очках, потому что мои глаза стали слишком слабыми, чтобы обходиться без них. Я много читаю «хорошие книги», люблю Библию и время от времени читаю романы... Он [Царь] просто чудесный... Остальные все хорошие, смелые и безропотные, а Алексей — ангел... Один за другим все земное ускользает, дома и имущество разрушены, друзья исчезли, я чувствую себя старой, ох, такой старой, но я все ... еще мать этой страны, и я терплю ее боль, как боль моего собственного ребенка, и я люблю ее, несмотря ни на что. его грехи и ужасы. Никто не может оторвать ребенка от сердца его матери, и вы не можете оторвать свою страну, хотя черная неблагодарность России к Императору разрывает мое сердце. Хотя это не вся страна. Боже, помилуй и сохрани Россию.

Несколько дней спустя она снова написала ему новости о семье. «Я совсем поседел. Анастасия, к своему отчаянию, теперь очень толстая, как и Мария, круглая и толстая до пояса, с короткими ногами. Я надеюсь, что она вырастет. Ольга и Татьяна обе худые»²⁷.

Пока Александра писала о «грехах и ужасах» России, худшее было еще впереди, когда Временное правительство было свергнуто в результате второй революции, приведшей к власти Ленина и большевиков. Гражданская война теперь была неизбежна, поскольку монархисты, националисты, либералы и даже многие левые группировки объединились по логике мой враг враг мой друг. Коммунизм по самой своей природе был системой, которая требовала диктатуры, и явная жестокость режима, даже в первые месяцы его существования, нажила ему много врагов.

Вскоре триумф Совета в Петрограде дал о себе знать в Тобольске. Некоторые охранники сформировали свой собственный Совет и проголосовали за то, чтобы теперь всем офицерам было запрещено носить погоны, чтобы способствовать духу эгалитаризма. Николая вырвало из этого обычное спокойствие, и он наотрез отказался снять погоны, полученные им от покойного отца, Александра III. Потребовались мольбы Александры и обезумевшего полковника Кобылинского, чтобы он отступил, и даже тогда он продолжал носить погоны наедине и просто накинул шинель поверх.

его плечи, когда он вышел на улицу. Известие о захвате власти большевиками привело Николая в ярость и уныние. Его отречение было напрасным. Он принес не мир и стабильность, как обещалось, а хаос и кошмар правительства, возглавляемого большевиками. Пьер Жильяр записал в своем дневнике в это время: «Их Величества все еще лелеют надежду, что среди их верных друзей могут найтись те, кто попытается их освободить. Никогда еще обстановка не была более благоприятной для побега, ибо в Тобольске еще нет представителя большевистского правительства. При соучастии полковника Кобылинского, уже на нашей стороне, было бы легко обмануть дерзкую, но небрежную бдительность охранников»²⁸. Большевистское —

присутствие в Тобольске вскоре усилилось, в результате чего вокруг семьи была усилена охрана. Солдаты рекламировали своих коллег, которые, как говорят, симпатизировали своим бывшим правителям. Названных увольняли, а тем, кто рисковал пойти к Николаю проститься с ним после увольнения, обычно грозил арест и тюремное заключение за контрреволюционную деятельность. Оставшиеся охранники вернулись к старой игре, насмехаясь над императорской семьей, особенно над четырьмя великими княгинями. Однажды Алексей прибежал сказать отцу, что на качелях в саду вырезаны какие-то нецензурные слова. В ярости Николас выбежал, сорвал сиденья с веревки качелей и отбросил их, прежде чем его дочери могли их увидеть.

В Москве, ныне объявленной столицей на месте Петрограда, Лев Троцкий мечтал о грандиозном публичном показательном процессе над бывшим царем, «который раскрыл бы картину всего царствования... судебное разбирательство было бы передано народу по радио»²⁹. прекрасная возможность для Троцкого продемонстрировать свои несомненные способности оратора, а также вспомнить процессы над Карлом I и Людовиком XVI. Но не все увидели мудрость в плане Троцкого. Суд может дать Николаю публичную платформу, чтобы оправдать себя или вызвать сочувствие к старому режиму. И этому тоже был прецедент. Достоинство Карла I на суде в 1649 году обратило в его пользу даже самых ярых парламентариев, в то время как Робеспьер в ярости бил тарелки из-за того, как плохо прошел суд над Марией-Антуанеттой в 1793 году, потому что он чувствовал, что это дало ей «триумф возбуждения сочувствия публики в ее последние минуты»³⁰. Была также проблема в том, что суд, даже показательный суд с заранее вынесенным приговором, по крайней мере предполагал возможность невинности. Николай был царем, поэтому о его вине не могло быть и речи.

27 апреля 1918 года, через восемь месяцев после их приезда, в Тобольск приехал комиссар Василий Яковлев, тридцатидвухлетний член Петроградского Совета, проведший годы в изгнании в Канаде после того, как за ним охотилась царская охранка. Николая, что его перевезли в четыре часа утра. Когда Яковлев не сказал ему, куда его везут, Николай отказался подчиниться. Александра прервала их разговор, ошеломленная услышанным. Алексей недавно упал и был уложен в постель. — Что ты с ним делаешь! — крикнула она. — Вы хотите оторвать его от семьи. Как ты можешь? У него больной сын. Нет, он не может уйти, он должен остаться с нами! Яковлев сказал ей, что уезжает в четыре часа утра и что у Николая нет выбора. Когда он выходил из комнаты, Александра крикнула ему вслед: «Это слишком жестоко; Я не верю, что вы это сделаете!» Полковник Кобылинский знал лучше и сказал паре, что Яковлев переместит экс-царя с его помощью или без него.

Часами Романовы обсуждали свои немногочисленные варианты. Хотя было невозможно переместить Алексея из-за его недавней травмы, Александра так и не простила себя за то, что бросила Николая, когда он столкнулся с отречением, и она отказывалась оставить его теперь, когда существовала вероятность еще большей развязки. Свидетельством того, как сильно она любила своего мужа и как она была полна решимости остаться с ним до конца, было то, что она решила оставить Алексея в Тобольске на попечение его сестер и отправиться с Николаем, куда бы они его ни вели. И Яковлев, и Кобылинский думали, что она уезжает, потому что боялась, что «оставленный один, он может сделать какую-нибудь глупость», косвенная ссылка на то, что произошло с отречением. Для тех, кто ее знал, было удивительным, что она подумывала о расставании с Алексеем, когда он был нездоров, но в четыре часа утра Александра была рядом с Николаем, когда они покидали свой дом в Тобольске и отправлялись в пятидневное путешествие в беспружинных вагонов на железнодорожную линию в Тюмени, и Александра мучилась почти с того момента, как они отправились в путь. Они решили взять с собой великую княгиню Марию, чтобы присматривать за ее матерью в пути, вместе с несколькими слугами, в том числе доктором Боткиным и Анной Демидовой, хладнокровной горничной семьи, которую Яковлев принял за фрейлину. Ольга, Татьяна, Анастасия, Алексей и большая часть оставшихся домашних остались в Тобольске, но даже с такой многочисленной свитой, которая присматривала за ними, решение Александры расстаться с ними, не зная, что их ждет в будущем, должно бы

выбор, и был ли вообще правильный выбор в таких обстоятельствах, непостижимо.

В поезде из Тюмени, когда ее спина страдала от боли, а тело начало кричать от боли, поскольку лекарства, к которым она привыкла, больше не поставлялись, Царица осталась в своем купе, а Мария составила ей компанию. Яковлев думал, что она «хитрая и гордая» и что она из кожи вон лезет, чтобы избежать солдат, по-видимому, «если она увидит часового в коридоре при выходе из ванной, она вернется и закроется, пока часовой не выйдет из ванной». коридор».32 Николай и Яковлев разговаривали в пути; комиссар заметил, как Николай каждый раз крестился, когда они проходили мимо православного храма. Они говорили о безобидных вещах, семье, погоде и еде. «Он действительно любит свою семью, — сказал Яковлев газете той весной,

— и очень о них заботится». на Транссибирской магистрали. Там он часами ждал, пока Яковлев будет участвовать в обмене телеграммами с Москвой.

Идея государственного суда потеряла свою привлекательность, и соседний Уральский Совет хотел завладеть семьей. Уральские горы, обширная гряда, которую обычно считают разделительной линией между европейской и азиатской Россией, были печально известным антимонархическим регионом, который когда-то стоял в центре царской системы ссылки. В поезде из Тюмени Николай заметил: «Я бы поехал куда угодно, только не на Урал»34. Есть некоторые свидетельства того, что в Москве были те, в том числе Ленин, которые всегда планировали их конец. в заключении на Урале. В телеграмме, отправленной из Уральского областного Совета 28 апреля, упоминалось письмо Ленина или Якова Свердлова, председателя ВЦИК в Москве, написанное 9 апреля, еще до отъезда Романовых из Тобольска. это указывало на то, что Николая следует доставить в уральский город Екатеринбург35. Теперь Уральский Совет угрожал арестовать и Николая, и комиссара Яковлева, если экс-император не будет передан им. Свердлов телеграфировал в ответ, называя Романовых «багажом» — это и «лекарство» были их кодовыми названиями в большевистской переписке, — уверяя их, что «все, что делает Яковлев... является прямым выполнением моего приказа. Подробности сообщу специальным курьером. Никаких приказов относительно Яковлева... Яковлеву можно полностью д

Из остановившегося поезда в Омске Яковлев продолжал посылать сообщения Свердлову в Москву. Его телеграммы подтверждают, что возможность их оставления на Урале рассматривалась до его отъезда в Тобольск. Задержка в Омске была вызвана разногласиями в Исполнительном комитете по поводу того, что делать с Романовыми, что привело к запланированному множеству результатов. Код для их депонирования в Екатеринбурге был «первый маршрут». Даже сейчас Яковлев был готов противостоять гневу Уральского Совета, если этого хотело правительство в Москве. Если они выбрали второй маршрут, подальше от Урала, «тогда всегда можно перевезти багаж в Москву или куда угодно». Если багаж был взят первым путем, то сомневаюсь, что вы сможете его. Никто из нас... не сомневается в этом; мы также не сомневаемся, что багаж все время будет в крайней опасности. Таким образом, мы предупреждаем вас в последний раз и освобождаем себя от всякой моральной ответственности за будущие последствия»³⁷. Ответа Москвы не сохранилось, но яковлевская сторона переписки проясняет его. Он завершил последнюю телеграмму в обмене словами: «Итак, я иду первым путем. Я —

сдам багаж. Я пойду за другой его частью». ³⁸ Поезд направили в Екатеринбург, и ранним днем троих Романовых высадили на пустом товарном запасе. Встреченные представителями местной большевистской партии и командирами областного отделения ЧК, новой тайной службы большевистского режима и прародителя КГБ, их прогнали по улицам устрашающе тихого городка, очистив от всех зрителей до самого вечера. заключенные находились за огромным деревянным частоколом, недавно воздвигнутым вокруг дома Ипатьева на улице Вознесенского, 49, бывшего дома зажиточного местного железнодорожного инженера, у которого местный совет реквизировал свой дом, когда они хотели использовать его как Романовых. ' тюрьма, потому что она была так близко к местной штаб-квартире ЧК. Это был большой дом, но большая часть помещений была отдана тем, кто их охранял. Вместе с Николаем, Александрой и Марией в дом вошли доктор Евгений Боткин, Анна Демидова, молодой поваренок Леонид Седнев, латышский слуга императора Алоизе Трупп, повар Иван Харитонов и два дворовых слуги. Остальных членов их свиты прямо с поезда повели в городскую тюрьму.

Три недели семью держали в одной спальне, пока Александра беспокоилась о других своих детях в Тобольске, а Николай проводил дни, читая вслух Библию. Обещание Яковлева «пойти на другую часть» сбылось в конце мая, когда в Екатеринбург были доставлены остатки императорского двора, чтобы разделить участь императора и императрицы. Когда они покидали Тобольск, одна из фрейлин Александры, баронесса София Буксгевден, была встревожена тем, насколько шумными были солдаты и как много они пили, когда паром отправлялся в Тюмень. По мере того как путешествие продолжалось, все мужчины, оставшиеся в императорском дворе, так сильно перемещались, что не осознавали, пока не стало слишком поздно, что были заперты в своих каютах. Тем временем большевистские охранники приказали женщинам оставить двери открытыми. Услышав это, перепуганная баронесса и все остальные женщины решили не одеваться и сидеть всю ночь, чтобы не рисковать лечь спать.

Той же ночью, запертый в своей каюте, один из наставников Романовых слышал крики, эхом разносящиеся по кораблю. Много лет спустя он сказал своему сыну: «То, что они сделали, было ужасно». Нельзя исключать возможность, почти слишком ужасную, чтобы ее можно было даже представить, что одна или несколько дочерей царя подверглись сексуальному насилию по пути из Тобольска в Екатеринбург. . Рассказ баронессы Буксгевден о том, как все они пытались не одеться в ту ночь, и преднамеренное задержание мужчин из свиты Романовых позволяют предположить, что нападение на женщин было запланировано, в то время как воспоминания Сидни Гиббса своему сыну спустя годы кажутся подтверждающими, что в путешествии действительно произошло что-то действительно ужасное. В 1989 году сын Гиббса Джордж сказал историку Грегу Кингу, что то, что произошло на пароме в Тюмень, было худшим воспоминанием его отца о русской революции, «больше, чем известие о мученической смерти семьи»⁴⁰. Когда Ольга добралась до Екатеринбурга, ее близкие быстро заметили, что она «превратила прекрасную, умную девушку двадцати двух лет в увядшую и грустную женщину средних лет»⁴¹. Против этой душераздирающей

версии событий стоит тот факт, что некоторые из находившихся на борту не последующего упоминания о каком-либо нападении, действительно имевшем место, ни сама баронесса, упомянувшая об обстоятельствах, приведших к нему, ни Пьер Жильяр, запертый в своей комнате. В своем исследовании последнего года жизни Романовых Грег Кинг и Пенни Уилсон

предположил, что «почти завеса молчания, окружающая события той ночи... нетрудно понять, учитывая возвышенное положение великих княжон; ужасные убийства в Екатеринбурге; решимость тех, кто был тесно связан с Романовыми, представить их образцами всех нравственных добродетелей; и тенденция времени».42 В обществе с ограниченным пониманием сексуальных преступлений даже об изнасиловании нельзя было сообщить из-за позора, который он мог навлечь на великих княжон. Но есть и тот факт, что никаких заметных изменений после плавания в Татьяне или Анастасии не произошло, а наблюдения за физическим и эмоциональным упадком Ольги фактически начались еще до того, как она села на паром, когда ее оставили одну ухаживать за быстро болевающей Алексеей, который благодаря новым ограничениям в Тобольске похудел настолько, что выглядел изможденным, а колено затекло, временно не давая возможности ходить. То, что они подвергались преследованиям, но не нападению, кажется, является оценкой, сделанной последним биографом великих княжон, Хелен Раппапорт, которая написала в своей биографии 2014 года о них, что во время путешествия из Тобольска Алексей был заперт в своей каюте и ему было отказано в доступе в ванную. и женщины, вынужденные «терпеть шум шумных охранников, пьющих и отпускающих непристойные комментарии за открытыми дверями»43. Герцогини оказались внутри, показали, насколько хрупкой стала безопасность императорской семьи.

Их поезд прибыл в Екатеринбург из Тюмени сразу после полуночи 23 мая, где им сказали, что они должны быть отделены от всех своих слуг, бара Клементия Нагорного, крепкого и преданного матроса императорского флота, которому было поручено присматривать за Алексеем. Семья так привыкла к тому, что правила менялись без причины и навязывались временные разлуки как демонстрация власти над ними охранников, что Татьяна иронично пошутила: «Через полчаса мы все будем радоваться обществу друг друга!» Но на этот раз один из конвоиров наклонился к ней через плечо и сказал: «Лучше скажите «до свидания», гражданка». Им

разрешили сойти с поезда утром, к тому времени уже собралась большая толпа, чтобы посмотреть на них. Все три великие княгини были одеты в темные жакеты с большими пуговицами и одинаковые юбки. Валентин Сперанский, стоявший в толпе инженер, подумал, что Ольга «напоминает мне грустную девушку из тургеневского романа», а шестнадцатилетняя

Анастасия «казалась испуганным, перепуганным ребенком, который мог при других обстоятельствах быть очаровательным, беззаботным и ласковым». Но самое сильное впечатление на него произвела именно Татьяна. Даже когда ее туфли увязли в грязи и она боролась со своим чемоданом, на ее лице не было ни следа смущения или страха. Инженер думал, что она вела себя как «надменная аристократка с видом гордости» даже в невероятно трудных обстоятельствах. Наблюдая, как все они без посторонней помощи борются к ожидающим однолошадным повозкам, Сперанский «несколько нескромно вглядывался в их живые, молодые, выразительные лица — и за эти две-три минуты я узнал нечто такое, чего не забуду до самой смерти. Я почувствовал, что мои глаза на мгновение встретились с глазами трех несчастных молодых женщин, и что когда они встретились, я как бы проник в глубину их мученической души, и меня охватила жалость к ним — ко мне, закоренелой р... Сам того не ожидая, я почувствовал, что мы, русские интеллигенты, претендующие на роль предшественников и голоса совести, ответственны за недостойные насмешки, которым подверглись великие княгини... Мы не имеем права ни забывать, ни прощать себя за нашу пассивность и нашу неспособность что-то сделать для них».

45 Радостное воссоединение произошло в Ипатьевском доме или «Доме особого назначения», как он злоежще переименовался Советом, но вскоре он вернулся к фамильярности охранников, прерывающих их трапезу, ограниченные возможности для свежего воздуха, солдаты, искоса идущие в ванную, чтобы встретить непристойные лимерики об их отце и графические зарисовки воображаемых сексуальных сцен между их матерью и Распутиным. Или себя и Распутина. Гражданская война прокатилась по России, сменив резню Первой мировой войны, из которой новое советское правительство вышло, приняв унижительный Брест-Литовский договор, по которому имперская Германия получила во владение большую часть наиболее ценных для России территорий в Восточной Европе. и треть всего населения. Силы большевиков, известные как красные, столкнулись с антикоммунистической коалицией, известной как белые, которые также добились некоторой иностранной поддержки, хотя и не такой значительной, как им было нужно. К началу лета белые войска подошли к Екатеринбург.

Желание предотвратить освобождение Романовых определило сроки их гибели, но не было единственной причиной расправы в Ипатьевском доме. С самого начала большевистское руководство полагалось на политику террора посредством классовой борьбы, чтобы удержаться у власти. Это было

отчасти из-за необходимости из-за стоявшей перед ними политической неопределенности - Ленин задал вопрос коллеге: «Вы, конечно, не думаете, что мы переживем это как победители, если не применим самый жестокий революционный террор?» – и отчасти из идеологии – Троцкий считал: «Мы должны раз и навсегда положить конец папистско-квакерской болтовне о неприкосновенности человеческой жизни»⁴⁶. По всей России террор применялся без разбора. Феликс Дзержинский, глава ЧК, оправдывал эту политику тем, что «ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если ее меч иногда падает на головы невинных»⁴⁷. Обсуждая возможную судьбу Романовых, Ленин хвалил предложение убить каждого члена семьи, независимо от возраста, пола или предшествующей политической деятельности, как «простоту до гениальности»⁴⁸. В самой Красной Армии Троцкий выступал за массовые казни каждого десятого произвольно выбранного солдат для любого батальона, не подчинившегося приказу или предпринявшего попытку дезертирства.

В Доме особого назначения некоторые молодые большевистские гвардейцы влюблялись в великих княжон. «Они были ослепительно хороши собой, — вспоминал спустя годы один из охранников, а другой, по имени Александр Стрекотин, вспоминал, что — их личности были для нас очаровательны. Они были предметом обсуждения между двумя или тремя из нас, которые провели несколько бессонных ночей, говоря о них»⁴⁹. Старшие сестры оставались более осторожными, чем младшие девочки; Ольга проводила большую часть своего времени в раздумьях или читала вслух своей матери Книгу Откровения с ее навязчивыми описаниями апокалипсиса, за которым последовали райские награды, в то время как Валентин Сперанский слышал, что Татьяна была «приятна охранникам, если она думала, что они вели себя приемлемо и прилично»⁵⁰. Это случалось не всегда, и однажды Татьяна сердито вышла из комнаты, когда один из солдат отпустил дурную шутку. Мария, оставшаяся позади, спросила: «Почему вы не испытываете отвращения к себе, когда говорите такие постыдные слова? Неужели ты думаешь, что сможешь с такими остротами подружиться с знатной женщиной и сделать так, чтобы она была к тебе благосклонна? Будьте вежливы

и порядочны, и тогда мы сможем поладить». Это была редкая вспышка дурного нрава со стороны великой княгини Марии, которая чаще всего была любимицей гвардейцев. В последнюю неделю июня она отпраздновала свое девятнадцатилетие, и один из младших охранников, бывший заводской рабочий по имени И

попросили поговорить с ней наедине, и через несколько минут они, по-видимому, были обнаружены в компрометирующем положении. В этом не было ничего слишком грязного и уж точно не сексуального, о чем ясно свидетельствуют сдержанные комментарии его начальника. Возможно, это был поцелуй, а может быть, они просто были наедине. В любом случае, это имело серьезные последствия, гораздо более серьезные для Ивана, чем для Марии.

Руководители Дома Особого Назначения считали, что контрабанда торта доказывает, что безопасность при нынешнем составе охраны безвозвратно нарушена. Один из них, Петр Ермаков, полагал, что, если братание не будет остановлено, некоторые из часовых будут «следующее, что мы узнаем, помогать заключенным бежать»⁵². Мы не знаем, узнал ли когда-нибудь царь о дружбе Марии со Скороходовым, но ее сестры, конечно, были, и Ольга особенно была недовольна. По приказу начальства Иван Скороходов был отстранен от службы и увезен в тюрьму, где впоследствии исчез с учета за то, что принес Романову маленький именинный торт. Подобные участи уже постигли многих слуг семьи, в том числе матроса Нагорного, которого увезли и расстреляли, когда он пытался помешать одному из большевиков украсть коллекцию религиозных образов Алексея, и бывшую фрейлину императрицы, графиню Анастасию Хендриковой, казненной той осенью вместе с одной из бывших воспитательниц великих княжон, мадемуазель Шнайдер. ⁵³

По мере того, как погода снаружи превращалась в жару, атмосфера внутри дома становилась невыносимой. Александра была расстроена, когда один из солдат очень грубо обошелся с Иваном Харитоновым, одним из пяти уцелевших вассалов⁵⁴. В ночь на 7 июля бушевала гроза, но окна семьи давно были забелены, и они не могли видеть снаружи. Все, что они могли делать, это слушать бурю, кружащуюся вокруг них. Слухи о продвижении Белой армии шептались наряду с жалобами на суровость внутреннего распорядка при новом коменданте Якове Юровском, который уже посещал регулярные собрания в местной гостинице, чтобы согласовать убийство семьи. Сами Романовы еще не теряли надежды на то, что их скоро освободят сторонники, но в то же время в семье поселилось гнетущее чувство страха, так как они надеялись на лучшее, но опасались худшего. Все знали, что их жизнь в Екатеринбурге так или иначе подходит к концу — их спасут, перевезут или умрут. В течение одного

из редких богослужений, к которым им теперь был разрешен доступ и которые проводились в доме, чтобы не привлекать к себе внимания в храме, священник, отец Сторожев, был удивлен, когда вся семья упала на колени во время заупокойной молитвы. «По тому, как они вели себя, я знал, — сказал он позже, — что что-то страшное и угрожающее почти нависло над императорской семьей»⁵⁵. Александра и ее дети часто молились вместе. «Атмосфера вокруг нас наэлектризована, — писала она в одном из своих последних писем Анне Вырубовой. «Мы боимся, что приближается буря, но знаем, что Бог милостив... Души наши умиротворены»⁵⁶.

15 июля 1918 г. Ленин уехал на короткий отдых в свою маленькую дачу под Кунцево, что свидетельствует о том, что к моменту его отъезда вопрос о Романовых уже был решен⁵⁷. Двумя днями ранее Москва подтвердила Екатеринбург, что не возражал против убийства царя. Впоследствии в екатеринбургской гостинице состоялось собрание, на котором было решено, что дело должно быть совершено не позднее 18 июля и что их план состоял в том, чтобы «ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью и живущих с ними слуг»⁵⁸. Филипп Голощекин, представитель Центральной исполнительной власти в Екатеринбурге, знал об этом решении, и, хотя телеграмма так и не была найдена, почти невозможно поверить, что в какой-то момент в течение следующих трех дней Голощекин не добивался разрешения Ленина на план их убийства. все, чтобы идти вперед, предполагая, что этот приказ еще не отдан. Учитывая, что Москва просила держать ее в курсе, известие о встрече в гостинице 14-го, по-видимому, было отправлено в столицу вовремя, чтобы Ленин утвердил решение и на следующий день отбыл в Кунцево. В два часа дня 17-го личный секретарь Ленина Николай Горбунов получил короткую телеграмму от члена Екатеринбургского

Совета: «Сообщите Свердлову, что всю семью постигла та же участь, что и ее главу». Их разбудили. встал с постели в предрассветные часы и сказал, что из-за близости белых армий идет перестрелка артиллерийских орудий и есть шанс, что часть их попадет в город. Их попросили одеться, а затем спустили вниз сразу после 2.15 ночи. Романовы и их четверо оставшихся слуг — доктор Евгений Боткин, Анна Демидова, Алоиза Трупп и Иван Харитонов — вышли во двор, а затем через в

Лестничный пролет в подвал, где Николай несет Алексея, который еще слишком слаб после падения в Тобольске.

В восемнадцатом и начале девятнадцатого веков Императорская Россия предоставила убежище изгнанным членам французской королевской семьи. Оставшиеся в живых Бурбоны были вынуждены бежать от революции так быстро, что почти ничего не взяли с собой и в течение двух десятилетий переходили от одного доброжелателя к другому, не в силах прокормить себя или кого-либо из слуг, которые рисковали своей жизнью, чтобы присоединиться к ним. в изгнании. Решив не подвергаться такому же унижению, Александра решила вывезти некоторые из своих личных драгоценностей из России, чтобы они могли продать их, жить на вырученные деньги и не становиться обузой для своих родственников или сторонних. Две из этих коробок теперь были спрятаны в подушках Анны Демидовой, а остальные контрабандные драгоценности были зашиты в корсеты императрицы и великих княжон. Шестнадцать лет спустя Юровский скажет в зале, полном соратников-большевиков: «Никто не виноват в их агонии, кроме них самих, надо сказать... их жадность оказалась так велика»⁶⁰. Когда все собрались и Александра

потребовал стул из-за ее больной спины, Юровский вышел вперед и сказал одиннадцати людям в подвале, что все они умрут из-за «нападения их родственников на Советскую Россию», имея в виду поддержку Белой армии Британской империей. . Счета различаются по точной формулировке, и если он когда-либо дочитал до того места, где Николая называли «коронованным палачом» и осуждали за «бесчисленные кровавые преступления против народа», это обвинение, богатое иронией со стороны советского режима. , который уже был по щиколотку в крови своего народа в течение первых девяти месяцев. Однако все свидетельства очевидцев сходятся в том, что Николай в какой-то момент пытался его прервать и был ранен в сердце.

Его кровь брызнула на Алексея, которого посадили рядом с матерью. Ольга и Александра перекрестились, прежде чем императрица была ранена в левую часть черепа и убита. Одиннадцать человек, составлявших расстрельную команду, начали стрелять по прихоти, убив Алоиза Труппа и Ивана Харитонов. Когда комната наполнилась зловонием опорожняемых кишок недавно умершего, Юровский и его люди были вынуждены выйти на минуту. Некоторые из охранников плакали, и их вырвало, что некоторые историки интерпретировали как знак сострадания или раскаяния, но мы не должны слишком увлекаться.

при непроизвольной физической реакции — Гиммлера тоже рвало, когда он видел, как умирают люди, это мало ослабляло его энтузиазма по поводу Освенцима или Треблинки; годы публичных выступлений членов отряда в СССР о том, что они сделали той ночью, не вызывают большого сожаления.

Они вернулись с ружьями и штыками винтовок, убив раненого доктора Боткина, когда он полз по полу, чтобы выполнить давнюю клятву умереть рядом со своим Императором. Несколько пуль скрикошетили от корсетов девушек, но Юровский лукавил, когда утверждал, что именно поэтому их убийство заняло так много времени. Место он выбрал неудачно, а логистику убийства — еще хуже. Подвал был слишком мал, банда палачей слишком велика, и многие из них были либо слишком нервными, либо слишком взволнованными, а в некоторых случаях слишком пьяными. Ольга и Татьяна обнимались в углу, но Татьяна поднялась на ноги, чтобы принять на себя пулю Юровского, когда он пришел за ней. Всех остальных в конце концов закололи штыками, избивали прикладами, а в случае с Алексеем Юровский беспристрастно подтвердил, что «прикончил его» двумя выстрелами в голову⁶¹. Затем тела раздели и отвезли в ближайший леса, облитые серной кислотой, некоторые из них были сожжены, а затем, после того, как были опробованы различные места захоронения, были закопаны на лесной поляне в надежде, что белые никогда их не найдут. Как позже сказал Юровский, «легко понять, как они использовали бы это дело в своих интересах»⁶².

Конец войны и падение Монархии

«Это было ноздря в ноздю до самого конца»

Через несколько недель после казни Романовых у императрицы Августы Виктории случился легкий сердечный приступ, усугубивший страдания ее мужа Вильгельма II, которого уже мучили слухи о казни его двоюродного брата в Екатеринбурге. Независимо от того, что Александра могла думать о нем лично, он сделал все возможное, чтобы спасти семью, и выступал против Брест-Литовского договора, поскольку знал, что, как только не будет угрозы возмездия со стороны Германии, Советы могут относиться к русским кузенов кайзера, как им заблагорассудится.

Одержав победу на Востоке, немецкое высшее командование теперь намеревалось сделать то же самое на Западе, и генерал Людендорф заверил кайзера и немецкий народ, что Весеннее наступление на Западном фронте в 1918 году обеспечит окончательную победу, когда войска отправятся в путь. через интенсивные тренировки в течение зимы, чтобы подготовить их к этому. Но высшее командование совершило серьезную ошибку, решив атаковать сначала британские позиции, а не французские, действуя из-за низкого мнения Людендорфа о возможностях британского командования. Британцы потеряли почти 500 000 человек, но они отразили наступление за счет сочетания тактического отступления и контрнаступления. Немцы больше не могли восполнить свои потери, а люди, которых отправляли на фронт, часто были слишком стары, не в форме или уже были разочарованы войной, которую почти все дома считали проигранной. 8 августа союзники предприняли контратаку, воодушевленные новой уверенностью в своих шансах на победу и тем, что 10 000 американских солдат ежедневно вливаются в Европу. Когда Вильгельм услышал известие о победе союзников, он лег в постель, и одному из его штабных офицеров пришлось беспокоить императрицу, которая сама была еще очень слаба после сердечного приступа. — Скажи мне правду, — спросила его Августа Виктория, — неужели все потеряно? Не могу поверить, что Бог оставил наше бедное отечество! Офицер сказал ей, что для армии мало что можно сделать, но она все еще должна сыграть свою роль, помогая кайзеру достойно пер

вас», — сказала она и встала с постели, чтобы позаботиться о своем муже. Оглядываясь назад, —

Уинстон Черчилль полагал, что до контрнаступления союзников в августе все могло пойти и так, и так. самого конца... Чем больше узнаешь о борьбе, тем больше понимаешь, в какие маленькие, узкие и опасные пределы превратился наш успех». его собственное ретроспективное мнение о том, что Германия проиграла войну из-за предательства дома, из-за темного заговора католиков, евреев и масонов, подорвавших империю изнутри. Идея «удара в спину», ставшего причиной перемирия 1918 года, с любовью взращивалась такими людьми, как Людендорф и его будущие соратники по нацистскому движению, но в 1918 году Эрих Людендорф дал кайзеру совсем другой совет. В конце сентября именно он и генерал фон Гинденбург недвусмысленно сообщили своему императору, что войну невозможно выиграть и что им лучше всего принять меры к тому, чтобы сдаться наименее унижительным из возможных способов. Вильгельм был ошеломлен их оценкой.

Настроение в Германии, дворце и населении, было печальным.

Вечерные отключения электроэнергии коснулись всех, поскольку Рейх изо всех сил пытался произвести достаточно энергии, когда так много шахтеров были отправлены сражаться и умирать в окопах. Мыло было трудно найти, а горячая вода была редкостью. Театры, ночные клубы, бары и рестораны были закрыты для экономии электроэнергии. Одежды не хватало как в армии, так и на гражданском рынке. К концу 1918 года немцы съедали в среднем от 12 до 20 процентов мяса, масла, сыра, яиц и риса, которые у них были в 1913 году. единственный вид пищи в изобилии, а к 1918 году рыба почти полностью исчезла с немецких столов благодаря британской блокаде. Эти лишения говорили о нации, которая не могла даже прокормить себя, не говоря уже о том, чтобы покорить других, и к этому чувству уныния добавлялось то, что тысячи солдат возвращались домой искалеченными, искалеченными, изуродованными, ослепленными или тяжело ранеными, в то время как новости о деле Сикста подтверждались. что собственные союзники Германии не верили в окончательную победу.

В октябре 1918 г. велась лихорадочная борьба за преобразование правительства в рамках подготовки к мирным переговорам. Американский президент Вудро Вильсон,

в середине месяца ясно дал понять, что Соединенные Штаты не будут вести переговоры с «державой, которая до сих пор контролировала немецкий народ». Было неясно, имел ли он в виду армию или монархию. Поначалу многие предполагали первое, возможно, потому, что не могли до конца поверить, что глава иностранного государства посмеет санкционировать полную перестройку политической системы другой страны в соответствии с его собственной. Принц Максимилиан фон Баден, дальний родственник кайзера, известного своей либеральной политикой, был назначен рейхсканцлером и немедленно приступил к попыткам реформировать политическую систему Германии путем укрепления Рейхстага в надежде, что такой шаг понравится союзникам, ограничив влияние высшего командования дома. Несмотря на назначение фон Бадена, некоторые в Германии считали, что президент Вильсон не примет условий мира, если сама монархия Гогенцоллернов останется нетронутой. В высшей степени уверенный в своих силах, президент Вильсон смотрел на кровавую бойню на континенте и предположил, что вся старая европейская система прогнила до основания. Если бы все это было сметено, будущее было бы светлым; прогресс, по мнению президента Вильсона, был неизбежен. Немногие политические требования в истории могли иметь такие разрушительные долгосрочные результаты. Императрица была в ярости и осуждала «дерзость выскочки из-за моря, которая осмеливается таким образом унижить княжеский дом, который

может оглянуться на столетия служения народу и стране». Когда генерал фон Гинденбург рассердился на требования президента Вильсона о переменах, фон Баден отправился к кайзеру и потребовал, чтобы он положил конец вмешательству военных в правительство. Подстрекаемый к действиям своим двоюродным братом и, наконец, осознавший все масштабы проблем, с которыми столкнулась корона, Вильгельм II поссорился с Людендорфом и дал понять, что его отставка, если она будет подана, будет приветствоваться. 26 октября, слишком поздно, генерал Людендорф потерял власть. «Я разлучил сиамских близнецов, — заметил кайзер. ⁵ Часто предполагают, что он говорил об армии и правительстве, но также возможно, что он шутил о неразлучных Людендорфе и фон Гинденбурге. В этой атмосфере беспорядков гнев на улицах достиг апогея, когда беспорядки и беспорядки охватили Германию, а военно-морской персонал, дислоцированный в Киле, поднял мятеж. Спартакосцы тоже были на улице, надеясь устроить революцию, подобную русской; этого следовало ожидать, но дезертирство его любимого флота, его гордость и радость действительно сломили дух Вильгельма II. Он уехал из Берлина, чтобы провести не

плохое решение, которое удалило его из столицы в жизненно важный момент. Он был слишком далеко, чтобы принимать участие в принятии каких-либо решений, когда разваливалась Первая мировая война, а вместе с ней и монархия.

Настроение имперской свиты по пути в Спа было сюрреалистичным, а его связь с реальностью в лучшем случае незначительна. Друг Вильгельма Альберт Баллин считал, что отречение от престола было единственным путем вперед: «Я не думаю, что император был бы очень опечален, если бы теперь он мог сделать благородный жест и уйти в личную жизнь». Но он думал, что многие из приближенных Вильгельма помешают ему сделать это — «императрица наверняка окажет сильное сопротивление», — и даже некоторые из многострадальных придворных Вильгельма все еще лелеяли фантазию, что, оставаясь рядом с армией, кайзер мог удержать власть.

⁶ Доклады высшего командования подтвердили, что лояльность армии теперь столь же сомнительна, как и флота, и что общий консенсус сводился к тому, что Вильгельм должен отречься от престола. Председатель левых социал-демократов Фридрих Эберт сказал канцлеру: «Настроение народа перекладывает ответственность на императора, неважно, правы они или нет. Для народа важно, чтобы предполагаемые виновные были сняты с занимаемых должностей. По этой причине отречение императора необходимо, если массы хотят воспрепятствовать переходу масс на революционную позицию»⁷. его отец. Некоторые, такие как Альберт Баллин и канцлер фон Баден, считали, что, если они будут действовать быстро, старший сын наследного принца, двенадцатилетний Вильгельм, может быть провозглашен Вильгельмом III с регентом, одобренным рейхстагом, но поскольку связь между Спа и Берлин, шанс спасти монархию был упущен. В Рейхстаге попытки канцлера нарисовать картину будущего, в которой была бы монархия, были встречены насмешливыми возгласами: «Слишком поздно! Слишком поздно!»⁸ В Берлине толпы ворвались в королевские дворцы и обыскали покои императорской семьи, что еще больше усугубило проблемы с сердцем императрицы.

Борясь с судьбой и теряя драгоценное время, Вильгельм предложил уйти с поста императора Германии, но не короля Пруссии. Кое-кто из его придворных думал, что это вполне возможно, но это была фантазия, от которой их всех резко оттолкнули 9 ноября, когда канцлер объявил об отстранении Вильгельма от власти в речи, произнесенной перед парламентом.

Рейхстаг. Накануне на заседании кабинета министров один из союзников канцлера Филипп Шейдеманн сказал своим коллегам: «Отречение от престола больше не является предметом обсуждения. Революция грянула. Моряки из Киля также захватили власть в Гамбурге и Ганновере. Господа, сейчас не время для дискуссий, надо действовать. Мы не знаем, будем ли мы сидеть завтра в этих креслах»⁹. Как и в России, власть была не столько захвачена, сколько поднята с пола.

Новость была доведена до Вильгельма в половине третьего дня, когда он отдыхал в саду дома недалеко от штаба армии в Спа. Генерал, который рассказал ему, трясся от шока до такой степени, что у него стучали зубы. Услышав, что его низложили, Вильгельм закричал: «Предательство! Предательство, бесстыдное, возмутительное предательство!» Присутствовавший наследный принц вышел и сел в свою машину с шофером, чтобы его увезли, не попрощавшись. Если у него все еще были мечты о спасении собственной карьеры за счет отца, то они были столь же неуместными, сколь и неприятными.

Вильгельм вернулся внутрь и рухнул в кресло. Он закурил сигарету, которая превратилась в курение нервной цепи, пока окружающие пытались понять, с какой скоростью была разрушена монархия Гогенцоллернов. Фон Гинденбург сказал ему, что ему нужно бежать. «Я не мог взять на себя ответственность за то, что ваше величество было утащено обратно в Берлин мятежными войсками и доставлено в качестве пленника революционному правительству», было невозможно. Он впал в истерику, в какой-то момент заявив, что хочет застрелиться.

Когда некоторые из его окружения предположили, что все еще будут лояльные войска, которые захотят сражаться на стороне Вильгельма, он отказался это рассматривать. Непреклонные придворные утверждали, что даже если такой жест не удастся, он будет более почетным, чем просто так безропотно принять революцию. «Король не имеет права посылать своих людей на смерть, чтобы тешить свое личное тщеславие», — сказал позже Вильгельм. «Это означало бы пожертвовать ценными жизнями только для того, чтобы обеспечить мне впечатляющий выход». В последний раз послушавшись совета фон Гинденбурга, Вильгельм сел в имперский поезд, направлявшийся к границе с нейтральной Голландией. Рано утром 10 ноября кайзер стал политическим беженцем. Когда он пересек границу, его единственной просьбой была чашка крепкого английского чая.

Через две недели к нему присоединилась Августа Виктория и впервые в жизни обняла его на публике. Она привезла с собой свою маленькую таксу Топси.

В то же время аналогичная участь постигла Карла и Зиту в Австрии. Их лето не проходило с тем чувством надвигающегося и неизбежного уныния, которое характеризовало лето Вильгельма. Государственный визит в Константинополь для встречи с османским союзником Австро-Венгрии, семидесятитрехлетним султаном Мехмедом V, был признан большим успехом благодаря вежливости Карла и грациозности Зиты. Османский двор был особенно впечатлен великолепной диадемой императрицы, и когда молодая пара вернулась в Вену, их шлейф был усыпан цветами от турецких доброжелателей. Посещение Прессбурга (ныне Братислава) в тот же день, когда Романовы должны были быть убиты в Екатеринбурге, увидело, как большие толпы людей устремились вперед, чтобы приветствовать императора, императрицу и двух их старших детей. Их обожание оживило Зиту, но ее муж остался подавленным. На обратном пути в Вену он предостерег Зиту «от иллюзий». Он знал, что, как бы ни махали и аплодировали простые люди, империя не может долго существовать без мира за границей и реформ внутри страны».

В последнюю неделю сентября известие о том, что Болгария сдается союзникам, подтвердило, что конец войны близок и что все Центральные державы вскоре вступят в мирные переговоры, ослабленные и побежденные. Один из его министров сказал Карлу то, что он уже знал о болгарских новостях: «Это выбило дно из бочки». Зита, которая была со своим мужем, когда он слышал новости из Болгарии, много лет спустя сказала своему биографу: «Император не очень удивился. Мы знали, что Фердинанд [царь Болгарии] в течение последних месяцев ловил рыбу во всех водах, особенно в отношении американцев... Для него [Карла] крах Болгарии только сделал еще более неотложным начало мирных переговоров с западными державами. пока еще было о чем поговорить». 4 октября Австро-Венгрия — отправила президенту Вильсону телеграмму, в которой вновь подтвердила заинтересованность империи в мирных переговорах и напомнила ему о своих предыдущих попытках сделать это. В тот же день бывший царь Болгарии Фердинанд прибыл в Австро-Венгрию, ожидая, что ему будет предоставлен доступ к одному из шести поместий, которыми он владел в Венгрии в качестве частного лица. Также непопулярный из-за военных лишений «Лиси Ф

воспользовался упущенным Вильгельмом II и Николаем II шансом отречься от престола в пользу своего ближайшего родственника, цесаревича Бориса, и тем самым спас болгарскую монархию. Зита, чья старшая сестра Мария-Луиза была первой женой Фердинанда до своей смерти от пневмонии в 1899 году, мало любила своего бывшего зятя и в любом случае не могла позволить, чтобы ее видели братающейся с еще одной родственницей, причинившей вред. Военные усилия Австро-Венгрии. Карл отказался предоставить бывшему царю разрешение остаться, и вместо этого поезд направили в немецкий город Кобург, где Фердинанд прожил последние тридцать лет своей жизни.

Двенадцать дней спустя, 16 октября, Карл издал манифест, обещавший превратить империю в федеративное государство, в котором «каждый расовый компонент должен сформировать свою собственную государственную организацию на своей территории расселения». Он выполнил свою коронационную присягу, оговорив, что эти новые реформы «никоим образом не повлияют на целостность земель священной венгерской короны», но, как указал один семейный историк, последняя отчаянная попытка императора объединить все мириады национальностей за тронем означали, что «он пытался пустить корни монархии в землю, которая не только дрожала от войны, но и трещала от поражений»¹⁵. одно из ключевых словечек, используемых в программе президента Вильсона из четырнадцати пунктов для принятия мирного соглашения с центральными державами. Однако реакция Белого дома была без энтузиазма. Этого было недостаточно. Американское правительство ответило, что «президент... больше не может принимать простую «автономию» этих народов как основу для мира, но обязан настаивать на том, чтобы они, а не он, были судьями того, какие действия со стороны австро-венгерское правительство оправдает их чаяния»¹⁶.

28 октября империя Габсбургов трещала по швам, когда Чешский национальный совет незаметно взял под свой контроль резиденцию губернатора в Праге и без единого выстрела провозгласил независимость Чехословакии от Австрии и Венгрии. Двадцать четыре часа спустя хорваты, когда-то столь крикливые в своей верности монархии, сделали то же самое, когда поняли, что корабль тонет и им придется заботиться о своем собственном регионе в потенциально недружественном послевоенном мире. Двумя днями позже то же самое сделали словенцы, за которыми последовали польские общины, жившие в северной части империи, а затем

Украинцы и румыны на восточной границе. Венгрия, надеясь спасти свои границы в случае поражения, официально освободила свой кабинет от присяги на верность дому Габсбургов, чтобы они могли, по крайней мере, заявить, что ведут себя достойно, когда покидают его. На следующий день все венгерские войска, служившие в вооруженных силах Габсбургов, получили приказ от своего нового правительства сложить оружие и вернуться домой. В течение девяти часов империя просто перестала существовать.

По мере того как агония монархии Габсбургов продолжалась, большие толпы людей бродили по улицам Вены. Император провел бессонные ночи, ожидая по телефону новостей от союзников о мирном предложении, цепляясь за веру в то, что оно обязательно поступит, хотя было ясно, что союзники не смогут сделать предложение, если все крупные державы, включая Соединенные Штаты поддержали его, чего они вряд ли сделали бы, если бы монархии остались нетронутыми. Возможно, окружавшие кайзера и императора должны были помнить, что президент Вильсон не может поручиться за то, как поведут себя его союзники и какие требования они выдвинут на мирных переговорах, даже если Германия и Австрия станут республиками, но задним числом все мудры и кто знает, как любой человек может реагировать или действовать, столкнувшись с такой ужасной ситуацией, как хаос Первой мировой войны.

Новости о том, что случилось с Романовыми, просочились в Центральную Европу. Преднамеренная политика дезинформации, проводимая советским правительством, означала, что очень немногие знали наверняка, что именно произошло, и ходили слухи, что царица и ее дети были перемещены в безопасное место, но также циркулировала история о том, что все они погибли. Зита, «естественно, очень беспокоилась о безопасности моих детей»¹⁷. Красный флаг социализма можно было увидеть в демонстрациях, видимых из окон дворца, и в криках «Да здравствует республика!» стало громче, когда показания Вильгельма II стали достоянием общественности.

Зита, как и подобает, испарилась в оценке падения кайзера от власти: «Мягко говоря, это не считалось вдохновляющим примером. Но так как мы всегда знали, что он находится под пятой своих генералов, то это, в конце концов, казалось естественным концом. Они только что упаковали его»¹⁸.

Несмотря на свои опасения по поводу второго Екатеринбурга, она внимательно наблюдала за окружающими и, кажется, единственная из всех членов королевской семьи в то время, уловила возможность того, что их кормят дезинформацией. Одной дивизии войск, верных Короне, было бы достаточно, чтобы восстан

порядок на улицах Вены, где протестующие были громкими, но не особенно многочисленными и не очень организованными. Карл был явно тронут, когда во дворец прибыли двадцать молодых кадетов Военной академии и попросили разрешения отдать свои жизни за сохранение монархии. Позже Зита узнала, что командир зальцбургского гарнизона хотел присоединиться к кадетам и предлагал двинуться на Вену, чтобы поддержать императора, но столичные муниципальные власти отказались. Высокопоставленные республиканцы использовали давление союзников и беспорядки на улицах, чтобы продвигать свою повестку дня, а в парламенте даже правая Христианско-социальная партия считала, что ничего нельзя сделать для спасения монархии в случае военного поражения. Созданная им империя исчезла. Какая польза теперь от Габсбургов?

Адмиралы, генералы и придворные съезжались во дворец Шенбрунн, чтобы засвидетельствовать свое почтение императору. Этикет оставался неприкосновенным до последнего. Венгерский адмирал Николас Хорти рыдал, обсуждая восстания, и в конце концов впал в такую истерику, что император попросил императрицу сказать ему несколько слов утешения. В их присутствии он поднял руку и поклялся: «Я никогда не успокоюсь, пока не верну Ваше Величество на его троны в Вене и Будапеште!» Канцлер Генрих Ламмаш и Эдмунд фон Гайер, министр внутренних дел, прибыли с документом, отстраняющим Карла от политической должности.

Станный документ иронически рекламировал слабость республиканской позиции, косвенно подтверждая уверенность императрицы в том, что именно вопрос доступа к поддержке, а не отсутствие поддержки само по себе обрекло Габсбургскую монархию. То, что они предлагали императору, было не отречением, а скорее отречением; он говорил о временном, а не о постоянном. Подписывая его, Карл просто соглашался временно отказаться от своих политических прав до тех пор, пока не будет заключено мирное соглашение. Монархия уйдет в небытие; его не отменили, по крайней мере на данном этапе.

Когда двое мужчин вошли в кабинет императора, канцлер был настолько охвачен страхом, что Карл не подпишет его и тем самым не подтолкнет гражданскую войну, ведомую «красными полчищами», подобными российской, что он схватил императора, избил его и умолял его подписать. Карл сердито оттолкнул его, после чего Зита неправильно поняла, что они предлагают, и приняла документ за полное отречение. Она потеряла всю свою обычную элегантность и пришла в ярость. В этот момент она показала себя

Бурбон до мозга костей, когда, по словам пресс-секретаря императора, она бросилась на своего мужа и воскликнула: «Государь никогда не может отречься от престола». Его могут сместить... Все в порядке. Это сила. Но отречься — никогда, никогда, никогда! Я лучше упаду здесь, рядом с тобой. Потом будет Отто. И даже если бы всех нас здесь перебили, все равно были бы другие Габсбурги!»²⁰ Карл объяснил ей, что это временное отречение, и она успокоилась. Полагая, что для Австрии лучше вести переговоры с союзниками, и не видя возможности править вопреки политическому консенсусу, без армии и без империи, которой веками правила его семья, Карл вынул из кармана маленький металлический карандаш. карман и подпись Карл внизу страницы.

Кабинету было предложено проститься с Императором, как того требовали протокол и приличия. Даже те, кто советовал отречься, например канцлер, были явно расстроены, когда Карл пожал им руки и поблагодарил за службу исчезнувшей империи. Представители посольств Швейцарии и Нидерландов прибыли с предложением безопасно вывезти императора и его семью из Австрии и гарантировать его частную собственность, но Карл вежливо отказался на том основании, что, поскольку он не был свергнут, у него нет причин покидать Австрию. . Вместо этого он перевезет свою семью в их охотничий домик в Эккартсау, недалеко от новых границ Австрии с Венгрией и Чехословакией.

Спустя годы императрица описала их прощание с прекрасной Шенбрунн в тот же день.

Император и я пошли с нашими детьми в часовню, где мы произнесли короткую молитву, чтобы мы могли однажды вернуться сюда. После этого мы поднялись в так называемый Зал Церемоний, где собрались все, кто еще остался. Мы попрощались с ними и поблагодарили их одного за другим.

Затем вниз по лестнице в небольшой внутренний дворик внизу, где ждали машины. Вдоль аркад, выстроившись в две шеренги, стояли наши курсанты военных академий, со слезами на глазах, но все же отлично вывернутые и охранявшие нас до конца. Они действительно соответствовали девизу, данному им императрицей Марией Терезой: «Allzeit Getreu» («Верные навеки»).

Было уже темно, и туманная осенняя ночь... Император, я и все дети, кроме Карла Людвига [Карла и Зиты

пятый ребенок, родившийся в марте ²¹ 1918 года] втиснулся в заднюю часть одной машины с графом Хуньяди впереди. В следующем шли младенец Карл Людвиг и детские няни... Мы не рискнули выбить главные ворота перед дворцом. Вместо этого мы продолжили движение параллельно главному зданию по широкой гравийной дорожке, ведущей к восточным боковым воротам. Мы выскользнули из этого и выехали из столицы по особому маршруту. Поздно ночью – без каких-либо неприятностей и происшествий – мы прибыли в Эккартсгау²².

Ранее в тот же день война закончилась, в одиннадцатом часу одиннадцатого дня одиннадцатого месяца, когда Германия сдалась союзникам. Четыре года и миллионы потерянных жизней были напрасны. В Эккартсгау Габсбурги провели несчастное и изолированное Рождество. Зита выискивала продукты, чтобы подарить их слугам, а старые подарки от государственных визитов использовались, чтобы скрыть тот факт, что семья не могла позволить себе новые. Бабушка императора по отцовской линии, Мария Аннунциата Бурбонская и Обеих Сицилий, умерла от туберкулеза, когда ей было двадцать восемь лет, и у некоторых из ее детей и внуков были слабые легкие. Вдобавок ко всему мир охватила пандемия испанского гриппа, унесшая жизни почти 5 процентов населения мира, и Карл и все его дети пострадали от нее. Много лет спустя Зита описала Рождество 1918 года как «довольно мрачный праздник, тем более что император, который и без того страдал от неоднократных сердечных приступов и перенапряжения, слег с тяжелым приступом испанского гриппа за десять дней до [Рождества] и теперь был действительно болен. Все дети тоже поймали его; некоторые мягко, это правда, но некоторые сурово — например, Карл Людвиг, которому тогда едва исполнилось восемнадцать месяцев, чуть не умер».

В Вене социалистическое движение сформировало прокоммунистическую Красную гвардию, и из-за этого возникли живые опасения за безопасность императорской семьи. Брат Зиты Сикст попросил аудиенции у короля Георга V в Букингемском дворце, и она была удовлетворена. В присутствии короля Георга и королевы Марии Сикст указал, что после того, что случилось с Романовыми, никто не может быть уверен в том, что может случиться с Габсбургами. Что, если бы коммунистическая революция удалась в Австрии так же, как в России? Вина короля за то, что он не помог своим двоюродным братьям, стала ясна, когда он согласился на просьбу Сикста о помощи, несмотря на то, что Карл возглавлял вражескую державу. Он пообещал Сиксту: «Мы немедленно сделаем все, что необходимо»²⁴. И на этот раз он сдержал свое слово.

Подполковник Эдвард Лайл Струтт, католический аристократ, который учился в Австрии на первом курсе, катался на лыжах с эрцгерцогом Францем Фердинандом в Санкт-Морице и был награжден за храбрость на войне своим правительством, а также правительством Бельгии. , Франция и Румыния, был отправлен на встречу с императором и императрицей в Эккартсау. Он первым получил аудиенцию у Карла, ибо даже здесь, в скудной внутренней ссылке, соблюдались ритуалы придворной жизни. Он нашел Карла все еще одетым в военную форму и с медалями «с довольно красивым, воспитанным, но слабым лицом». Они говорили друг с другом по-французски и по-немецки, и Стратт пришел к выводу, что «внешность императора описывает его характер; в высшей степени милый, хотя и слабый человек, отнюдь не дурак, готовый встретить свой конец так же храбро, как и его прародительница Мария-Антуанетта». Они обсуждали возможность эвакуации императора в Швейцарию, но Карл сопротивлялся, совершенно справедливо указывая, что юридически провозглашаемая теперь в Вене новая республика не имеет права на существование, так как нарушает условия, которыми он подписал свой акт об отречении. При таких обстоятельствах он не мог уйти.

Поскольку решение о будущем семьи не было принято, Стратт был показан для встречи с императрицей, которая была одета в длинное элегантное черное платье и «ее чудесные жемчужины». Стратт подумал, что она выглядела

бледный и больной. Среднего роста и со стройной фигурой, она выглядела моложе своих лет двадцати шести. Первое впечатление, которое я произвел на нее, была необыкновенная сила характера, смягченная ее необыкновенным обаянием. Решимость была написана в линиях ее квадратного подбородка, ум в живых карих глазах, ум в широком лбу, наполовину скрытом копной темных волос.

Не имея выдающихся претензий на красоту, императрица всегда могла привлечь внимание в толпе. Войдя в комнату, я понял, что она должна разделить с королевами Бельгии и Румынии честь быть одной из трех великих королевских женщин войны.

Его увлечение императрицей не помешало ему заметить, что она чувствовала унижение от их понижения «глубже, чем ее муж», но что «более нежной и преданной пары, чем эти двое, нельзя было найти»²⁶. немедленно установилось взаимопонимание, и Зита показала, что готова прислушаться к его совету.

Новое республиканское правительство заявило британцам, что император может остаться в Австрии только в том случае, если он полностью отречется от престола, и в этом случае он может остаться как частное лицо. Если он решил не отречься от престола, он должен уехать за границу. Если он решит остаться, не отрекшись от престола, его арестуют. Стратт подробно обсудил ситуацию с Зитой и посоветовал ей, чтобы ее муж ушел, не отрекаясь от престола, а затем вернулся, когда все успокоится. Долгосрочное будущее республиканизма в Австрии не выглядело радужным. Многие были недовольны выдающимся положением, отдаваемым радикальным левым в новом режиме, и шутка о том, что революция каким-то образом создала республику без республиканцев, отражала хрупкость правительства. Зита поначалу отшатывалась от мысли о побеге, но когда Стратт сказал ей: «Мертвый Габсбург никому не нужен, тогда как живой, с семьей, еще может быть», она сдалась. Карл, приведенный в чувство своей женой мольбами и успокоенный сознанием того, что ему не придется отречься от престола, поставил Струтту одно условие: «Только обещаю мне, что я уйду как император, а не как вор в ночи». 25 марта 1919 года императорская семья посетила мессу на праздник Благовещения, а затем села на императорский поезд, собранный для последнего путешествия. Когда Габсбурги вышли из местной церкви, толпа разразилась гимном империи. Ветераны собрались, чтобы проводить Карла к

поезду, и, когда он отъехал от платформы, Стратт услышал низкий стон зрителей. Поезд прогрохотал через всю Австрию, на борту была мать Зиты, Мария Антония, которую Струтт посчитал похожей на переукрашенную рождественскую елку, сбежавшую с большинством своих драгоценностей, с двумя домашними собаками, с которыми она отказывалась расставаться. . Во время путешествия Карл повернулся к Стратту и тихо сказал: «Спустя семьсот лет...» Фраза повисла в воздухе, ее невысказанный вывод звучал громче в его тишине. На следующий день в 15:45 поезд прибыл в Швейцарию.

Позже, когда они обосновались в изгнании, Карл написал письмо королю Георгу, в котором благодарил его за всю его помощь в безопасном вывозе его семьи из Австрии, но закончил его отчаянным желанием: «Dieu veuille Vous épargner de voir jamais dans» . l'avenir, ce que j'ai dû voir auprès moi.'27 - «Чтобы Бог избавил вас от того, чтобы когда-либо увидеть ~~в~~ в будущем то, что я должен был увидеть передо мной».

1. Император Франц Иосиф, правивший империей Габсбургов с 1848 по 1916 год, с сыном Карла и Зиты, будущим кронпринцем Оттоном.

2. «Почти нечеловечески стройная»: жена Франца-Иосифа Елизавета Баварская. Считавшаяся одной из величайших красавиц девятнадцатого века в юности, убийство императрицы итальянским анархистом в 1898 году было одной из многих утрат, постигших императора в старости.

3. Дворец Шёнбрунн в Вене, где в ноябре 1918 года была распущена австрийская монархия.

4. Эрцгерцог Франц Фердинанд и Софи, герцогиня Гогенбургская, с тремя детьми: Софи, Максимилианом и Эрнестом.

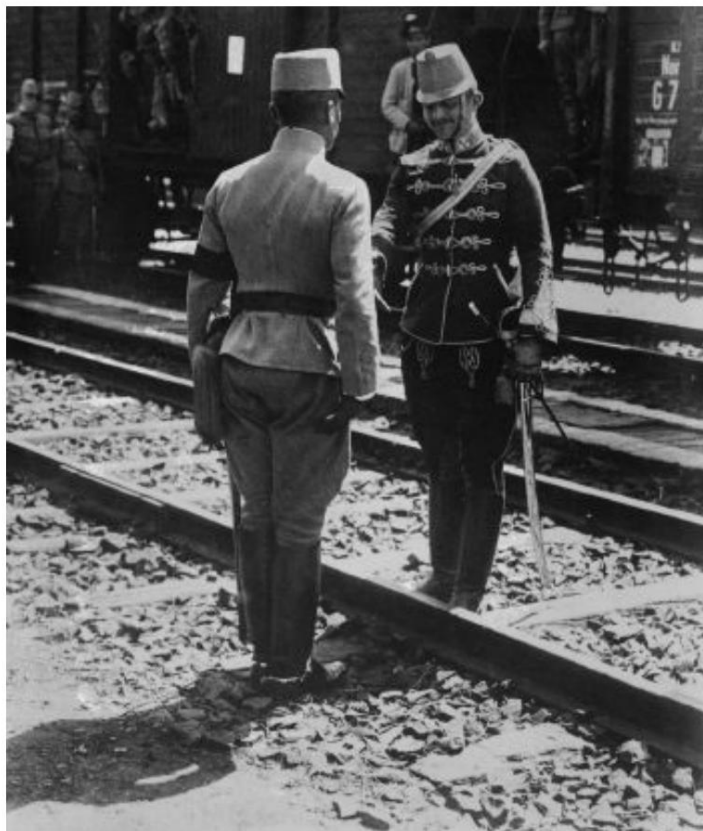
5. Император присутствует на свадьбе своего внучатого племянника, эрцгерцога Карла, с принцессой Зитой Бурбон-Пармской в 1911 году.

6. «Ни в коем случае не дурак и готов встретить свой конец так же храбро, как и его прародительница Мария-Антуанетта»: преемник Франца-Иосифа, император Карл, вступивший на престол в возрасте двадцати девяти лет.

7. «Одна из трех великих королевских женщин войны»: жена Карла, императрица Зита, была набожной католичкой, которая вызвала кризис своими попытками тайно положить конец войне.

8. Император прибывает на фронт, чтобы посетить войска во время войны.

9. «Величие древних времен лежало далеко за его пределами»: министр иностранных дел Карла I граф Оттокар фон Чернин, пошедший в отставку в 1918 году.

10. «Парвеню через море». Американский президент Вудро Вильсон, чье убеждение в том, что Европе будет лучше без монахий, помогло решить судьбу Австрийской и Германской империй.

11. Кайзер Вильгельм II, император Германии с 1888 по 1918 год. На фотографии он повернут так, чтобы скрыть руку, необратимо поврежденную из-за ошибки врача при его рождении.

12. Жена Вильгельма, императрица Августа Виктория, которая отказалась нанимать католиков, потому что чувствовала, что это противоречит ее протестантской вере.

13. Старший сын и наследник Вильгельма II, кронпринц Вильгельм. У двух мужчин были сложные отношения, которые еще больше ухудшились во время Первой мировой войны.

14. Популярная и элегантная жена наследного принца Сесилия Мекленбург-Шверинская с двумя старшими детьми, Вильгельмом и Луи Фердинандом. Как и у многих королевских женщин, космополитическое воспитание Сесилии стало помехой после начала войны.

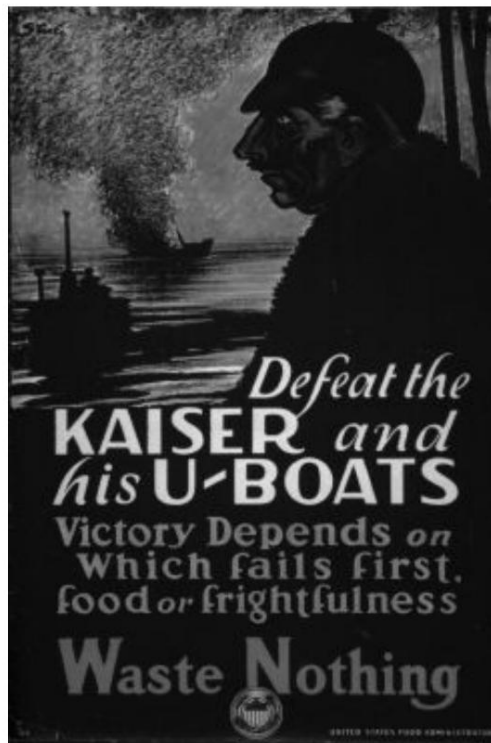
15. Кайзер присутствует на спуске на воду роскошного лайнера «Император» через пять недель после катастрофы «Титаника» в 1912 году.

16. Генерал Пауль фон Гинденбург (слева) и генерал Эрих Людендорф (справа) обсуждают стратегию с кайзером. Фотография была постановочной; на протяжении всей войны два генерала лоббировали превращение армии в самую мощную силу в немецкой политике, даже за счет кайзера.

17. «Торпедировать огромные пассажирские суда, полные женщин и детей, было неслыханной жестокостью, с которой мы навлечем на себя ненависть и ядовитую ярость всего мира». Потопление британского пассажирского корабля «Лузитания» немецкой подводной лодкой в 1915 году побудило Вильгельма совершить одно из своих последних успешных вмешательств в правительство.

18. После Лузитании Вильгельм II регулярно фигурировал в британской и американской пропаганде как злонамеренный «кайзер Билл».

19. Младший сын Вильгельма и Августы Виктории, принц Иоахим, покончил жизнь самоубийством в 1920 году.

20. Пожилой кайзер в изгнании в Голландии, где он провел последние двадцать три года своей жизни. Его сопровождает одна из его любимых такс.

21. Николай II, император и самодержец всея Руси с 1894 по 1917 год.

22. Самый блестящий советник Николая, Петр Столыпин, премьер-министр России с 1906 года до его убийства антимонархическим радикалом в 1911 году. Вдовствующая императрица назвала его убийство «ужасным и скандальным».

23. Частная яхта императорской семьи «Штандарт». Николай II был на борту, когда услышал известие о смерти Франца Фердинанда в Сараево.

24. Противоречивая, но преданная жена Николая II, императрица Александра, с сыном, больным гемофилией, цесаревичем Алексеем. Забота и беспокойство об Алексее подорвали здоровье Александры.

25. Российская императорская семья – стоят слева направо великие княгини Ольга и Татьяна. Сидят слева направо великая княгиня Мария, императрица Александра, цесаревич Алексей, царь Николай II и великая княгиня Анастасия.

26. Двоюродный брат царя великий князь Николай, командовавший русскими войсками в первый год войны.

27. Ранняя возможность сфотографироваться для союзников, на которой царь пробует еду, подаваемую его солдатам. На самом деле пребывание Николая на фронте было политической катастрофой, обострившей напряженность в отношениях между двором и политиками.

28. Самая старшая, умнейшая и наиболее социально сознательная из детей Николая II, Великая княгиня Ольга.

29. Элегантная великая княгиня Татьяна в мундире медсестры Красного Креста во время войны.

30. Третья дочь царя, великая княгиня Мария, в младенчестве. Ее няня, родившаяся в Белфасте, думала, что девочка была настолько доброй, что, должно быть, родилась «с самым малейшим следом первородного греха».

31. «Да поможет Господь Бог России». Город Псков, куда во время революции направили императорский поезд.

32. Императрица Александра под домашним арестом в 1917 году. Ее пожизненные проблемы со спиной и сердцем настигли ее, и большую часть своего последнего года жизни она провела прикованной к инвалидному креслу.

33. «До свидания. Не забывай меня. Великая княгиня Анастасия, самая младшая и самая известная из детей Николая II. Легенда о том, что она пережила бойню, в которой погибли остальные члены ее семьи, помогла сохранить ее имя на десятилетия.

Эпилог

«Она слишком маленькая, чтобы быть Татьяной.

Мир, зародившийся в последние годы Первой мировой войны, сильно отличался от того, что было раньше. Мирные договоры, подписанные в Версале, Сен-Жермен-ан-Ле, Нейи-сюр-Сен, Севре и Трианоне, лишили бывшие Центральные державы многих из их самых желанных владений и навязали им мир, который считался настолько унижительным, что оставил после себя горечь, которая усиливалась с каждым годом. Явная порочность договоров делала преступный идиотизм Вудро Вильсона, требовавшего упразднения центральноевропейских монархий в качестве условия мира, еще более зловещим в глазах побежденных. Кайзер и император отправились в изгнание, полагая, что это единственный способ спасти их страны от карательного послевоенного урегулирования, точно такого же, как было предложено в 1919 году. случай, когда два самых могущественных правительства в истории пришли к преждевременному заключению на слове лжи или, если оно склонно к благотворительности, обещании, которое не может быть гарантировано давшим его ч

То, что центральноевропейские монархии пришли к концу слишком рано, трудно оспорить, если посмотреть на то, что последовало за этим. Разрушение многовековой стабильности в сочетании с десенсибилизирующим опытом войны привело к ужасающему насилию на улицах Берлина, Мюнхена, Будапешта и Вены. Подъем нацизма в бывшем втором рейхе, а затем в сердце Габсбургов Австрии в результате аншлюса 1938 года создал один из самых ужасных режимов в истории человечества. В бывшей Российской империи холокост насилия уже имел место во время ленинской консолидации власти, когда миллионы людей были убиты, а многие другие бежали за границу, чтобы скитаться по Европе и миру в качестве эмигрантов. Аргумент, что ГУЛАГ и сталинские чистки были каким-то отклонением от более чистого коммунизма Ленина и Троцкого, популярен, но он совершенно неверен. Беспочвенная жестокость, аморальная порочность и развратное, случайное игнорирование, по выражению Троцкого, «папистско-квакерской болтовни о святости человеческой жизни» существовало и процветало с момента прихода больш

возможно, подняло его на новую высоту, но прецедент уже был создан. В тени Холокоста, Хрустальной ночи, Красного террора и ГУЛАГа поэтому сбивает с толку то, что довоенные монархии по-прежнему обычно представляются столь же недостойными, столь же, но иначе отвратительными.

Однако утверждать, что крах монархий Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов был в целом негативной последовательностью событий для Европы и что их разрушение открыло ящик Пандоры нестабильности и экстремизма, от которого погибли миллионы, а континент погрузился в столетие идеологического конфликта — это не то же самое, что сказать, что они были совершенно невиновны в трагедиях, постигших их в 1918 году или их подданных после 1914 года. Императоры совершали поистине ужасные ошибки, главной из которых была их неспособность предотвратить войну. Николай II и Вильгельм II оба хотели мира, но они чувствовали, что не могут остановить волну общественного мнения в своих вооруженных силах и людей, которые надеялись на войну после смерти Франца Фердинанда в Сараево. Личное стремление монархов к миру является не столько оправданием, сколько обвинением — они оба знали, как поступить разумнее, но в решающий момент они позволили себя перехитрить или заставить принять решение, о котором они знали или боялись ошибаться. И кайзер, и царь верили в священную миссию царской власти, в божественное право и соответствующие обязанности государей, и поэтому по своим собственным моральным нормам они несут большую долю вины за то, что произошло.

Их неспособность обуздать более ура-патриотичные фракции в своих правительствах и вооруженных силах свидетельствует о более широкой проблеме, с которой столкнулись монархии до потопа, а именно об их неспособности успешно контролировать силы и настроения, высвобождаемые национализмом. В случае с Австрией эта неудача была вызвана принципиальным отказом от ключевых принципов национализма, и именно поэтому империя Франца-Иосифа была одним из очень немногих континентальных государств, отказавшихся принять антисемитское законодательство или разрешить антисемитизм. - Семитские инициативы должны быть реализованы в его вооруженных силах. То, что в Австрии в то время существовала популярная культура антисемитизма, бесспорно, но столь же часто ясно выражалось противодействие престола ему, как и всем формам чрезмерно агрессивного патриотизма, в прямом противоречии с тем, как суды в Германии и Россия вела себя.

Там, где Габсбурги, подобно Кнуту, пытались повернуть вспять волну национализма, Романовы и Гогенцоллерны отождествляли себя с ней самым решительным образом. В течение двадцатого века симбиоз между монархией и нацией был доведен до совершенства британской короной, но это оказалось более проблематичным для их прусских и русских кузенов. Национализм был драконом, которого монархии пытались приручить, но не смогли. Возвышение нации было проблематичным в эпоху, когда все чаще считалось, что сообщество может быть подтверждено прежде всего его превосходством над другими. На протяжении столетий монархии процветали на международной арене, где династия преобладала над местностью. Большинство членов королевской семьи были плодом браков и семейных сетей, которые пересекали несколько границ: Вильгельм II был наполовину англичанином, царица Александра была наполовину немкой, а императрица Зита находилась в незавидном положении французского происхождения, итальянского происхождения и британца. образованная женщина в то время, когда ее приемная родина воевала со всеми тремя. Ходатайство наследной принцессы Сесилии перед кайзером, чтобы позволить ее русской кузине Ирине благополучно вернуться домой после медового месяца, было первым из многочисленных инцидентов во время Первой мировой войны, когда члены королевской семьи обвинялись в установлении своих зарубежных связей, которые теперь из полезных превратились в подозрительные. начало военных действий, выше национальных интересов. Ксенофобия ударила по королевским домам Европы на протяжении всей Первой мировой войны, противопоставив патриотизм трону с разру-

Более пристальный анализ имперских режимов мог бы также поколебать веру в то, что их падение было частью естественного хода истории, в которой война выступала катализатором политической неизбежности. Эти оценки особенно распространены в историографии имперской России и Австро-Венгрии, но проблемы, стоявшие перед якобы отсталой Россией с точки зрения отрицательного влияния войны на уровень жизни ее народа, не так уж отличались от невзгод, которые имели место в промышленно развитых и процветающий германский рейх. Война была просто слишком велика по своим масштабам и слишком ужасна по своим последствиям, чтобы какая-либо нация могла выдержать ее без больших страданий. До 1914 года в трех центральноевропейских империях было много проблем, но проблемы есть у всех великих наций в любой момент истории, и напряжение Первой мировой войны превратило то, что было поддающимся контролю, в нечто неуправляемое. То, что случилось с империями Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, было не столько катастрофой, ожидавшей своего часа, сколько

скорее травма, которая может случиться с любой нацией, столкнувшейся с великим и ужасным войной.

Однако прежде всего изучение истории павших монархий Первой мировой войны означает столкновение с устрашающей и ужасающей силой удачи в формировании человеческого пути. Не модно говорить о случайности и совпадении как о влиянии на историю, как о великих и неостановимых долгосрочных процессах, которые превращают даже самых могущественных людей в куски, плывущие по поверхности бурной реки. Необходимость диалектики, как хотели бы назвать ее марксисты, между правителями и управляемыми, приводящей к распаду наследственных империй старого мира, выглядит все более несостоятельной, если взглянуть на события, развернувшиеся между 1914 и 1918 годами. могли быть изменены, и финальный акт выглядел совсем иначе. Убийство в Сараево и обстоятельства отречения всех трех императоров от своих престолов являются моментами болезненного разочарования из-за множества переменных, которые могли бы спасти монархии и тем самым избавить Европу от десятилетий террора и диктатуры.

Оправдание или осуждение немецкой, российской и австро-венгерской монархий за их действия в последние четыре года их правления в конечном итоге является вопросом личных предпочтений и интерпретации. Монархист мог смотреть на эту историю и правомерно видеть в ее недрах высшее обоснование своего вероучения, а оппонент мог видеть в ней трагикомедию о безумии вымирающего класса, которому не было места в современном мире и который в конце концов был уничтожен силы, которыми они так некомпетентно управляли. Другой наблюдатель может просто счесть это увлекательным; личный аспект, безусловно, неотразим.

Беженцы от современности, изгнанники из времени, свергнутые и рассеянные члены королевской семьи пытались с переменным успехом приспособиться к яркой и чуждой среде 1920-х годов. Названный военным преступником вместе с остальными его ближайшими родственниками Версальским договором, Вильгельм II был защищен убежищем, предоставленным ему голландским правительством. Правящая голландская королева Вильгельмина была так возмущена требованиями союзников об экстрадиции, что вызвала их послов к себе и подробно прочитала им лекцию о неприкосновенности убежища в нейтральных и мирных странах.

18 июля 1920 года младший сын Вильгельма, принц Иоахим, вышиб себе мозги после периода глубокой депрессии, вызванной

распад его брака, растущие финансовые проблемы и его недовольство политической ситуацией. Шок от потери младшего сына ускорил упадок его матери, начавшийся с сердечного приступа в последний год войны. Императрица умерла в Дорне, их живописном доме в Нидерландах, 11 апреля 1921 года. Вильгельм сопровождал ее гроб до самой границы с Германией, но он отказался ступить на республиканскую землю, и поэтому он не стал свидетелем десятков тысяч бежавших, чтобы выровнять маршрут железнодорожной линии, которая несла Августу Викторю обратно, чтобы быть похороненной на территории дворца Сан-Суси, согласно ее просьбе. Вильгельм прожил еще двадцать лет и вскоре после смерти императрицы снова женился на аристократической вдове, принцессе Гермина фон Шёнайх-Каролат, с которой он познакомился, когда ее маленький сын написал ему детское, но искреннее письмо с соболезнованиями после смерти императрицы.

Как и многие представители старой элиты, принцесса Гермина изначально очень симпатизировала зарождающемуся национал-социалистическому движению в Германии. Она и некоторые из выживших сыновей Вильгельма даже присутствовали на нескольких печально известных митингах партии, и она призвала Вильгельма встретиться с Германом Герингом после того, как он намекнул, что движение может рассмотреть вопрос о восстановлении монархии, когда оно окажется у власти. Это был блеф, как и многие действия нацистов в начале 1930-х годов, но, в отличие от генерала фон Гинденбурга, ныне уважаемого президента Германской республики, Вильгельма II не поверили, и он сильно не доверял нацистской партии. На протяжении большей части 1920-х годов он все больше и больше погружался в мелкий и гнусный антисемитизм послевоенных лет, по-видимому, забывая всех своих дореволюционных друзей-евреев и время от времени бормоча, что Эйленбургский скандал, крах монархии и Все перемирие было результатом международного еврейского заговора, но когда он услышал новости о Хрустальной ночи в 1938 году, он заметил: «Впервые мне стыдно быть немцем». К тому моменту его жена тоже повернулась. против режима, а его невестка Сесилия, все еще живущая в Германии, с самого начала открыто заявляла о своем отвращении. Однако наследный принц, который всегда был источником неприятностей, присоединился к движению, и это решение усилило чувство разочарования его отца в нем.

Когда началась Вторая мировая война, Нидерланды были оккупированы вермахтом, и Вильгельм был взволнован, увидев, как немецкие войска взяли Париж, чего им не удалось сделать в 1914 году.

старых партитур. Однако в частном порядке он оставался враждебным Адольфу Гитлеру, и это чувство было взаимным. В 1939 году пятнадцать принцев имперской линии записались на службу в нацистскую армию, но Гитлер все чаще рассматривал монархическое движение как угрозу. Служба принцев в вермахте показала, что Гогенцоллерны никогда не станут принципиальной формой оппозиции нацизму, как это сделал Дом Габсбургов, но фюрер по-прежнему беспокоился. Когда старший сын экс-наследного принца был убит в бою в 1940 году, тысячи людей пришли на его похороны, и Гитлер был настолько разгневан этим проявлением роялизма, что приказал всем Гогенцоллернам прекратить службу в немецкой армии и запретил любые дальнейшие публичные демонстрации неомонархизма. Пасынок кайзера Фердинанд был арестован за публичную критику правительства, а его сыну принцу Эйтелю запретили присутствовать на воссоединении его старого полка времен Первой мировой войны.

Несмотря на тоталитаризм, с которым они столкнулись, или, возможно, из-за него, монархическая старая гвардия в Германии все более нагло демонстрировала свое презрение к капралу, ставшему диктатором своей страны; когда внучке Отто фон Бисмарка, графине Ханне фон Бисмарк-Шенхаузен, было предложено спустить на воду новый военный корабль, носящий имя ее деда, она едко ответила, что уже окрестила военный корабль фамильным именем во времена правления Его Императорского Величества и не видела причина, по которой она должна повторить задание. На похоронах принца Вильгельма, вызвавших такое раздражение герра Гитлера, девяностолетний фельдмаршал фон Макензен, преданно служивший кайзеру на Восточном фронте и чей сын Ганс был товарищем его четвертого сына Августа Вильгельма, услышал что бывшему коллеге было запрещено служить в военных действиях Третьего рейха, потому что нацистское высшее командование категорически не одобряло его, на что *si- devant* фельдмаршал крикнул: «В таком случае я могу только поздравить вас от всего сердца!» 3 Когда кайзер скончался в 1941 году в возрасте восьмидесяти двух лет, он прямо запретил как демонстрацию национал-социалистических символов, так и то, что его тело должно быть возвращено для захоронения в немонархической Германии. Сегодня тело кайзера покоится в красивом мавзолее из красного кирпича на территории Хьюис Доорна, его последнего дома.

В его завещании говорилось, что тело должно быть эксгумировано и доставлено обратно в Германию в случае восстановления прусской монархии.

Большую часть своих двадцати трех лет в изгнании Вильгельм II вел себя со смиренным достоинством, которое было омрачено только его сторонником теории заговора.

воззрения и его постоянная неспособность взять на себя какую-либо вину за то, что выпало на его долю в 1918 году. «Я сломленный человек, — сказал он в начале своей ссылки, — что мне теперь делать со своей жизнью? Надежды больше нет, единственное, что мне остается, — это отчаяние». Когда он умирал в 1941 году, медсестра утешила его, сказав: «Ваше Величество, наверху лучше. С Всевышним Господом нам лучше, чем на земле». Вильгельм ответил: «Я готов...» 4. Из своего добровольного переселения в Кобург бывший царь Болгарии Фердинанд резюмировал королевское отношение к годам, проведенным в послевоенной глуши: «Короли в изгнании более философичны». под реверсом, чем обычные лица; но наша философия в первую очередь является результатом традиции и воспитания, и не забывайте, что гордость является важным элементом в создании монарха. Нас дисциплинируют с самого рождения и учат избегать любых внешних проявлений эмоций. Скелет навсегда останется с нами на пиру. Это может означать убийство, это может означать отречение, но оно всегда напоминает нам о неожиданном. Поэтому мы готовы, и ничего не происходит в природе катастрофы. Главное в жизни — с достоинством выдержать любое состояние телесного или духовного изгнания. Если кто-то пьет с печалью, ему не нужно приглашать мир посмотреть, как вы едите». —

Сходные чувства разделял зять Фердинанда, живший отдельно, Карл, который умер в возрасте тридцати четырех лет на острове Мадейра после того, как простуда перешла в бронхит, а затем в тяжелую пневмонию, то же самое прогрессирование болезни, которое убило гораздо более старшего Франц Иосиф в 1916 году. Карл умер во время мессы в соседней комнате, с распятием, прижатым к его губам, а беременная Зита держала его за руку и молилась. В день их свадьбы благочестивый Карл сказал Зите: «Теперь мы должны помочь друг другу попасть на Небеса»⁶. Это общее чувство христианства поддерживало их во время горя и напряжения войны и последующего изгнания. Однако христианское смирение не означало капитуляции, по крайней мере, в том, что касается Габсбургов. Карл никогда не признавал законность своего низложения, и в 1921 году он даже тайком пробрался обратно в Венгрию, пытаясь вернуть себе корону Святого Стефана, но эта затея потерпела неудачу, когда адмирал Хорти нарушил свою заплаканную клятву 1918 года восстановить Венгрию. монархия, потому что тем временем он приобрел так много власти для себя.

Смерть Карла означала, что права Габсбургов перешли к его старшему сыну Оттону, который не преследовал вакантный трон с такой же энергией, как его сын.

отец. Он сохранил свой довоенный титул наследного принца, а не возвысился до императора де-юре ; он действительно стал главой Дома Габсбургов и занимал эту должность до тех пор, пока не отказался от нее в старости в пользу своего сына Карла в 2007 году. Явный противник нацизма, Отто стал активно участвовать в движениях австрийских экспатриантов и союзников, призванных привлечь внимание к беззакониям, совершенным Третьим рейхом еще до Второй мировой войны. Зита, также противнику, пришлось перевезти свою большую семью в безопасную Канаду на большую часть войны, где одна из ее дочерей, эрцгерцогиня Шарлотта, переехала на юг, чтобы найти работу и следовать своим убеждениям, став социальным работником в Нью-Йорке. Восточный Гарлем.

После 1945 года Отто фон Габсбург стал восторженным сторонником того, что в конечном итоге стало Европейским союзом, видя в ослаблении национальной независимости переосмысление многовековой приверженности династии Габсбургов центральной власти, которая усилила силу национальных границ и конкурирующих идентичностей. Он был уважаемой фигурой в Европейском парламенте, но у него также были некоторые проблески духа его матери. В 1988 году, когда североирландский протестантский политик-фундаменталист Ян Пейсли начал перебивать Папу Иоанна Павла II, когда тот обращался к парламенту, цитируя Книгу Откровения и держа плакат, назвавший Папу Антихристом, несколько делегатов повернулись против него, включая разъяренного наследного принца Отто, который был одним из тех, кто пытался ударить преподобного Пейсли по лицу.

Императрица Зита прожила шестьдесят семь лет вдовством и умерла в Швейцарии в 1989 году в возрасте девяноста шести лет. Она прожила достаточно долго, чтобы увидеть, как коммунистическая система, поглотившая большую часть старой империи Габсбургов после 1945 года, начала рушиться. Тому, кто считал себя хранительницей восьмивекового наследия Габсбургов, должно было показаться, что грандиозный континентальный эксперимент с коммунизмом продлился немногим больше, чем мгновение ока. В 1989 году тело вдовствующей императрицы Зиты, которую когда-то поносили как «итальянскую интриганку», было доставлено для захоронения в тот же склеп капуцинов тем же маршрутом, по которому семьдесят три года назад она шла за гроб императора Франца Иосифа. В 2011 году такие же почести были удостоены тело ее сына Отто.

К моменту смерти императрицы Зиты Австрийская республика ослабила некоторые из своих наиболее мстительных и явно незаконных ограничений на

бывшая правящая семья. В 1920-х годах они конфисковали почти всю собственность, принадлежавшую любому из Габсбургов, даже если она принадлежала исключительно в частном порядке, и заморозили их активы, в том числе средства, созданные Францем-Иосифом посредством инвестиций для обеспечения его родственников в конкретные обстоятельства изгнания. Чехословацкое и венгерское правительства сделали то же самое, что привело к выселению троих детей Франца Фердинанда из их дома в Конопиште на основании, которое до сих пор оспаривается в европейских судах. Сами дети боролись во внешнем мире. Из-за своей оппозиции нацизму старший сын Франца Фердинанда, Максимилиан, чьи успехи на школьных экзаменах были отмечены тостами накануне трагедии в Сараево, был арестован после аншлюса и провел годы в качестве заключенного в концентрационном лагере Дахау. После его освобождения и окончания Второй мировой войны австрийское правительство вернуло семье замок Арштеттен, где были похоронены его родители, и постепенно антигабсбургские законы были отменены. Максимилиан был не единственным Габсбургом, павшим жертвой диктатуры середины века. Противостояние семьи тоталитаризму привело к тому, что эрцгерцог Альбрехт после многих лет пребывания в нацистских трудовых лагерях ослеп на один глаз и с полностью парализованной половиной тела в результате пыток, примененных гестапо, а его брат Вильгельм был похищен на улицах Вены. Красной Армией в 1947 году, доставлен в СССР, допрошен, избит, приговорен к 27 годам каторжных работ и оставлен умирать в советской тюрьме.

Годы изгнания принесли бегство от коммунизма и фашизма, украденные драгоценности, скандальные браки, междоусобицы и судебные процессы, но из всех странных трагедий, выпавших на долю королевских домов в изгнании, пожалуй, ни одна не была столь известной и загадочной, как дело Анастасии. который начался после того, как пропавшие без вести тела Романовых породили историю о том, что один или несколько членов семьи могли выжить в резне. В 1921 году история быстро начала сосредотачиваться на фигуре великой княгини Анастасии благодаря заявлениям, сделанным пациенткой психиатрической лечебницы Далдорф на севере Германии. Молодую женщину доставили туда после того, как она попыталась покончить жизнь самоубийством, прыгнув с моста Бендлера в Ландвер-канал в Берлине. Пострадавшая, Клара Пойтерт, прочитала газетную статью, в которой говорилось о возможном выживании некоторых членов царской семьи, и заметила сходство между своей спутницей и великой княгиней Татьяной, фотография которой сопровождала статью. Анонимный переживший самоубийство не стал отрицать домыслы Клары. По мере того, как сл

Даллдорф, в конце концов одна из выживших фрейлин царицы, баронесса Софи Буксгевден, которая, как и 500 000 других беженцев от русской революции, с тех пор сделала Германию своим домом, приехала в Даллдорф, чтобы лично увидеть девушку.

Пациентка сжалась под простынями и отказывалась смотреть баронессе в глаза или отвечать на ее вопросы. Потеряв терпение, баронесса потянулась вперед и выдернула бедную девушку из постели, а затем испепеляюще повернулась к врачам и заявила: «Она слишком маленького роста для Татьяны». При росте пять футов два дюйма она была слишком мала для Татьяны, но как раз подходила для самой невысокой из сестер императора, Анастасии.

Оправдываясь позже, женщина заметила: «Я никогда не говорила, что я Татьяна»⁷. Другие допустили ошибку, и она их просто не исправила. По мере роста интереса к воскресшей великой княгине Анастасии велся самый продолжительный судебный процесс в европейской истории, закончившийся только в феврале 1970 года, чтобы определить, имеет ли она какое-либо законное право называть себя Романовой. Тем временем она использовала множество псевдонимов, в том числе Анну Чайковскую и Анну Андерсон, поскольку ее заявления раскололи изгнанное монархическое сообщество.

Одной из ее самых громких сторонниц была принцесса Ксения, троюродная сестра настоящей Анастасии. Поразительно красивая Ксения была на два года моложе великой княгини Анастасии, и в последний раз девушки встречались во время празднования трехсотлетия в 1913 году, когда Анастасии было двенадцать, а Ксении всего десять. Во время войны Ксения и ее старшая сестра, княгиня Нина, жили в Англии и, не имея безопасного пути домой, так и не вернулись в Россию и не воссоединились со своим отцом, великим князем Георгием, который был одним из казненных большевиками в 1919 году. Нина вышла замуж за другого эмигранта, принца Пола Чавчавадзе, и у них родился сын Давид, который позже пошел служить в ЦРУ. Ксения вышла замуж за американского миллионера Уильяма Бейтмана Лидса, наследника состояния, связанного с добычей олова. Чайковский приехал на Манхэттен в 1927 году.

Когда она и потенциальная Анастасия впервые встретились в гостиной на Пятой авеню другой симпатичной светской львицы, Анны Дженнингс, Ксения наблюдала, как «Анна Чайковская» протянула руку гостю, и была настолько впечатлена естественностью этого жеста, что она убедился, что

только товарищ Романов мог быть способен на такое непринужденное величие. Несмотря на опасения своего мужа по поводу того, как это воспримут остальные Романовы, Ксения Лидс настояла на том, чтобы обеспечить пропитание и кров «миссис Чайковской», которая приехала в Нью-Йорк благодаря щедрости некоторых других ее сторонников и надеялась остаться. Позже две женщины разошлись, потому что муж Ксении считал непостоянство и требовательность Анны невыносимой, но поддержка миссис Лидс ее требований никогда не колебалась, и она свидетельствовала в ее пользу во время последующих судебных процессов.

Но вера Ксении Лидс в Анну Чайковскую или Анну Андерсон выдвинула на первый план одну из главных тем тех, кто поддерживал ее. На первый взгляд переключка выглядела очень впечатляюще — двоюродные братья, друзья Романовы, товарищи по играм и знаменитые эмигранты, такие как композитор Сергей Рахманинов, — но при более внимательном рассмотрении их достоверность как свидетелей почти всегда была проблематичной. Ксения Лидс и ее сестра Нина Чавчавадзе не были постоянными товарищами по играм с императорскими детьми; как члены одной большой семьи, они встречались в обществе на разных этапах своего детства, но вряд ли это были близкие отношения. Вдобавок к этому, проживание Нины и Ксении в Англии во время Первой мировой войны означало, что в последний раз они видели Анастасию, когда она и они. Сама Ксения признала, что ей будет трудно правильно идентифицировать свою троюродную сестру через двенадцать лет после того, как они в последний раз встречались в детстве, скорее она настаивала на том, что ее идентификация основывалась на знакомстве с членом королевской семьи, когда она встречала его. Пожизненная поддержка Глеба Боткина, сына врача, погибшего вместе с Романовыми в Екатеринбурге, безусловно, была благом, но заявления Глеба о том, что он был лучшим другом Романовых в их совместном детстве в Царском Селе, не подтверждаются, судя по тому, что мы знаем об их графике. Они очень редко играли вместе, и воспоминаний, несомненно, было больше в голове Глеба Боткина, чем в голове Романовых. Напротив, тех, кто не верил, что она была Анастасией, часто было меньше, но они вызывали гораздо большее доверие, в том числе настоящая крестная мать Анастасии, великая княгиня Ольга Александровна, князь Феликс Юсупов, ныне живущий в странствующем изгнании с Парижем в качестве своей базы, Анастасии. Репетитор французского языка Пьер Жильяр и одна из ее нянь Александра Теглева.

Тесты ДНК, проведенные после смерти самозванки в 1984 г., установили, что она не была Романовой, а, скорее, Франциской Шанцковской, польской фабричной работницей, исчезнувшей в 1920 г.8

В течение десятилетий в Екатеринбурге приезжих делегатов коммунистической партии все еще спускали в подвал, где была убита семья, чтобы они позировали рядом с обрызганными пулями стенами для памятных фотографий, в то время как студентам академий КГБ в начале их обучения говорили, что Советское правительство всегда знало, что великая княгиня Анастасия умерла вместе с остальными членами своей семьи в 1918 году⁹. Затем состоялось публичное открытие останков пяти из семи Романовых, убитых в Екатеринбурге после распада Советского семейный некрополь в Санкт-Петербурге в 1998 году, а затем обнаружение в 2008 году двух пропавших без вести тел в соседнем вторичном захоронении, где большевики пытались их сжечь. Все тела были тщательно проверены с помощью образцов ДНК, предоставленных некоторыми из выживших родственников Романовых, в том числе принцем Филиппом, герцогом Эдинбургским, мужем королевы Елизаветы II. Однако к тому времени тайна была воплощена в пьесах, романах, оscarоносном фильме с Ингрид Бергман и Юлом Бриннером в главных ролях, телевизионных шоу, куклах, мемориальных веб-сайтах и мюзиклах как на сцене, так и в анимации, с транслитерацией имени великой княгини в его американизированном виде. произношение Anna-stay-zee-a, а не английского Anna-stahz-ee-a, которое она и ее

Подробности многолетнего утверждения Анны Андерсон о том, что она была последним выжившим членом семьи Николая II, до сих пор обсуждаются, и большинство оставшихся вопросов в настоящее время сосредоточены на попытках выяснить, действительно ли она, учитывая ее историю психических заболеваний, верила в свои собственные заблуждения — как предположили Джон Клиер и Хелен Мингей в своем замечательном исследовании тайны, «вторая, несомненно, верила, что она была первой». И действительно, она сохранила память о той другой Анастасии. Без нее не было бы ни фильмов, ни книг, ни романтических легенд. Две Анастасии представляют два лица двадцатого века. Один век, который действительно существовал, полный войн и убийств невинных. Второй — век, которого мы так жаждали, мира и семейных радостей, мечты любой маленькой девочки, которая могла бы закрыть глаза и стать принцессой». Или, как настаивал Феликс Юсупов, Анна Андерсон была не более чем «нервная, истеричная, вульгарная и заурядная... авантюристка, больная истеричка и страшная театральная актриса... [одна] ужаснулась бы при мысли, что это ужасное существо может быть дочерью нашего Царя!»¹¹

Так или иначе, посмертная слава Анастасии Романовой помогла сохранить ее семью в современной легенде, где она и три ее сестры стали самыми знаменитыми жертвами политического насилия русского коммунизма. Можно было бы утверждать, что их было всего четыре среди миллионов подобных жертв, но выдающееся положение молодых женщин как членов императорской семьи означало, что мы знаем гораздо больше об интимных подробностях их жизни, чем о большинстве тех, кто потерял свою жизнь. живет в хаосе, развязанном Первой мировой войной. Мы знаем, какие книги они любили читать, их любимые ароматы для ванны, их любимые мозоли и их самые счастливые воспоминания, и в этом знании мы можем более полно оценить человечность всех тех, кто погиб таким же образом. В смерти, как и в жизни, они стали символами, с которыми миллионы могут отождествлять себя и сопереживать, и через которые могут быть освещены более широкие аспекты. В своем исследовании леди Джейн Грей покойный Эрик Айвз оправдывал посмертное увлечение принцессой шестнадцатого века, которая, по сравнению с другими своими родственниками, добилась очень немногого, кроме особенно трагической и преждевременной смерти: «Страницы истории отмечены звездочками. имена, Джейн Грей — одна из таких, но как ни странно. По правде говоря, она мало что значила... Бесспорно, есть жуткая привлекательность жертвы девушки. Она умерла Джейн Дадли, но все помнят ее как Джейн Грей, Ариадну, прикованную к скале. Все это и многое другое. Но фундаментальное оправдание памяти о Джейн — это оправдание памяти об Анне Франк столетия спустя. Они говорят от лица множества жертв жестокости, не имеющих голоса»¹². То же самое вполне можно сказать и о сестрах Романовых.

Правящие дома эдвардианского периода витают в нашем культурном воображении как блестящий пролог грядущей бойни Первой мировой войны. Это девушки в белых льняных платьях, мужчины в безупречных военных мундирах, в эпоху без выходных, породившую яйца Фаберже, частные яхты размером с небольшой океанский лайнер, первые движущиеся фотографии личной жизни королевских особ, прекрасные драгоценности, обаятельные улыбки, грандиозные оперные театры и вальсы, которые все говорят об обществе навязчивой красоты и легкого изящества. С фотографий в оттенках сепии они смотрят на нас с другой стороны непроходимой пропасти, созданной тем, что произошло после 1914 года. Вальсы заглушают другие звуки той эпохи — убожество заводов, быстрое производство все более смертоносной военной техники. и аплодисменты жаждущих войны толп. История императоров Первой мировой войны — это грандиозное политическое повествование, а также захватывающая пос

личные драмы. Оно то трогательно, то расстраивает, воодушевляет и ужасает, вдохновляет и предостерегает. Мужество и достоинство, с которыми многие из них встретили свою окончательную судьбу, до сих пор являются источником удивления и вдохновения для их современных поклонников, среди которых есть много преданных, по состоянию на 1981 год. Николай II, его жена и их дети были канонизированы ветвями Русской православной церкви на разных этапах после 1981 года как страстотерпцы, категория святых, которая особо признает, что человек умер по-христиански, поддерживая свою веру. их на пути к смерти, но что отличается от мученика, который явно был убит за свою веру. Также была канонизирована отчужденная сестра Александры, великая княгиня Елизавета (известная в семье как Элла), которая была убита ЧК позже в тот же день, что и ее младшая сестра. Элла, овдовев и основав монастырь, находилась под домашним арестом в соседнем городе Алапаевске, ее вывезли в заброшенный железный рудник, где ее избили, а затем бросили.

С ней была сестра Варвара Яковлева, монахиня из ее монастыря, и несколько других Романовых, пойманных и перевезенных в этот край, — поэт и двоюродный брат царя, двадцатидесятилетний князь Владимир Палей, великий князь Сергей Михайлович, его секретарь Федор Кемез и три брата Романовых, князь Иван, князь Константин и князь Игорь, которым было от тридцати двух до двадцати четырех лет. Все они были сильно избиты, а затем брошены в шахту, а вслед за ними были брошены две ручные гранаты. Охранники могли слышать, как великая княгиня и другие поют гимны, даже после второй гранаты, поэтому они забили вход дровами и подожгли. Белые армии взяли город и через несколько дней забрали тела, чего им не удалось сделать на более эффективных полях смерти в Екатеринбурге. Тело великой княгини Елизаветы перевезли для захоронения в русский православный храм Марии Магдалины в Иерусалиме.

В 2004 году Папа Иоанн Павел II причислил императора Карла к лику блаженных не только за благочестие, с которым он встретил смерть на Мадейре, но и за его попытки положить конец войне, поскольку, по словам понтифика, «решающая задача христиан состоит в том, чтобы искать, признавать и следовать воле Божией во всем. Христианский государственный деятель Карл Австрийский каждый день сталкивался с этой задачей... Император Карл с самого начала воспринимал свою должность как святое служение своему народу. Его главной заботой было следовать христианскому призванию к святости и в своих политических действиях.

его мысли обратились к социальной помощи. Да будет он примером для всех нас, особенно для тех, кто сегодня в Европе несет политическую ответственность!»¹³ Австрийские консерваторы и роялисты работают над тем, чтобы сделать Карла членом католического братства святых. В Уральских горах места, где тела Романовых были спрятаны в июле 1918 года, отмечены полями лилий, и есть церкви, посвященные каждому из семи членов императорской семьи. Дом, где они были убиты, снесенный Борисом Ельциным по приказу советского правительства в 1977 году, когда он стал центром тайного паломничества, заменен роскошным памятным собором – Храмом-на-Крови в честь Всех святых в земле Российской просиявших. Тысячи людей идут туда каждый год, в поля и в церковь, чтобы приобщиться к «Романовской Голгофе» и к симбиозу, существующему между царственными мучениками и всеми последующими жертвами русского коммунизма.

Цветы до сих пор оставлены в склепе Габсбургов в церкви Капуцинов, а в Германии горячо обсуждают наследие кайзера, поскольку изучение Второго рейха выходит из тени более популярной и более ужасающей истории Третьего.

Оглядываясь назад на годы, предшествовавшие революции, Феликс Юсупов был побужден написать универсальную истину: «Наша память иногда полна света, а иногда омрачена тенями. В богатой событиями жизни одни печальны, другие веселы, одни приятны, а другие настолько трагичны, что единственное желание — никогда не вспоминать о них»¹⁴. посоветовал. К лучшему или к худшему, будь то предостережение или оправдание, изучение как исторический эпос или биографическая трагедия, падение императорских семей после 1914 года — это история, достойная интереса и памяти не только потому, что она важна в пути. что вся история имеет значение, но потому, что она трогает нас своей необычайной трагедией, и поэтому, пожалуй, наиболее подходящим заключительным словом в этом исследовании их истории будут слова шестнадцатилетней великой княгини Анастасии, написанные семейной служанке в качестве бронепоезд увез ее к месту ссылки и смерти: «До свиданья. Не забывай меня.

Примечания

Пролог

[1.](#) Вступительную цитату леди Элизабет Боуз-Лайон, будущей королевы-консорты, можно найти в книге Уильяма Шоукросса (изд.), *Counting One's Blessings: The Selected Letters of Queen Elizabeth the Queen Mother* (London, 2013), p. 50. История объявления в Виндзоре и выходных в доме маркизы Милфорд-Хейвен содержится в мемуарах принцессы Марии Луизы «Мои воспоминания о шести царствованиях» (Лондон, 1957), стр. 185–189.

1 Русская, Германская и Австро-Венгерская монархии в 1913 г.

[1.](#) Уинстон Черчилль, *Мировой кризис* (Лондон, 1923 г.), i. 107.

[2.](#) Орlando Файджес, *Народная трагедия: русская революция, 1891–1924* (Лондон, 1996), с. 13.

[3.](#) Уверенность народа в численности российских вооруженных сил как в лучшем гаранте победы привела к тому, что к 1904 г. поражение в Крымской войне (1853–1856 гг.) было в значительной степени забыто или проигнорировано. За особенно хорошую историю русской армии в этот период см. «Штыки перед пулями» Брюса У. Меннинга : *Российская имперская армия, 1861–1914* (издательство Индианского университета, 1992).

[4.](#) Доминик Ливен, *Николай II: Император Всея Руси* (Лондон, 1993), с. 148.

[5.](#) О пути царской России к индустриализации написано много. Интересным отчетом, которым я обязан, является книга Тима Макдэниела «Автократия, капитализм и революция в России» (University of California Press, 1988).

[6.](#) Э. Дж. Бинг (ред.), *Письма царя Николая и императрицы Марии* (Лондон, 1937), с. 188.

[7.](#) Письма царя Николая и императрицы Марии, стр. 197–201.

[8.](#) Ливен, Николай II, с. 150.

[9.](#) Ливен, Николай II, с. 154.

[10.](#) Ливен, Николай II, с. 153.

[11.](#) Ашер, с. 139. В сообщении «Нью-Йорк Таймс» от 25 августа 1906 г. неверно указано, что Наталья Столыпина скончалась в результате полученных ран; исправление было напечатано 26 августа 1906 г., когда было подтверждено, что она находится в критическом состоянии, но ее перевели в больницу Калмейера.

[12.](#) Карьера Столыпина подробно описана в книге Абрахама Ашера, П.А. Столыпин: Поиски стабильности в позднеимперской России (Stanford University Press, 2001). Более негативную оценку его наследия см. в Figes, стр. 221–232, а более широкую дискуссию — в Джудит Паллотт, «Модернизация сверху: Столыпинская земельная реформа» в книге Дж. Паллотта и Д. Б. Шоу (ред.), Пейзажи . и Поселение в Романовской России, 1613–1917 (Oxford University Press, 1990), стр. 165–94; Д. Дж. Мейси, «Реакции правительства и крестьянские реформы» в Р.Б. МакКине (ред.), «Новые перспективы в современной российской истории: избранные документы Четвертого Всемирного конгресса советских и восточноевропейских исследований», Харрогейт, 1990 (Лондон, 1992), стр. 133–73. Об образе жизни и экономических аспектах русского крестьянства в позднецарский период Х.Д. Löwe, Die Lage der Bauern in Russland, 1880–1905 (St Katharinen, 1987), тщательно проработанный отчет, в котором представлено вышеупомянутое исследование рациона среднего крестьянина при Николае II, а также Эстер Кингстон-Манн и Тим Микстер (редакторы), Крестьянин Оба издания «Экономика, культура и политика в европейской части России, 1800–1921 гг.» (издательство Принстонского университета, 1991 г.) были бесценны.

[13.](#) Роберт К. Мэсси, Николас и Александра (Лондон, 1968), с. 215.

[14.](#) Там же.

[15.](#) Граф Владимир Коковцов, Из моего прошлого: Воспоминания графа Коковцова, пер. Лаура Матвеева (издательство Стэнфордского университета, 1935), с. 283.

[16.](#) Рис., с. 12.

[17.](#) Мериэль Бьюкенен, Распад империи (Лондон, 1932), с. 36.

[18.](#) Письмо Марии, герцогини Саксен-Кобургской, своей дочери, наследной принцессе Румынии Марии, от 17–19 февраля 1914 г., цитируется в книге Хелен Раппапорт, «Четыре сестры: потерянные жизни великих княжон Романовых» (Лондон, 2014 г.), п. 209.

[19.](#) Пьер Жильяр, Тринадцать лет при российском императорском дворе (Нью-Йорк, 1921), с. 205.

[20.](#) Гемофилия может появиться в семьях без предшествующей истории и исчезнуть в течение нескольких поколений, отсюда недоверие королевы Виктории, когда ее сыну Леопольду, будущему герцогу Олбани, был поставлен этот диагноз в 1853 году, и почему не было ни одного случая гемофилии. болезнь в европейских царских домах со времен поколения Алексея.

[21.](#) Мэсси, с. 161.

[22.](#) Рис., с. 13.

[23.](#) Грег Кинг и Сью Вулманс, Убийство эрцгерцога: Сараево, 1914 г. и убийство, изменившее мир (Лондон, 2013 г.), с. 150.

[24.](#) Корин Холл, Мать России: биография императрицы Марии Федоровны (Лондон, 1999), с. 261.

[25.](#) См., в частности, работу Джона К.Г. Рёля, где приводится аргумент о том, что антисемитизм Вильгельма сыграл значительную роль в подготовке Германии к нацизму. Отличный контраргумент см. в Christopher Clark, Kaiser Wilhelm II: A Life in Power (London, 2009), pp. 350–6.

[26.](#) Кларк, Вильгельм II, с. 171.

[27.](#) Замечательное введение и оценку внешней политики Вильгельма можно найти в Clark, Wilhelm II, pp. политика» в книге Джона К.Г. Рёля и Николауса Зомбарт (редакторы), «Кайзер Вильгельм II: новые интерпретации» (Cambridge University Press, 2005), стр. 143–68.

[28.](#) Кларк, Вильгельм II, с. 174.

[29.](#) В 1900 году Филиппу было присвоено звание принца цу Эйленбурга. Для простоты ссылки в таком кратком описании его карьеры я использовал титул графа, которым он обладал, когда началось его влияние на Вильгельма. О дебатах о личной жизни Вильгельма II см., в частности, Николаус Зомбарт, «Кайзер в его эпоху: некоторые размышления об обществе, сексуальности и культуре Вильгельма» в Röhl and Sombart (ред.), стр. 305–311, где аргумент, что он был гомосексуалистом и стр. 287–311 для более широкого контекста. Тайлер Уиттл, Последний кайзер: биография Вильгельма II, немецкого императора и короля Пруссии (Лондон, 1977), стр. 89–91, предварительно предполагает, что Вильгельм мог

были бисексуалами, но Эйленбург был единственным мужчиной, с которым у него, похоже, были романтические отношения. Противоположную точку зрения см. в Clark, Wilhelm II, p. 104–5 и английский перевод Джона К.Г. Рёля, Молодой Вильгельм: ранняя жизнь кайзера, 1859–1888 (Cambridge University Press, 1998), стр. 453–64, который содержит обновленную информацию о юношеских гетеросексуальных романах Вильгельма.

[30.](#) Оценку отношений между двумя мужчинами, сделанную Отто фон Бисмарком, и превосходный обзор возможного падения Филиппа цу Эйленбурга см. в James D. Steakley, 'Iconography of a Scandal: Political Cartoons and the Eulenburg Affair in Wilhelmine Germany' in Martin Бауми Дуберман, Марта Висинус и Джордж Чонси (редакторы), Скрытые от истории: восстановление прошлого геев и лесбиянок (Нью-Йорк, 1990). Об оценке Кристофера Кларка о том, что отношения были платоническими, см. Clark, Wilhelm II, p. 104.

[31.](#) Письмо наследной принцессы Пруссии Виктории ее матери, королеве Виктории, от 28 апреля 1863 г., цитируется в книге Роджера Фулфорда (ред.), Дорогая мама: частная переписка королевы Виктории и наследной принцессы Пруссии, 1861–1864 гг. (Лондон, 1968), с. 203–4.

[32.](#) Я благодарен Роуз Морган за обсуждение наилучшего способа перевода слова «либхен». Это более старый термин, и такие слова, как «дорогой», также могут быть сопоставимыми словами в английском языке. Существование пропавшего досье и попытки защиты найти его подтверждаются в письме Максимилиана Хардена Фридриху фон Гольштейну от 31 мая 1908 г., цитируемом Норманом Ричем и М.Х. Фишером (ред.), The Holstein Papers, (Cambridge University Press, 1957), iii. 532. Об отношениях цу Эйленбурга и графа Куно фон Мольтке см. письма между бароном Акселем фон Варнбюлером и фон Мольтке, цитируемые у Изабель В. Халл, «Кайзер Вильгельм II и «Лейбенбергский кружок»» у Рёля и Зомбарт (ред.), стр. . 193–220, в котором также дается превосходная оценка политических убеждений цу Эйленбурга и мотивов Максимилиана Хардена, преследующих его.

[33.](#) Рёль, Молодой Вильгельм, с. 454.

[34.](#) Письмо графа Филиппа цу Эйленбурга Губертусу, принцу фон Бисмарку, от 5 августа 1886 г., цитируется у Clark, Wilhelm II, p. 105.

[35.](#) Кларк, Вильгельм II, с. 240.

[36.](#) Джайлс МакДонах, Последний кайзер: Вильгельм Стремительный (Лондон, 2000), с. 455. Шоу также считал, что у кайзера был один из лучших

интеллекты любого из лидеров 1914 года.

[37.](#) Тимоти Снайдер, Красный принц: падение династии и подъем современной Европы (Лондон, 2008 г.), с. 250.

[38.](#) В 1573 году название праздника было изменено на Праздник Святого Розария. Между 1716 и 1913 годами он отмечался в первое воскресенье каждого месяца, но затем он вернулся к своей первоначальной дате 7 октября.

[39.](#) Из Габсбургов, королей независимого испанского королевства, Филипп II (ум. 1598) женился на своей двоюродной двоюродной сестре, принцессе Португалии Марии Мануэле (ум. 1545), на своей троюродной сестре Марии I, царствующей королеве Англии и Ирландии (ум. 1558 г.), принцесса Франции Елизавета (ум. 1568), с которой он не состоял в близком родстве, а после ее смерти эрцгерцогиня Анна Австрийская (ум. 1580), его племянница. Филипп III (ум. 1621), потомок последнего брака, женился на своей двоюродной сестре, когда-то удаленной, эрцгерцогине Маргарите Австрийской (ум. 1611). Их сын, Филипп IV (ум. 1665), женился на принцессе Франции Елизавете (ум. 1644), с которой он не был в близком родстве, а затем на эрцгерцогине Мариане Австрийской (ум. 1696), его племяннице. В результате браков его непосредственных предков их сын Карлос II имел гены, более гомозиготные, чем если бы его родители были братьями и сестрами. Он женился на своей троюродной сестре Марии-Луизе Орлеанской (ум. 1689) и после ее смерти Марии Анне Нойбергской (ум. 1740), с которой он не был родственником. Оба брака были бездетными, и испанская линия семьи Габсбургов вымерла вместе с ним.

[40.](#) Эдвард Крэнкшоу, Падение Дома Габсбургов (Лондон, 1983), с. 14.

[41.](#) Граф Эгон Цезарь Корти, Vom Kind Zum Kaiser (Грац, 1950) с. 332.

[42.](#) Крэнкшоу, с. 51.

[43.](#) Редлих Йозеф, Император Франц Иосиф (Лондон, 1929), с. 51.

[44.](#) Адольф Шварценберг, принц Феликс цу Шварценберг (Нью-Йорк, 1946), с. 11.

[45.](#) Крэнкшоу, с. 54.

[46.](#) Джоан Хаслип, Одинокая императрица: биография Елизаветы Австрийской (Нью-Йорк, 1965), с. 334.

[47.](#) Хаслип, Одинокая императрица, с. 177.

[48.](#) Лучшее обсуждение сексуальности Людвига и его так называемого «тайного дневника» см. в главе 15 книги Кристофера Макинтоша «Король-лебедь: Людвиг II».

Баварии (Лондон, 1982), стр. 153–9.

[49.](#) Там же.

[50.](#) Эрцгерцогиня Мария Валери, дневник, 22 декабря 1898 г.; Ливен, Николай II, с. 195.

[51.](#) Эндрю Уиткрофт, Габсбурги: воплощение империи (Лондон, 1995), стр. 288–90, за теорию о том, что стиль правления Габсбургов способствовал художественной продуктивности Вены на рубеже веков.

[52.](#) «Дейли телеграф», 7 января 1899 г.; Маргерит Канлифф-Оуэн, Мученичество императрицы (Лондон, 1899 г.), стр. 274–82; Нью-Йорк Таймс, 10 ноября 1898 г.

2 Сараево, 28 июня 1914 г.

[1.](#) Интервью, данное вдовствующей императрицей Зитой писателю Гордону Брук Шеперду 7 марта 1977 г., цитируется в Гордоне Брук-Шеперде, «Последняя императрица: жизнь и времена Зиты в Австро-Венгрии, 1892–1989» (Лондон, 1991 г.). п. 23.

[2.](#) Жан-Поль Блед, Франсуа-Фердинанд д'Отриш (Париж, 2012), с. 96.

[3.](#) Эрцгерцогиня Изабелла и ее муж, эрцгерцог Фридрих, имели восемь дочерей, но, к сожалению, четвертая девочка, эрцгерцогиня Натали, умерла в возрасте четырнадцати лет в 1898 году. Цитата Франца Фердинанда о бале в Ларише цитируется в King and Woolmans, p. . 43.

[4.](#) Кинг и Вулманс, с. 58.

[5.](#) Кинг и Вулманс, с. 57.

[6.](#) Кинг и Вулманс, с. 101.

[7.](#) Владимир Айхельбург, Эрцгерцог Франц Фердинанд и замок Арштеттен (Вена, 2000), с. 33.

[8.](#) Кинг и Вулманс, с. 115.

[9.](#) Кинг и Вулманс, с. 145.

[10.](#) Герд Хеллер, Франц Фердинанд фон Австрия-Эсте (Грац, 1982), стр. 226.

[11.](#) Тейлор А.Дж.П. Первая мировая война: иллюстрированная история (Лондон, 1974), с. 13.

[12.](#) Кинг и Вулманс, с. 218.

- [13](#) М. Люба Йованович, «Убийство в Сараево», Журнал Британского института международных отношений (март 1925 г.), с. 31.
- [14](#) Дольф Оуингс, The Sarajevo Trial (Chapel Hill, 1984), p. 56.
- [15](#) Владимир Дедьер, Дорога в Сараево (Нью-Йорк, 1966), с. 388–9.
- [16](#) Кинг и Вулманс, с. 189.
- [17](#) Дэвид Джеймс Смит, «Одно утро в Сараево» (Лондон, 2008 г.), с. 175.
- [18](#) Существует несколько версий и переводов того, что сказал эрцгерцог, но вариации очень незначительны, и ни в одном из сохранившихся рассказов нет существенных различий.
- [19](#) Neue Freie Presse, 29 июня 1914 г.
- [20](#) Теодор фон Сосноски, Franz Ferdinand der Erzherzog Thronfolger (Мюнхен, 1929), с. 218–19.
- [21](#) Барон Андреас фон Морсей, «Конопишт и Сараево», Berliner Monatshefte (июнь 1934 г.), с. 499.
- [22](#) Эрика Бестенрайнер, Франц Фердинанд и Софи фон Хоэнберг: Verbotene Liebe am Kaiserhof (Мюнхен, 2004), с. 251.
- [23](#) Рудольф Кизлинг, Эрцгерцог Франц Фердинанд фон Австрия-Эсте (Грац и Кельн, 1953), с. 303.
- [24](#) Барон Альберт фон Маргутти, Император Франц-Иосиф и его времена (Лондон, 1921), с. 138–9.
- [25](#) Граф Эгон Цезарь Корти и Ганс Сокол, Der alte Kaiser (Вена, 1955), iii. 412–14.
- [26](#) Интервью, данное вдовствующей императрицей Зитой Гордону Брук Шеперду 23 апреля 1968 года, цитируется в Brook-Shepherd, p. 30.
- [27](#) Дейзи, принцесса Плесса, Дейзи, принцесса Плесса: Сама по себе (Нью-Йорк, 1929), стр. 145–146.
- [28](#) Кинг и Вулманс, с. 208.

3 Первые годы войны в Австро-Венгрии и Германии

- [1](#) Король Георг V, дневник, 28 июня 1914 г.
- [2](#) L'Osservatore Romano, 30 июня 1914 г.

[3.](#) Морис Палеолог, Мемуары посла (Лондон, 1923–1955), i. 12–13.

[4.](#) Палеолог, т.е. 14.

[5.](#) Там же.

[6.](#) Там же.

[7.](#) Ливен, Николай II, с. 198.

[8.](#) Дэвид Фромкин, «Последнее лето Европы: почему мир пошел на войну в 1914 г.» (Лондон, 2004 г.), с. 188.

[9.](#) Великий князь Николай Николаевич (1856–1929), внук царя Николая I по отцовской линии, именуемый в дальнейшем более русским вариантом своего христианского имени Николай, чтобы отличить его от императора Николая II. По той же причине семья Романовых обычно называла его «Николаша».

[10.](#) Палеолог, т.е. 22–3.

[11.](#) Вирджиния Коулз, «Последний царь и царица» (Лондон, 1977), с. 149.

[12.](#) Маргарет Макмиллан, Война, положившая конец миру: как Европа отказалась от мира ради Первой мировой войны (Лондон, 2013 г.), с. 563.

[13.](#) Вальтер Ратенау, Заметки и дневники, Хартмут Погге фон Страндманн и Кэролайн Пиндер Кракрафт (редакторы) (Oxford University Press, 1985), с. 153.

[14.](#) Макдонах, с. 378.

[15.](#) John CG Röhl (ed.), 1914: Delusion or Design (Лондон, 1973), с. 87.

[16.](#) Макдонах, с. 363–4.

[17.](#) Макдонах, с. 367.

[18.](#) Там же.

[19.](#) Брук-Шеперд, с. 34.

[20.](#) Из стенограммы, написанной вдовствующей императрицей Зитой в мае 1981 года для Гордона Брук-Шеперда о суде военного времени, цитируется в Brook Shepherd, p. 39.

[21.](#) Там же.

[22.](#) Там же, с. 37.

[23.](#) Уиткрофт, с. 287.

4 Военное руководство Николая II и восстание Распутина

- [1.](#) Андрей Майлунас и Сергей Мироненко (редакторы), Страсть на всю жизнь: Николай и Александра, их собственная история (Лондон, 1997), с. 418.
- [2.](#) Грег Кинг, Последняя императрица: жизнь и времена Александры Федоровны, царицы России (Лондон, 1995), с. 233.
- [3.](#) Анна Вырубова, Воспоминания о русском дворе (Нью-Йорк, 1923), с. 105–6.
- [4.](#) Коулз, с. 151.
- [5.](#) Баронесса София Буксгевден, Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России (Нью-Йорк, 1928), с. 192.
- [6.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 93.
- [7.](#) Роберт Уилтон, Последние дни Романовых (Лондон, 1920), с. 220.
- [8.](#) Раппапорт, Сестры, с. 119.
- [9.](#) Письма царицы к царю, 1914–1916 (Лондон, 1987), Бернар Парес (введение), с. 41. В дальнейшем именуемые Письма.
- [10.](#) Буксгевден, с. 193.
- [11.](#) Письма, с. 41.
- [12.](#) Письма, с. 53.
- [13.](#) Цуёси Хасэгава, Февральская революция в Петрограде, 1917 г. (Вашингтонский университет, 1981), с. 48.
- [14.](#) Ливен, Николай II, с. 214.
- [15.](#) Там же.
- [16.](#) Лили Ден, Настоящая царица (Лондон, 1922), с. 40.
- [17.](#) См. главу 1, стр. 26 для описания инцидента в Спале.

5 Тотальная война и маргинализация кайзера

- [1.](#) Граф Теобольд фон Бетманн-Хольвер, Betrachtungen zum Weltkrieg (Берлин, 1921), с. 20.
- [2.](#) Paul Herre, Kronprinz Wilhelm: Seine Rolle in der deutschen Politik (Берлин, 1954), с. 55; Диана Престон, Умышленное убийство: гибель «Лузитании» (Лондон, 2002 г.), с. 335.

[3.](#) Макдонах, с. 371.

[4.](#) Макдонах, с. 367.

[5.](#) Альфред фон Тирпиц, *Erinnerungen* (Лейпциг, 1920), с. 462.

[6.](#) Кларк, Вильгельм II, с. 321. История разговора кайзера со своим дантистом рассказана в книге Артура Н. Дэвиса «Кайзер, каким я его знал» (Нью-Йорк, 1918), с. 11–12.

[7.](#) «Мавритания» и «Олимпик» служили главным образом транспортными кораблями. «Аквитания» и «Британник» стали госпитальными кораблями, и на этой службе «Британник» затонул, подрывавшись на немецкой мине в Средиземном море в 1916 году. Остальные три вновь поступили на коммерческую службу после перемирия.

[8.](#) Престон, с. 246.

[9.](#) Престон, с. 247.

[10.](#) Это было оспорено Престоном, стр. 478–486, который убедительно доказывает, что торпеда была основной причиной повреждений из-за угла и точки удара, и что, если Лузитания несла подозреваемое количество или вид боеприпасов, второй взрыв на самом деле был бы намного громче и разрушительнее.

[11.](#) Макмиллан, с. девятнадцатый.

[12.](#) Макдонах, с. 381.

[13.](#) Кларк, Вильгельм II, с. 321–2.

6 Смерть Франца-Иосифа и воцарение Карла

[1.](#) Антония Фрейзер, Мария Антуанетта: Путешествие (Лондон, 2002), с. 3.

[2.](#) Брук-Шеперд, с. 41.

[3.](#) Там же.

[4.](#) Члены императорской линии по-прежнему имеют право на захоронение в склепе капуцинов, и соблюдается та же красивая церемония. Визуальные записи этого во время похорон сына Карла и Зиты, наследного принца Отто, в 2011 году в настоящее время доступны в Интернете.

[5.](#) Брук-Шеперд, с. 45.

[6.](#) Случаи ложных диагнозов известных сифилитиков включают короля Англии Генриха VIII (1491–1547), который точно им не страдал, и

Император Франц Иосиф, который якобы передал его своей великолепной жене Елизавете.

[7.](#) Neue Freie Presse, 22 ноября 1916 г.

[8.](#) Артуро Бич и Дэвид Макинтош, императрица Австрии Зита, королева Венгрии (1891–1989) (Лондон, 2005), с. 8.

[9.](#) Брук-Шеперд, с. 55.

[10.](#) Графиня Кэтрин Каройи, Совместная жизнь (Лондон, 1966), с. 169.

[11.](#) Брук-Шеперд, с. 84–5.

[12.](#) Брук-Шеперд, с. 50.

7 Убийство Григория Распутина

[1.](#) Маргаретта Игер, Шесть лет при русском дворе (Боуменвилль, 2011), с. 52.

[2.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 280.

[3.](#) Мэсси, Николас и Александра, с. 283.

[4.](#) Сэр Джон Хэнбери-Уильямс, Император Николай, каким я его знал (Лондон, 1922), с. 239.

[5.](#) Вырубова, с. 105.

[6.](#) Ливен, Николай II, с. 215.

[7.](#) Ливен, Николай II, с. 218.

[8.](#) Ливен, Николай II, с. 220.

[9.](#) Холл, с. 272.

[10.](#) Ливен, Николай II, с. 221.

[11.](#) Глеб Боткин, Настоящие Романовы (Лондон, 1932), с. 125.

[12.](#) Холл, с. 273.

[13.](#) Князь Феликс Юссопов, Lost Splendor (Лондон, 1953), с. 193.

[14.](#) Юссопов, Потерянное великолепие, с. 194.

[15.](#) Письма, с. 170.

[16.](#) Коулз, с. 173.

[17.](#) Палеолог, ii. 166.

[18.](#) Ливен, Николай II, с. 224.

[19.](#) Ливен, Николай II, с. 224–5.

[20.](#) Питер Барк, «Воспоминания», «Возрождение» (июль 1966 г.), с. 78.

[21.](#) Владимир Пуришкевич, Конец Распутина (Энн-Харбор, Мичиган, 1985), с. 73.

[22.](#) Юсупов, Потерянное великолепие, с. 157.

[23.](#) Для обсуждения сексуальности Феликса Юсупова см. Грег Кинг, Убийство Распутина: правда о князе Феликсе Юсупове и безумном монахе, который помог свергнуть Романовых (Лондон, 1996), стр. 88–90, 103–5.

[24.](#) Юсупов, Потерянное великолепие, с. 86.

[25.](#) Письма, с. 294.

[26.](#) Юсупов, Потерянное великолепие, с. 88.

[27.](#) Кинг, Убийство Распутина, с. 110–11.

[28.](#) Холл, с. 252.

[29.](#) Юсупов, Потерянное великолепие, с. 149.

[30.](#) Кинг, Убийство Распутина, с. 116.

[31.](#) Кинг, Убийство Распутина, с. 128.

[32.](#) Князь Феликс Юсупов, Распутин: Его пагубное влияние и убийство (Нью-Йорк, 1927), с. 68.

[33.](#) Рис., с. 289.

[34.](#) Письма, с. 458 [35.](#)

Письма, с. 461.

[36.](#) Мэсси, Николас и Александра, с. 362.

[37.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 277.

[38.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 279.

[39.](#) Там же.

[40.](#) Мэсси, Николас и Александра, с. 362.

8 Февральская революция и падение русской монархии

- [1.](#) Особенно показательный обзор обстоятельств, предшествовавших этому, см. у Томаса Фэллоуза, «Политика и военные действия в России: союз земств и организация продовольственного снабжения, 1914–1916», «Славянское обозрение», (1978) , стр. 70–90.
- [2.](#) Хасэгава, с. 48.
- [3.](#) Великий князь Александр Михайлович России, «Однажды великим князем» (Лондон, 1932), с. 314–5.
- [4.](#) Михаил Родзянко, Царствование Распутина (Лондон, 1927), стр. 252–254.
- [5.](#) См., в частности, письмо, цитируемое Марком Штейнбергом и Владимиром Хрусталевым, Падение Романовых: политические мечты и личная борьба во время революции (издательство Йельского университета, 1995), с. 73.
- [6.](#) Родзянко, с. 263.
- [7.](#) Штейнберг, Хрусталев, с. 67.
- [8.](#) Штейнберг, Хрусталев, с. 68.
- [9.](#) Штейнберг и Хрусталев, стр. 73–76.
- [10.](#) Штейнберг, Хрусталев, с. 76–7.
- [11.](#) Рис., с. 321.
- [12.](#) Сэр Бернард Парес, Падение русской монархии (Лондон, 1939), с. 451.
- [13.](#) Коулз, с. 196.
- [14.](#) Штейнберг, Хрусталев, с. 88–9.
- [15.](#) Коулз, с. 196.
- [16.](#) Жильярд, с. 195.
- [17.](#) Парес, Монархия, с. 468.
- [18.](#) Палеолог, III. 265–6.
- [19.](#) Протокол переговоров депутатов Государственной Думы Александра Гучкова и Василия Шульгина с Николаем II в Пскове об акте отречения от престола, цит. у Штейнберга и Хрусталева, стр. 97–98.
- [20.](#) Парес, Монархия, стр. 468–469.
- [21.](#) Великий князь Александр, с. 287.
- [22.](#) Холл, с. 282.
- [23.](#) Холл, с. 283.

[24.](#) Отчет о встрече дан вдовой великого князя Павла в княгине Ольге Палей, «Воспоминания о России» (Лондон, 1924), с. 61.

[25.](#) Ден, с. 165.

[26.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 291.

[27.](#) Розмари и Дональд Кроуфорд, Майкл и Наташа: жизнь и любовь последнего царя России (Лондон, 1997), с. 305.

[28.](#) См. Кроуфорд и Кроуфорд, с. 302.

[29.](#) Кроуфорд и Кроуфорд, с. 300.

[30.](#) Р. Х. Брюс Локхарт, «Мемуары британского агента» (Лондон, 1932), с. 160.

[31.](#) Предлагаются различные переводы отречения Михаила. Например, см. Стейнберг и Хрусталева, с. 105.

[32.](#) Кроуфорд и Кроуфорд, с. 360.

[33.](#) Штейнберг и Хрусталева, с. 77.

[34.](#) Жильярда, с. 214–5.

[35.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с.

[303](#) [36.](#) Граф Пауль Бенкендорф, Последние дни в Царском Селе, пер. Морис Бэринг (Лондон, 1927), с. 43.

[37.](#) Вырубова, с. 212.

9 Триумф военного правительства в имперской Германии

[1.](#) Кристофер Кларк, Железное королевство: Взлет и падение Пруссии, 1600–1947 (Лондон, 2007), с. 268.

[2.](#) Александрина Мекленбург-Шверинская (1879–1952) была королевой-консортом Дании с 1912 по 1947 год. Она также была королевой-консортом Исландии с 1918 по 1944 год, между Актом о союзе Исландии с Данией и плебисцитом, в результате которого была создана независимая республика. Как и ее сестра Сесилия, королева Александрина была противником нацизма, и она и ее муж король Кристиан X стали символами датской независимости и оппозиции во время Второй мировой войны.

[3.](#) Несмотря на популярность евгенического движения в вильгельмовской Германии, кронпринц позировал для официальных фотографий со своей дочерью Александриной, и она считалась полноправным членом

императорская семья. Есть некоторые споры о жизни Александрины Прусской после краха монархии. В возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет она получила частное образование в школе для учащихся с особыми потребностями, Trüpersche Sonderschule в Тюрингии, но это неправда, как иногда утверждают, что она была помещена в лечебное учреждение, когда ей исполнилось двадцать. На сохранившихся фотографиях, сделанных на семейной свадьбе, принцесса стоит рядом со своим старшим братом Вильгельмом в униформе Вермахта, которую он не носил до начала Второй мировой войны в 1939 году.

Я благодарен замечательной Антонии Эде за ее помощь в определении униформы и одежды. На фотографии и Александрина, и ее младшая сестра Сесилия одеты в платья второй половины 1930-х годов, когда Александрине исполнилось двадцать. Немыслимо, чтобы институционализированный человек был допущен на подобные мероприятия или вообще. Поэтому кажется очевидным, что версия о том, что она была помещена в лечебницу в 1935 или 1936 году, ошибочна. Она умерла в 1980 году в возрасте шестидесяти пяти лет, прожив большую часть своей жизни в Баварии.

[4.](#) Роджер Чикеринг, Имперская Германия и Великая война, 1914–1918 гг. (второе издание, издательство Кембриджского университета, 2004 г.), с. 91.

[5.](#) Прокламация «Der Kaiser an die deutsche Flotte». Dank für die Sieger vom Skagerrak, 5 июня 1916 г.

[6.](#) Немецкое оружие фактически было ввезено в Ирландию перед войной как националистами, которые хотели видеть некоторую форму политической независимости Ирландии, так и лоялистами, которые были крайне враждебны этой идее и хотели сохранить полный законодательный союз с Великобританией. По иронии судьбы, ружья были куплены на том же заводе, но контрабандой ввезены в Ирландию через южный порт Дан-Лэогер для националистов и через северный город Ларн для лоялистов. В 1916 году сепаратисты очень стремились заручиться поддержкой Германии, и переговоры велись через посольство Германии в Вашингтоне. Именно это привело к провалу миссии Ауда . См. Рассел Рис, Ирландия, 1905–1925 (Newtownards, 1998), стр. 203–5.

[7.](#) Полезное введение в события, связанные с Sinn Féin Ard Fheis 1917 года, когда основная часть ирландского сепаратизма официально поддержала республиканизм, см. Rees, стр. 222–230. О предложении националистов предложить ирландский трон принцу Иоахиму см. Десмонд.

Фитцджеральд, Восстание Десмонда: воспоминания, 1913 г. - Пасха 1916 г. (Дублин, 2006 г.), с. 143.

[8.](#) Англоязычного исследования попытки создания независимого финского королевства в 1918 году не существует. Для тех, кто знаком с финским языком, хороший отчет содержится в третьем томе Ohto Manninen (ed.), *Itsenäistymisen vuodet 1917–1920* (Helsinki, 1992), отличном исследовании первых трех лет Финляндии после отделения от Российской империи.

[9.](#) Предполагаемая корона не была изготовлена до тех пор, пока в 1990-х годах ювелиром Теуво Юпя не была отлита копия по оригинальным чертежам. Он состоял из геральдических роз, а также гербов различных провинций Финляндии вокруг его основания и был увенчан сферой, окрашенной в синий и белый цвета, национальные цвета, с традиционным геральдическим львом страны наверху. Сейчас эта копия хранится в музее в финском городе Кеми.

[10.](#) Кларк, Вильгельм II, с. 322.

[11.](#) «Таймс», 21 апреля 1917 г.

[12.](#) Пирс Брендон и Филип Уайтхед, Виндзоры: раскрытие династии, 1917–2000 (Лондон, 2000), с. 17.

[13.](#) Макдонах, с. 388.

[14.](#) История впервые была описана в немецкой биографии в 1931 году, но ее подробности были подтверждены вдовствующей императрицей Зитой в частном интервью Brook-Shepherd, цитируемом в Brook-Shepherd, p. 64.

10 Дело Сикста и попытки положить конец войне

[1.](#) Граф Оттокар фон Чернин, В мировой войне (Нью-Йорк, 1920), с. 161.

[2.](#) Брук-Шеперд, с. 63.

[3.](#) О колебаниях состояния монархизма во времена Третьей республики см. Kevin Passmore, *The Right in France from the Third Republic to Vichy* (Oxford University Press, 2013).

[4.](#) Жорж де Мантейер, Мирное предложение Австрии, 1916–1917 (Лондон, 1921), с. 39.

[5.](#) Брук-Шеперд, с. 69.

[6.](#) Там же.

[7.](#) Брук-Шеперд, с. 70.

[8.](#) Брук-Шеперд, с. 71.

[9.](#) Брук-Шеперд, с. 72.

[10.](#) Брук-Шеперд, с. 100.

[11.](#) Императрица Зита, дневник, 14 апреля 1918 г.

[12.](#) Хьюго Ханч, Граф Берхтольд (Вена, 1979 г.), ii. 816.

11 Убийство Романовых

[1.](#) Павел Быков, Последние дни царизма (Лондон, 1934), с. 33.

[2.](#) Коулз, с. 201.

[3.](#) Павел Булыгин и Александр Керенский, Убийство Романовых (Лондон, 1935), с. 122.

[4.](#) Александр Керенский, Распятие свободы (Лондон, 1934), с. 167– 8.

[5.](#) Бенкендорф, с. 76.

[6.](#) Бенкендорф, с. 74.

[7.](#) Бенкендорф, с. 76.

[8.](#) Булыгин и Керенский, с. 15.

[9.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 303.

[10.](#) Мэсси, Николас и Александра, с. 434.

[11.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 302.

[12.](#) Мэсси, Николас и Александра, с. 433.

[13.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 307.

[14.](#) Фрэнсис Уэлч, Романовы и мистер Гиббс: История англичанина, который учил детей последнего царя (Лондон, 2002), с. 18.

[15.](#) Эдвард, герцог Виндзорский, «История короля» (Нью-Йорк, 1947), с. 131.

[16.](#) Мать короля Георга V, Александра Датская, и мать Николая, императрица Мария, были сестрами; его отец, король Эдуард VII, и мать Александры, великая герцогиня Алиса Гессен-Дармштадтская, также были братьями и сестрами. Письмо лорда Берти, осуждающее императрицу, цитируется у Билюгина и Керенского, с. 117.

[17.](#) Брендон и Уайтхед, с. 16.

- [18.](#) Мэсси, Николас и Александра, с. 439.
- [19.](#) Билюгин и Керенский, с. 120.
- [20.](#) Мэсси, Николас и Александра, с. 446.
- [21.](#) Билюгин и Керенский, с. 129.
- [22.](#) Полковник Евгений Кобылинский, Последние дни Романовых (Лондон, 1920), с. 183.
- [23.](#) Уэлч, Гиббс, с. 68.
- [24.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 322.
- [25.](#) Уэлч, Гиббс, с. 68.
- [26.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 350.
- [27.](#) Мэсси, Николас и Александра, с. 456–7.
- [28.](#) Жильярд, с. 256.
- [29.](#) Рис., с. 637.
- [30.](#) О реакции Робеспьера на суд над Марией-Антуанеттой см. современное переиздание писем Хелены Марии Уильямс, Letters Written in France (Calgary, 2001), p. 173.
- [31.](#) Интервью Василия Яковлева газете «Известия» , 16 мая 1918 г.
- [32.](#) Там же.
- [33.](#) Там же.
- [34.](#) Хелен Раппапорт, Екатеринбург: Последние дни Романовых (Лондон, 2008), с. 1.
- [35.](#) Телеграмма Уральского областного Совета Владимиру Ленину и Якову Свердлову, 28 апреля 1918 г., Штейнберг и Хрусталеv, с. 249.
- [36.](#) Телеграмма Якова Свердлова в Екатеринбургский обком партии большевиков, 29 апреля 1918 г., у Штейнберга и Хрусталева, с. 251.
- [37.](#) Телеграмма Василия Яковлева Якову Свердлову, 29 апреля 1918 г., Штейнберг и Хрусталеv, с. 252.
- [38.](#) Там же.
- [39.](#) Интервью, данное Джорджем Гиббсом Грегу Кингу, май 1989 г., цитируется в Greg King and Penny Wilson, The Fate of the Romanovs (London, 2003), p. 140.

[40.](#) Там же.

[41.](#) Баронесса Софи Буксгевден, Оставленные: четырнадцать месяцев в Сибири во время революции, декабрь 1917 – февраль 1919 (Лондон, 1919), с. 69.

[42.](#) Кинг и Уилсон, с. 141.

[43.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 367.

[44.](#) Буксгевден, Оставленные позади, с. 73.

[45.](#) Валентин Сперанский, «La Maison à Destination Special»: Екатеринбургская трагедия (Париж, 1929), с. 158–9.

[46.](#) Кинг и Уилсон, с. 76; Фигес, с. 641.

[47.](#) Харрисон Солсбери, Черная ночь, Белый снег: российские революции, 1905–1917 (Нью-Йорк, 1977), с. 152.

[48.](#) Рис., с. 641–2.

[49.](#) Кинг и Уилсон, с. 241–2.

[50.](#) Сперанский, с. 55.

[51.](#) Сперанский, с. 57. Благодарю Кэтрин Макстон-Паркер за помощь в переводе некоторых замечаний Сперанского.

[52.](#) Кинг и Уилсон, с. 243.

[53.](#) Казнь графини Хендриковой и выживание баронессы Буксгевден привели к подозрению, что баронесса предала своих работодателей, предоставив Уральскому Совету информацию о них, в частности, что у них были вшиты в нижнее белье драгоценности, чтобы обеспечить себя в ссылке. Хотя эта теория повторяется в некоторых современных отчетах о падении монархии, ей не так много доказательств. Если баронесса Буксгевден сообщила Совету о тайнике с драгоценностями женщин Романовых, то любопытно, что эта информация не учитывалась в планах их убийства и что обнаружение драгоценностей на их жертвах впоследствии стало такой неожиданностью для палачей. . Утверждать, что графиня погибла из-за своей верности, а сотрудничество спасло баронессу, значит признать красный террор логикой, которой у него не было; дальнейшее обсуждение случайного и капризного характера нападений раннего коммунизма на аристократию можно найти в Дугласе Смите, Бывшие люди: уничтожение русской аристократии (Лондон, 2013).

[54.](#) Императрица Александра Федоровна, дневник, 11 июля 1918 г.

[55.](#) Раппапорт, Четыре сестры, с. 375.

[56.](#) Коулз, с. 216.

[57.](#) Мое собственное мнение состоит в том, что Ленин знал, что должно было случиться с семьей Николая II, и что приказ убить их исходил от центрального советского правительства в Москве. Логистика самой казни явно была оставлена на усмотрение Уральского Совета, но почти невероятно, чтобы с Москвой не проконсультировались по поводу такого важного решения. Воспоминание Троцкого о том, что Ленин объявил эту новость через несколько дней после события без неожиданности, подтверждает мнение, что последний знал о плане убийства Романовых заранее, а не просто одобрил его впоследствии. Роберт Сервис, Ленин: биография (Лондон, 2010), стр. 363–366, соглашается и утверждает, что приказ был отдан лично Лениным, но передан через Свердлова.

[58.](#) Джон Клиер и Хелен Мингей, В поисках Анастасии: Разгадка тайны пропавших Романовых (Лондон, 1996), с. 46.

[59.](#) Расшифрованная телеграмма Александра Белобородова Николаю Горбунову, 17 июля 1918 г., Штейнберг и Хрусталеv, с. 337.

[60.](#) Штейнберг и Хрусталеv, с. 362.

[61.](#) Штейнберг и Хрусталеv, с. 359.

[62.](#) Штейнберг и Хрусталеv, с. 360.

12 Конец войны и падение монархий

[1.](#) Макдонах, с. 399.

[2.](#) Эрих Людендорф, «Собственная история Людендорфа: август 1914 г. – ноябрь 1918 г.»; Великая война от осады Льежа до подписания перемирия глазами штаба германской армии (Нью-Йорк, 1920), с. 421.

[3.](#) Дэвид Уэлч, Германия, пропаганда и тотальная война, 1914–1918 гг. (Лондон, 2000 г.), с. 122.

[4.](#) Морис Бомон, Падение кайзера, пер. Э. Иббетсон Джеймс (Лондон, 1931), с. 3–4.

[5.](#) Кларк, Вильгельм II, с. 340.

[6.](#) Макдонах, с. 404.

[7.](#) Макдонах, с. 408.

[8.](#) Макдонах, с. 412.

[9.](#) Макдонах, с. 408.

[10.](#) Макдонах, с. 412.

[11.](#) Там же.

[12.](#) Макдонах, с. 413.

[13.](#) Брук-Шеперд, с. 109.

[14.](#) Интервью, данное вдовствующей императрицей Зитой Гордону Брук Шепарду 9 октября 1978 г., цитируется в Brook-Shepherd, p. 111.

[15.](#) Брук-Шеперд, с. 114.

[16.](#) Брук-Шеперд, с. 115.

[17.](#) Брук-Шеперд, с. 121.

[18.](#) Интервью, данное вдовствующей императрицей Зитой Гордону Брук Шепарду 9 октября 1978 г., цитируется в Brook-Shepherd, p. 127.

[19.](#) Брук-Шеперд, с. 129.

[20.](#) Это слова, записанные пресс-секретарем императора Карлом Веркманном. В интервью Гордону Брук-Шепарду в 1978 году вдовствующая императрица Зита подтвердила, что суть его рассказа верна, хотя она не могла вспомнить, была ли точная формулировка верной.

[21.](#) Императрица упоминает младенца эрцгерцога Карла Людвига в двух своих цитатах. В первый раз она упоминает его как младенца, когда уезжает с ними в кортеже из дворца, и он действительно родился в марте 1918 года. Однако в своей цитате о Рождестве, когда большая часть ее семьи заразилась испанским гриппом, Зита сказала что Карлу Людвигу тогда едва исполнилось восемнадцать месяцев. Ее математика неверна, но возможно, что, поскольку она давала эту информацию в интервью Гордону Бруку Шеперду спустя десятилетия после того, как это произошло, она просто неправильно подсчитала возраст Карла Людвига; ему было девять месяцев, когда в Австрию обрушилась пандемия гриппа.

[22.](#) Брук-Шеперд, с. 132.

[23.](#) Испанский грипп возник не в Испании. Его король Альфонсо XIII был еще одним монархом, который подхватил болезнь и выжил. Цензура военного времени в Соединенном Королевстве, Франции и Соединенных Штатах означала, что пресса не могла сообщать в полном объеме о смертях, вызванных пандемией.

однако в Испании таких ограничений не было, что породило ошибочное впечатление, что страна пострадала больше других, отсюда и прозвище пандемии. Воспоминания Зиты о Рождестве 1918 года цитируются в Brook-Shepherd, p. 136.

[24.](#) Отчет об аудиенции, данной принцем Сикстом Бурбон-Пармским, цитируется в Brook-Shepherd, p. 137.

[25.](#) Брук-Шеперд, с. 140.

[26.](#) Там же.

[27.](#) Я благодарен Клэр Хэндли за помощь в переводе письма Императора.

Эпилог

[1.](#) Императрица была похоронена в «античном храме» на территории парка Сан-Суси, убежище восемнадцатого века, построенном по приказу короля Фридриха Великого. Первоначально храм задумывался как музей, но во время правления Вильгельма II планировалось превратить его в часовню для двора. Августа Виктория была первой представительницей Дома Гогенцоллернов, похороненной здесь. Тело ее младшего сына, принца Иоахима, покончившего жизнь самоубийством в 1920 году, позже было перенесено вместе с ее телом. Ее второй сын, принц Эйтель Фридрих, также был похоронен здесь в 1942 году, как и ее внук принц Вильгельм, погибший во время Второй мировой войны. Во время оккупации Германии Советским Союзом после Второй мировой войны вторая жена Вильгельма II, вдовствующая императрица Германа, умерла на контролируемом коммунистами Востоке в 1947 году, и она тоже была похоронена в Сан-Суси, а это означает, что обе супруги Вильгельма II теперь похоронены в том же месте. Мавзолей закрыт для посещения.

[2.](#) Кларк, Вильгельм II, с. 355.

[3.](#) История об отказе графини Ханны фон Бисмарк-Шенхаузен спустить на воду корабль для нацистского режима была рассказана Сесилией, графиней фон Штернберг, автору Тайлеру Уиттлу и упоминалась в Whittle, p. 339 н. Фельдмаршал фон Макензен на похоронах принца Вильгельма, см. Whittle, p. 340.

[4.](#) Макдонах, с. 416–17, 459.

[5.](#) Тео Аронсон, Короны в конфликте: Триумф и трагедия европейской монархии, 1910–1918 (Лондон, 1986), с. 175.

[6.](#) Джеймс Богл и Джоанна Богл, Сердце Европы: жизнь императора Карла и императрицы Зиты Австро-Венгрии (Леоминстер, 2000), с. 35.

[7.](#) Клиер и Мингай, с. 95.

[8.](#) Клиер и Мингай, с. 223.

[9.](#) Клиер и Мингай, с. 234.

[10.](#) Клиер и Мингай, с. 235.

[11.](#) Кинг, Убийство Распутина, с. 237–8.

[12.](#) Эрик Айвз, Леди Джейн Грей: Тайна Тюдоров (Оксфорд, 2009), с. 293.

[13.](#) The Beatification of Five Servants of God, веб-сайт Ватикана, 3 октября 2004 г. Беатификация покойного императора не обошлась без разногласий, хотя критика, прозвучавшая в англоязычных газетах и утверждавшая, что Карл был кровожадным или некомпетентным шутом, едва ли кажется особенной. справедливо, а также предположения, что он был просто причислен к лику блаженных, чтобы укрепить консервативное политико-религиозное мнение в современной Австрии. Об обратном мнении см. Ян Трейнор, «Папа беатифицировал «шута», который был последним императором Австрии», The Guardian, 18 января 2004 г.

[14.](#) Вступительная цитата к главе XXI Юссопова «Утраченное великолепие».

Библиография

Газеты и периодические издания

Известия, Москва

L'Osservatore Romano, Ватикан

Neue Freie Presse, Вена

«Дейли телеграф», Лондон

The Guardian, Лондон

Нью-Йорк Таймс, Нью-Йорк

Таймс, Лондон

Книги и журналы

Айхельбург, Владимир, эрцгерцог Франц Фердинанд и замок Арштеттен
(Вена, 2000 г.)

Альбертини, Луиджи, Истоки войны 1914 года (издательство Оксфордского университета,
1956)

Александр Михайлович, великий князь России, когда-то великий князь
(Лондон, 1932 г.)

Аронсон, Тео, Короны в конфликте: триумф и трагедия
Европейская монархия, 1910–1918 (Лондон, 1986 г.)

Ашер, Абрахам, П.А. Столыпин: Поиски стабильности в поздней империи
Россия (издательство Стэнфордского университета, 2001 г.)

Баден, принц Максимилиан фон, Мемуары принца Макса Баденского, пер. У. М.
Колдер (Лондон, 1928 г.)

Барк, Питер, «Воспоминания», «Возрождение» (июль 1966 г.)

Баркай, Хаим, «Макроэкономика царской России в эпоху индустриализации:
развитие денежно-кредитной системы, платежный баланс и золотой стандарт»,
Журнал экономической истории (1973)

Бомон, Морис, Падение кайзера, пер. Э. Иббетсон Джеймс (Лондон, 1931 г.)

- Бич, Артуро и Дэвид Макинтош, императрица Австрии Зита, королева Венгрия (1891–1989) (Лондон, 2005 г.)
- Беллер, Стивен, Фрэнсис Джозеф (Лондон, 1996)
- Бенкендорф, граф Павел, Последние дни в Царском Селе, пер. Морис Бэринг (Лондон, 1927)
- Бенедикт, Генрих, Monarchie der Gegensätze (Вена, 1947)
- Бестенрайнер, Эрика, Франц Фердинанд и Софи фон Гогенбург: Verbotene Liebe am Kaiserhof (Мюнхен, 2004 г.)
- Бейтлер, Гиги, Императорские своды капуцинов П.П. в Вене (Вена, 2007)
- Бинг, Э. Дж. (редактор), Письма царя Николая и императрицы Марии (Лондон, 1937 г.)
- Блед, Жан-Поль, Франсуа-Фердинанд д'Отриш (Париж, 2012 г.)
- Богл, Джеймс и Джоанна Богл, Сердце Европы: жизнь императора Карла и императрицы Австро-Венгрии Зиты (Леоминстер, 2000)
- Боткин, Глеб, Настоящие Романовы (Лондон, 1932)
- Бойер, Дж. В., «Конец старого режима: видение политической реформы в поздней имперской Австрии», Журнал современной истории (1986)
- Брендон, Пирс и Филип Уайтхед, Виндзоры: раскрытие династии, 1917–2000 гг. (Лондон, 2000 г.)
- Мост, FR, От Садовой до Сараево: внешняя политика Австрии Венгрия, 1866–1914 гг. (Лондон, 1972 г.)
- Брук-Шепард, Гордон, Последняя императрица: жизнь и времена Зиты Австро-Венгрии, 1892–1989 (Лондон, 1991)
- Брюс Локхарт, RH, Мемуары британского агента (Лондон, 1932 г.)
- Бьюкенен, Мериэль, Распад империи (Лондон, 1932 г.)
- Бюлов, принц Бернхард фон, Воспоминания принца фон Бюлова (Бостон, 1931)
- Булыгин, Павел и Александр Керенские, Убийство Романовых (Лондон, 1935)
- Буксгевден, баронесса Софи, Оставленные: четырнадцать месяцев в Сибири во время революции, декабрь 1917 г. - февраль 1919 г. (Лондон, 1919 г.)
- Буксгевден, баронесса Софи, Жизнь и трагедия Александры Федоровна, императрица России (Нью-Йорк, 1928 г.)

- Быков, Павел, Последние дни царизма (Лондон, 1934)
- Кассель, Лаванда, Эрцгерцог и убийца (Нью-Йорк, 1985)
- Кавендиш-Бентинк, Уильям, 6-й герцог Портлендский, мужчины, женщины и Вещи (Лондон, 1938)
- Сесил, Ламар, Альберт Баллин: бизнес и политика в имперской Германии, 1888–1918 (издательство Принстонского университета, 1967)
- Сесил, Ламар, Вильгельм II: Император и изгнание (Университет Северной Каролины Пресса, 1996 г.)
- Чикеринг, Роджер, Имперская Германия и Великая война, 1914–1918 гг. (Второе издание, издательство Кембриджского университета, 2004 г.)
- Черчилль, Уинстон, Мировой кризис (Лондон, 1923 г.)
- Кларк, Кристофер, Железное королевство: Взлет и падение Пруссии, 1600–1947 (Лондон, 2007 г.)
- Кларк, Кристофер, Кайзер Вильгельм II: Жизнь у власти (Лондон, 2009 г.)
- Кук, Эндрю, Убийство Романовых (Страуд, 2011)
- Корти, граф Эгон Цезарь, Елизавета, императрица Австрии (Йельский университет Пресса, 1936 г.)
- Корти, граф Эгон Цезарь, Vom Kind Zum Kaiser (Грац, 1950)
- Корти, граф Эгон Цезарь и Ганс Сокол, Der alte Kaiser (Вена, 1955 г.)
- Коулз, Вирджиния, Последний царь и царица (Лондон, 1977)
- Крэншоу, Эдвард, Падение дома Габсбургов (Лондон, 1983)
- Кроуфорд, Розмари и Дональд Кроуфорд, Майкл и Наташа: Жизнь и Любовь последнего царя России (Лондон, 1997)
- Канлифф-Оуэн, Маргарита, Мученичество императрицы (Лондон, 1899 г.)
- Дэвис, Артур Н., Кайзер, каким я его знал (Нью-Йорк, 1918) де Мантейер,
- Жорж, Мирное предложение Австрии, 1916–1917 (Лондон, 1921)
- Деак, Иштван, За пределами национализма: социальная и политическая история Габсбургский офицерский корпус, 1848–1918 (Оксфорд, 1992 г.)
- Дедиер, Владимир, Дорога в Сараево (Нью-Йорк, 1966)
- Ден, Лили, Настоящая царица (Лондон, 1922)

Дуберман, Мартин Бауми, Марта Вичинус и Джордж Чонси (редакторы),
Скрыто от истории: возвращение к прошлому геев и лесбиянок (Нью-Йорк, 1990)

Игер, Маргаретта, «Шесть лет при русском дворе» (Боуменвиль, Онтарио,
2011)

Эдвард, герцог Виндзорский, Королевская история (Нью-Йорк, 1947)

Эйзенмергер, Виктор, эрцгерцог Франц Фердинанд (Лондон, 1928 г.)

Эпкенхаус, Михаэль, Тирпиц: архитектор немецкого флота открытого моря
(Вашингтон, округ Колумбия, 2008 г.)

Эрдёди, граф Тамаш, Габсбурги Вег фон Вильгельм цу Бриан (Лейпциг,
1932)

Фаллоуз, Томас, «Политика и военные действия в России: Союз
Земства и организация продовольственного снабжения, 1914–1916', Славянск.
Обзор (1978)

Фенивеси, Чарльз, Королевская семья в изгнании: внутренняя история бывших величеств
Европа (Лондон, 1981 г.)

Фейерлихт, Роберта Штраус, Отчаянный поступок: Убийство Франца
Фердинанд в Сараево (Нью-Йорк, 1968 г.)

Фигес, Орландо, Народная трагедия: русская революция, 1891–1924 гг.
(Лондон, 1996 г.)

Фишер, Фриц, Цели Германии в Первой мировой войне (Нью-Йорк, 1967 г.)

Фитцджеральд, Десмонд, Восстание Десмонда: мемуары, 1913 г. - Пасха, 1916 г.
(Дублин, 2006 г.)

Фрейзер, Антония, Мария-Антуанетта: Путешествие (Лондон, 2002 г.)

Фромкин, Дэвид, Последнее лето Европы: почему мир пошел на войну в 1914 году
(Лондон, 2004 г.)

Фуллер, Уильям К., Враг внутри: фантазии об измене и конце имперской России (Cornell
University Press, 2006)

Фуллер, Уильям, Стратегия и власть в России, 1600–1914 (Нью-Йорк,
1992)

Жильяр, Пьер, «Тринадцать лет при русском императорском дворе» (Нью-Йорк,
1921)

- Холл, Корина, Маленькая Мать Россия: Биография императрицы Марии Федоровна (Лондон, 1999 г.)
- Хэнбери-Уильямс, Джон, Император Николай, каким я его знал (Лондон, 1922)
- Ханч, Хьюго, граф Берхтольд (Вена, 1979)
- Хасэгава, Цуёси, Февральская революция в Петрограде, 1917 г. (Вашингтонский университет, 1981 г.)
- Хаслип, Джоан, Одинокая императрица: биография Елизаветы Австрийской (Нью-Йорк, 1965 г.)
- Хаслип, Джоан, Император и актриса: История любви Императора Франц Йозеф и Катарина Шратт (Лондон, 1982 г.)
- Хаузер-Кёхерт, Ирмагд, Императорские ювелиры в Вене (Флоренция, 1990 г.)
- Herre, Paul, Kronprinz Wilhelm: Seine Rolle in der Deutschen Politik (Берлин, 1954 г.)
- Херринг, Джордж К., От колонии к сверхдержаве: международные отношения США с 1776 г. (Оксфорд, 2008 г.)
- Герцер, Манфред, Магнус Хиршфельд: Leben und Werk eines jüdischen, schwulen und sozialistischen Sexologen (Гамбург, 2001)
- Хьюитсон, Марк, «Германия и Франция перед Первой мировой войной: А. Переоценка внешней политики Вильгельмина», English Historical Review (2000)
- Хеллер, Герд, Франц Фердинанд фон Эстеррайх-Эсте (Вена, 1982)
- Халл, Изабель, Окружение кайзера Вильгельма II, 1888–1918 (Кембридж Университетское издательство, 2004 г.)
- Айвз, Эрик, Леди Джейн Грей: Тайна Тюдоров (Оксфорд, 2009 г.)
- Яси, Оскар, Распад Габсбургской монархии (Университет Чикаго Пресс, 1929 г.)
- Елавич, Барбара, «Что правительство Габсбургов знало о черном Рука », Ежегодник истории Австрии (Хьюстон, 1991 г.)
- Йозеф, Редлих, Император Франц Иосиф (Лондон, 1929)
- Йованович, М. Люба, «Убийство в Сараево», журнал Британского института международных отношений (март 1925 г.)
- Каройи, графиня Кэтрин, Совместная жизнь (Лондон, 1966)

- Кеннан, Джордж, Сибирь и система ссылки (Нью-Йорк, 1891 г.)
- Керенский, Александр, Катастрофа (Лондон, 1927)
- Керенский, Александр, Распятие свободы (Лондон, 1934)
- Кинг, Грег, Последняя императрица: жизнь и времена Александры Федоровна, царица России (Лондон, 1995 г.)
- Кинг, Грег, Убийство Распутина: Правда о принце Феликсе Юсупов и безумный монах, который помог низложить Романовых (Лондон, 1996 г.)
- Кинг, Грег и Пенни Уилсон, Судьба Романовых (Лондон, 2003 г.)
- Кинг, Грег и Сью Вулманс, Убийство эрцгерцога: Сараево 1914 г. и убийство, изменившее мир (Лондон, 2013 г.)
- Кингстон-Манн, Эстер и Тим Макстер (редакторы), Крестьянское хозяйство, культура и политика в европейской части России, 1800–1921 гг. (Принстонский университет) Пресса, 1991)
- Кизлинг, Рудольф, Эрцгерцог Франц Фердинанд фон Австрия-Эсте (Грац и Кельн, 1953)
- Клиер, Джон и Хелен Мингей, В поисках Анастасии: Решение Тайна пропавших Романовых (Лондон, 1996)
- Кобылинский, Евгений, Последние дни Романовых (Лондон, 1920)
- Коковстов, граф Владимир, Из моего прошлого: Воспоминания графа Коковстова, пер. Лаура Матвеева (издательство Стэнфордского университета, 1935 г.)
- Крамер, Алан, Динамика разрушения: культура и массовые убийства в Первой мировой войне (издательство Оксфордского университета, 2008 г.)
- Лерман, Кэтрин А., Канцлер как придворный: Бернхард фон Бюлов и правительство Германии, 1900–1909 (Cambridge University Press, 1990)
- Ливен, Доминик, Россия и истоки Первой мировой войны (Бейзингсток, 1987)
- Ливен, Доминик, Николай II: император всея Руси (Лондон, 1993 г.)
- Лёве, Хайнц-Дитрих, Die Lage der Bauern in Russland, 1880–1905 (St. Катаринен, 1987 г.)
- Людендорф, Эрих, собственная история Людендорфа: август 1914 г. - ноябрь 1918 год; Великая война от осады Льежа до подписания

Взгляд на перемирие из штаба германской армии (Новое
Йорк, 1920 г.)

Макдонах, Джайлз, Последний кайзер: Вильгельм Стремительный (Лондон,
2000)

Макмиллан, Маргарет, Война, положившая конец миру: как Европа покинула
Мир во время Первой мировой войны (Лондон, 2013 г.)

Макдэниел, Тим, Самодержавие, капитализм и революция в России
(Издательство Калифорнийского университета, 1988 г.)

Макдональд, доктор медицины, Объединенное правительство и внешняя политика в России, 1900–1900 гг.
1914 г. (издательство Кембриджского университета, 1992 г.)

Макинтош, Кристофер, Король-лебедь: Людвиг II Баварский (Лондон,
1982)

Маккин, Р.Б. (редактор), Новые перспективы современной российской истории: избранные
доклады Четвертого Всемирного конгресса советских и восточноевропейских
исследований, Харрогейт, 1990 г. (Лондон, 1992 г.)

Маклин, Родерик Р., Королевская власть и дипломатия в Европе, 1890–1914 гг. (Издательство
Кембриджского университета, 2001 г.)

Маннинен, Охто (редактор), Itsenäistymisen Vuodet 1917–1920 (Хельсинки, 1992)

Мария Луиза Шлезвиг-Гольштейнская, принцесса, Мои воспоминания о шести
царствованиях (Лондон, 1957)

Мэсси, Роберт К., Николас и Александра (Лондон, 1968)

Майлунас, Андрей и Сергей Мироненко, Страсть на всю жизнь: Николай и
Александра, их собственная история (Лондон, 1997)

Менне, Бернхард, Кровь и сталь: Взлет и падение Дома
Крупп, пер. Г. Х. Смит (Нью-Йорк, 1938 г.)

Меннинг, Брюс В., Штыки перед пулями: Императорская Российская армия,
1861–1914 (издательство Индианского университета, 1992)

Миллард, Франк, Дворец и бункер: королевское сопротивление Гитлеру
(Страуд, 2012)

Моррис, Эдмунд, Теодор Рекс (Нью-Йорк, 2001 г.)

Мортон, Фредерик, Гром в сумерках: Вена, 1913–1914 (Нью-Йорк,
1989)

Моссе, В. Э., «Столыпинские деревни», славянское и восточноевропейское обозрение.
(1964–1995)

Нолан, Майкл Э., Перевернутое зеркало: мифологизация врага во Франции и
Германии, 1898–1914 (Нью-Йорк, 2005 г.)

Оуингс, Дольф, Сараевский процесс (Чапел-Хилл, Северная Каролина, 1984)

Палеолог, Морис, Мемуары посла (Лондон, 1923–1925)

Палей, Ольга, принцесса, Воспоминания о России (Лондон, 1924)

Паллот, Дж. и Д. Б. Шоу (редакторы), Пейзаж и поселение в Романове
Россия, 1613–1917 (издательство Оксфордского университета, 1990).

Палмер, Алан, Сумерки Габсбургов: жизнь и времена
Император Франц Иосиф (Нью-Йорк, 1994 г.)

Парес, Бернар, Падение русской монархии (Лондон, 1939 г.)

Парес, Бернар (вступление), Письма царицы к царю, 1914–1916 (Лондон, 1987)

Пассмор, Кевин, Правые во Франции от Третьей республики до Виши (Oxford University
Press, 2013)

Плесс, Дейзи, принцесса, Дейзи, принцесса Плесс: Сама по себе (Нью-Йорк,
1929)

Престон, Диана, Умышленное убийство: гибель Лузитании (Лондон, 2002 г.)

Пуришкевич, Владимир, Конец Распутина (Энн-Харбор, Мичиган,
1985)

Радзинский, Эдвард, Распутин: Последнее слово, пер. Джадсон Розенгрант (Лондон,
2000 г.)

Раппапорт, Елена, Екатеринбург: Последние дни Романовых (Лондон,
2008)

Раппапорт, Елена, Четыре сестры: Потерянные жизни Романовых Великих
Герцогини (Лондон, 2014)

Ратенау, Вальтер, Вальтер Ратенау: промышленник, банкир, интеллектуал и политик:
заметки и дневники, 1907–1922, Хартмут Погге фон Страндманн и Кэролайн
Пиндер Кракффт (редакторы) (Oxford University Press, 1985)

Рис, Рассел, Ирландия, 1905–1925 гг. (Ньютаунардс, 1998 г.)

Риган, Джон М., Миф и ирландское государство (Irish Academic Press, 2013)

- Ремак, Иоахим, Сараево: история политического убийства (Нью-Йорк, 1959)
- Ремак, Иоахим, «Здоровый инвалид: насколько обречена была империя Габсбургов?», Журнал современной истории (февраль 1969 г.)
- Рич, Дэвид Алан, Царские полковники: профессионализм, стратегия и подрывная деятельность в позднеимперской России (Cambridge University Press, 1998)
- Рич, Норман и М. Х. Фишер (редактор), The Holstein Papers (Cambridge University Press, 1957)
- Родзянко, Михаил, Царствование Распутина (Лондон, 1927)
- Рёль, Джон К.Г., Германия без Бисмарка: кризис правительства во втором рейхе, 1890–1900 (Лондон, 1967)
- Рёль, Джон К.Г. (редактор), 1914: заблуждение или замысел? (Лондон, 1973 г.)
- Рёль, Джон К.Г., Кайзер и его двор: Вильгельм II и правительство Германии (Cambridge University Press, 1996)
- Рёль, Джон К.Г., Молодой Вильгельм: Ранняя жизнь кайзера, 1859–1888 (Cambridge University Press, 1998)
- Руммель, Рудольф, Смертельная политика: советское убийство и массовый геноцид с 1917 г. (Рутгерский университет, 1990 г.)
- Солсбери, Харрисон, Черная ночь, Белый снег: российские революции 1905–1905 гг. 1917 г. (Нью-Йорк, 1977 г.)
- Шорске, Карл Э., Вена Fin-de-Siècle: политика и культура (Нью-Йорк, 1981)
- Щуселка, Франц, Deutsche Worte eines Oesterreichischers (Гамбург, 1843)
- Шварценберг, Адольф, принц Феликс цу Шварценберг (Нью-Йорк, 1946)
- Шоукросс, Уильям (редактор), Подсчет благословений: Избранные письма королевы Елизаветы, королевы-матери (Лондон, 2013 г.)
- Сервис, Роберт, История современной России: от Николая II до Путина (Лондон, 2003 г.)
- Сервис, Роберт, Ленин: биография (Лондон, 2010 г.)
- Смит, Дэвид Джеймс, «Одно утро в Сараево» (Лондон, 2008 г.)
- Смит, Дуглас, Бывшие люди: уничтожение русских. Аристократия (Лондон, 2013 г.)

Снайдер, Тимоти, Красный принц: Падение династии и возвышение
Современная Европа (Лондон, 2008 г.)

Сондхаус, Лоуренс, Франц Конрад фон Хетцендорф: Архитектор
Апокалипсис (Бостон, 2000)

Сперанский, Валентин, «Особое место назначения La Maison»: La Tragédie d'Ekaterinenbourg
(Париж, 1929)

Стэннард, Мартин, Эвелин Во: Ранние годы, 1903–1939 (Лондон,
1990)

Стейнберг, Джон В., Все царские люди: Генеральный штаб России и судьба
Империи, 1898–1914 (Балтимор, 2010 г.)

Стейнберг, Марк и Владимир М. Хрусталёвы, Падение Романовых: политические мечты и
личная борьба во время революции (издательство Йельского университета, 1995)

Стефания, наследная принцесса Австрии и Венгрии, я должна была стать императрицей
(Лондон, 1937 г.)

Тейлор, АJP, Первая мировая война (Лондон, 1974) фон

Бетманн-Хольвег, граф Теобольд, Betrachtungen zum Weltkrieg
(Берлин, 1921 г.)

фон Черин, граф Оттокар, В мировой войне (Нью-Йорк, 1920) фон Маргутти,
барон Альберт, Император Франц Иосиф и его время
(Лондон, 1921)

фон Морси, барон Андреас, «Конопищ и Сараево», берлинец
Монатшефте (июнь 1934 г.)

фон Сосновский, Теодор, Франц Фердинанд дер Эрцгерцог Тронфольгер
(Мюнхен, 1929 г.)

фон Тирпиц, Альфред, Erinnerungen (Лейпциг, 1920)

Вырубова, Анна, Воспоминания о русском дворе (Нью-Йорк, 1923).

Уэлч, Дэвид, Германия, пропаганда и тотальная война, 1914–1918 (Лондон,
2000)

Уэлч, Фрэнсис, Романовы и мистер Гиббс: История
Англичанин, который учил детей последнего царя (Лондон, 2002 г.)

Уиткрофт, Эндрю, Габсбурги: воплощение империи (Лондон, 1995)

Уиттл, Тайлер, Последний кайзер: биография Вильгельма II, немецкий
Император и король Пруссии (Лондон, 1977 г.)

Уильямс, Хелена Мария, Письма, написанные во Франции (Калгари, 2001 г.)

Уилтон, Роберт, Последние дни Романовых (Лондон, 1920 г.)

Юссопов, князь Феликс, Распутин: его пагубное влияние и
Убийство (Нью-Йорк, 1927)

Юссопов, принц Феликс, Lost Splendor (Лондон, 1953)

Цвейг, Стефан, Вчерашний мир (Лондон, 2011 г.)

OceanofPDF.com